

О П И С А Н І Е
В С Ъ Х Ъ,
О Б И Т А Ю Щ И Х Ъ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ,
Н А Р О Д О В Ъ

и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновений, одежду,
жилищъ, Вѣроисповѣданій и прочихъ
достопамятностей.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т І Я
О Н А Р О Д А Х Ъ
С Е М О Я Д С К И Х Ъ, М А Н Д Ж У Р С К И Х Ъ
и восточныхъ сибирскихъ
какъ и о Шаманскомъ Законѣ.

Изданіемъ Книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской Цензуры.

ВЪ С А Н К Т Ъ - П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ТРЕТІЕЙ
ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о каждомъ
изъ нихъ писано.

	страниц.
I. О Семоядскихъ Народахъ во обще	1
II. О Семояди	4
III. О Коибалахъ	12
IV. О Саясахъ	15
V. О Машорахъ	16
VI. О Тубинцахъ	17
VII. О Камачиндахъ	18
VIII. О Каракассахъ	19
IX. О Народахъ не известной или смѣшанной породы	21
X. О Енисейскихъ Ошякахъ	22
XI. Объ Аринцахъ	24
XII. Объ Азанахъ	26
XIII. О Котовдахъ	27
XIV. О Манджурскихъ Народахъ во обще	29
XV. О Тунгузахъ	35
XVI. О Восточныхъ Сибирскихъ Народахъ во обще	52
XVII. О Юкагирахъ	54
XVIII. О Камчадалахъ	56
XIX. О Корякахъ	69
XX. О Чукчахъ	74
XXI. О Курильдахъ	78
XXII. О Восточныхъ Островскихъ жителяхъ	81
XXIII. О Шаманскомъ Языческомъ Законѣ	98

СЕМОЯДСКІЕ НАРОДЫ.

Кочующіе въ западной сторонѣ Уральскихъ горъ или прямыя Россійскіе *Семояди* сдѣлались правда подданными уже Царю *Осодору Ивановичу* въ 1525 году, и слѣдовательно за долго еще до покоренія въ седьмомъ надесять столѣтїи Сибирскихъ народовъ: но касающіяся до нихъ и до принадлежащихъ къ нимъ колѣнъ произшедшія шакъ, какъ и бышїя всѣхъ Сѣверовосточныхъ народовъ Россійскихъ, погружены въ несповѣдимости. Семояди, кочуя въ самыхъ суровыхъ пущыняхъ, и при томъ не умѣя ни грамоти, ни счисленїю времени, знаютъ обстоятельство своего произхожденія, единоплеменства, странствованїи и прочаго не больше, какъ сколько могутъ почерпнуть о томъ свѣденія изъ изустныхъ преданїи, древнихъ пѣсенъ и сказокъ о своихъ богатыряхъ и предкахъ, та же о странахъ, горахъ, рѣкахъ и шакъ далѣ, по близости кошорыхъ жили они въ старыя времена: но шакое знанїе малымъ чемъ превозходитъ и совершенное невѣденїе.

Сами они наблюдающъ правда между собою по поколѣнїямъ своимъ строгой союзъ, и рѣдко вступающъ съ чужими въ бракъ; да и шо одни только женщины переходящъ въ другїя поколѣнья. Не меньше пристрастны они къ своему языку и къ прародительскимъ

обычаямъ. Но Россійскіе побѣдители обрѣли разныхъ сего племени народовъ ошъ часши не въ старинныхъ уже ближе къ Югу лежащихъ мѣстахъ, кошорыхъ лишили ихъ Ташара въ четвертомъ десясть столѣтіи, ошъ часши же отщепенныхъ на побѣгъ ошъ единоплеменныхъ своихъ колѣнъ; и при томъ нѣкоторые помянутыя народы пребывали тогда въ настоящемъ своемъ состояніи. А какъ не старались народовъ сихъ и ихъ племенъ послѣ побѣдъ надлежащимъ порядкомъ различать; по названію многихъ ошъ часши переломаны, ошъ часши же своевольно выдуманы и даны. Ташара называли всѣхъ Сибирскихъ покоренныхъ народовъ *Уштякали*. У Россіянъ почти столь же обще употребляются названія *Семояды* и *Отяки*. Извѣстные подъ симъ наименованіемъ народы сходствуютъ между собою ошъ часши Сѣверными только жилищами и великимъ единообразіемъ житейскихъ обрядовъ: напротивъ того ни въ языкахъ ихъ, ни въ видѣ, ниже въ душевныхъ качествахъ и нравахъ нѣтъ ни какого сходства. А особливо многія Ошакскія колѣна называются *Семояды*, а Семоядскія *Отяки*, какъ ошъ простыхъ людей, такъ и въ приказныхъ мѣстахъ. Жители *Тарханской волости* на рѣкѣ *Обѣ*, по собственному ихъ преданію, Ташарской породы, и обитали прежде на Иршышѣ неподалеку ошъ устья Тобола: но по елику ихъ обрѣли между Семояды, то и причислили ихъ къ оной. Въ большой половинѣ холодныхъ и непроходимыхъ пустынь сихъ народовъ никто еще изъ ученыхъ и пышателей не бывалъ; и есть не мало шакихъ колѣнъ, изъ коихъ видны вѣдѣнія ихъ предѣловъ одинакѣ тодько выходцы. Пущешествующіе въ шамошнихъ мѣстахъ собиратели подашей и надзираштели, думаютъ сверхъ должности своей о шоргахъ и прибыли больше, нежели о приобрѣшеніи нужныхъ свѣдѣній, и по привычкѣ едва и самыя странныя предметы кажутся имъ достопамятными.

По моему намѣренію, которое клонится къ тому, чтобы описывать больше нынѣшнее состояніе обитающихъ въ Россіи народовъ, нежели древнія ихъ бышя, служатъ мнѣ вѣрнымъ руководствомъ шруы слѣдующихъ нашихъ Историковъ, а именно г. Сшашскаго Совѣтника *Миллера* Собранія Россійской исторіи, и г. Профессора *Фишера* Сибирская исторія, а особливо сообщенные мнѣ первымъ рукописные словари, собранные самимъ имъ у разныхъ народовъ. Судя по согласію различныхъ общаго языка нарѣчій, и по сходству вѣдѣній и житея, должно почитать, кромѣ настоящихъ Семоядскихъ колѣнъ, нѣкошорыхъ къ Ошакамъ причисленные поколѣнья ж

разные небольшіе Красноярскіе ошашки народовъ, о коихъ упомянушо въ описаніи Татарскихъ народовъ, какъ шо, *Кобалъ*, *Маторовъ*, *Тубинцовъ*, *Каматинцовъ*, *Каракассовъ* и *Сятовъ*, единоплеменными *Семюди* по ихъ произхожденію. Вѣроятно кажешся, что они во время побѣга своей брашнѣ въ склонившіяся больше на Сѣверъ пущыни, остались у побѣдоносныхъ Татаръ въ ихъ жилищахъ, или скончались изъ спасавшихся бѣгствомъ ошъ жестокошн Татаръ.

С Е М О Я Д И.

Семояди называются сами *Инисали* (людьми) и *Хозовали* (мужами). Если слово *Семояди* произведено отъ Финскаго языка, то производитъ оно, можетъ быть, отъ *Салеанды*, названія Лопарской страны, или и отъ слова *Соома*, болошо, по тому, что въ пущыняхъ ихъ есть обширныя болоша. Въ старинныхъ Россійскихъ приказныхъ ведомостяхъ назывались они и *Сыробдцями*. У *Отяковъ* называются они *Ерүкхо*, у *Түнгүзъ Джандаты*, и такъ далѣе.

Они *живутъ* около, да и на самыхъ берегахъ Ледовитаго моря, въ Европѣ отъ Бѣлаго моря или прямо отъ рѣки *Мезени* до Уральскихъ горъ, а въ Азїи отъ сихъ горъ за рѣку *Енисею*, почти до самой Лены, въ Европейской Россїи особенно, а въ Сибири отъ части по близости, а отъ части и обще съ Ошяками. Жилища ихъ начинаются почти отъ 65 степеня Сѣверной широты. Мѣста ихъ болошны и гористы. Съ 67 степеня широты какъ по сему сословію земли, такъ по причинѣ великой снужи, деревья уже не растутъ, но видны одни только кушарники, да и тѣ чемъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ низменнѣе и рѣже становятся. На *Новой Землѣ*, супротивъ устья *Оби*, они правда не живутъ: но за Енисеемъ на Воспокѣ простирающіяся обитаемые ими берега отъ части и до 75 степеня Сѣверной широты: по чему обширная ихъ область можетъ почтаться самою непроходимой, холодной, пустою и суровою частью земнаго шара.

Они *раздѣляются* на поколѣнья, а сіи на роды. Поколѣнья наблюдаютъ строго между собою союзъ, и съ другими колѣнами мало имѣютъ сообщенія, а отъ части между собою и не знакомы: по чему и нарѣчїя общаго ихъ языка весьма несходны. Въ Россїи кочуютъ *Лаггское* и *Вайойтское* поколѣнья, кошорыя обще называются *Обвендырлями*, и состоятъ между Мезенью и Печорою, слѣдовательно наиболѣе къ Западу; а около Печоры *Тихондыри*; также *Түсса-Илоган* и *Хүминги*, Рос. (*Карангаги*); въ Сибири живутъ *Түарыги* вдоль береговъ морскаго Вайгатскаго пролива; около вершины *Оби*, между *Обью* и *Енисеемъ*, начиная отъ *Мангазеи*, еще многолюднѣйшіе *Юряки*; а между *Енисеемъ* и нижнею Леною не меньше людныя *Тавцы*. По послѣдней переписи въ Архангелогородскомъ на-мѣстничествѣ находилось около 936 семей, кои соснавлиали 1349

душъ мужскаго и 1415 женскаго пола. Семоядь вообще многолюднѣе Ошяковъ, но такъ же, какъ и шѣ, разсѣяна по чрезвычайно обширнымъ своимъ землямъ.

Семояди расту самаго меньшаго, и рѣдко бывающъ ниже четырехъ, а выше пяши футовъ. Въ прочемъ они коренасты; ноги и шея у нихъ короткія, голова большая, лицо и носъ нарочито плоскія, нижняя часть лица немало выдалась вѣ передъ; ротъ и уши большіе, глаза маленькіе черные, вѣки продолговатыя, губы шонкія, ногти маленькія, кожа смуглая; волосу кромѣ головы нигдѣ нѣтъ, какъ по тому, что худо растешъ, шакъ и для того, что оба пола съ молодю рачительно его вышербливающъ; вѣ прочемъ онѣ у всѣхъ черной и жесткой. У мужчинъ виденъ на бородѣ одинъ только пухъ. *Женщины* ихъ поспашнѣе, ростомъ ниже, и черты лица ихъ понѣжнѣе, но шакъ же, какъ и мужчины, не красивы. Груды у нихъ маленькія и плоскія. Вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ писателей носящъ они плащное, однакожъ очищеніе бываешъ очень малое. Дѣтей рожашъ начинающъ очень рано; иныя бывающъ у нихъ машерями на двенадцатомъ и на тринадцатомъ году; но они не очень плодородны и съ тридцатаго году перестаютъ уже рожашъ. Сіе самое состояніе женскаго пола и суровый поясъ ихъ спраны конечно причиною и тому, что они малорослы и худо размножаются; ибо ни что другое приращенію ихъ не препятствуетъ. Обыкновеннѣйшія у нихъ болѣзни бывающъ горячка и лихорадка, которыя хотя и много между ими свирѣпствующъ, однакожъ мало ошъ нихъ умирающъ. Цынга имъ совсѣмъ не извѣсна. Они доживающъ до 60 и до 70 лѣтъ, но далѣе того весьма рѣдко.

Семояди отважнѣе, дичае, и не столько благодарны и послушны, какъ привыкшіе больше къ Россіянамъ Ошяки; при шомъ они суевѣрны, не чужды природныхъ дарованій, ни къ воровству, ни къ убійствамъ, ни къ мщенію не склонны, и ни къ чему не приспособны ни мало. Многіе, а особливо изъ женьщинъ, чрезвычайно *лугливы*. Когда такіе люди испугающъ, или нечаянно увидящъ нѣчто спранное, и шакъ далѣе, то бывающъ шакъ, какъ и Лопарскія женьщины, внѣ себя, и приходятъ паки вѣ чувствю несоро и при великой слабости. Иные не могушъ терпѣшь свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму или стуку: и ошъ того спановящъ бѣсны. Сіе свойшвенно имъ обще съ Ошяками, Тунгузами, Якузами и всѣми вѣ ближайшихъ къ Сѣверу мѣстахъ живущими народами: по чему и надобно вскашъ шому при-

чины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ спрашлнщахъ, кошорны пугають ихъ съ самаго младенчества.

Междоусобное ихъ устройство было и есть нарочито еще старинное. У нихъ не бывало никогда Князьковъ, владѣльцовъ или иныхъ какихъ судей, кромѣ старшинъ надъ поколѣньями. Памяшь нѣкошорыхъ богашырей, оказавшихъ мужество свое почти на одномъ шолько звѣриномъ промыслѣ, шакже семьянистыхъ родоначальниковъ и славныхъ волшебниковъ, соблюдають они въ сказкахъ своихъ и пѣсняхъ. По покореніи ихъ Россійской державѣ, построены въ округахъ ихъ ошъ части для усмиренія, а ошъ части и для собиранія подаши, нѣсколько оспроговъ; на что они сперва и негодовали. Но они давно уже успокоились, и *подать*, кошорой раздѣленіе предосшавлено имъ на волю ошъ *ПЕТРА Великаго*, плашьяшъ по привычкѣ, хошя и безъ всякихъ другихъ доказательствъ своего подданства, однакожь безъ ропшанія и супротивленія, добровольно въ опредѣленныхъ ошдашочныхъ мѣсшяхъ. Подашь же сія состоишъ на каждую мужескаго пола душу въ разной мяткой рукляди, соболяхъ, лисицахъ и проч. и очень мало приносишъ казиѣ прибыли, по шому что Россійское правительштво опниудъ подданныхъ своихъ не ошягощашъ великими взысканіями.

Кочуя безопасно въ своихъ пущыняхъ, *не думаютъ* они ни о *счисленіи времени*, ни о *грамоти*, ниже ошъ *цени*. Лунныя печенія называють они, по примѣру Ошяковъ, по ешественнымъ явленіямъ и относящимся къ онымъ ихъ упражненіямъ. У нѣкошорыхъ Семоядскихъ поколѣній есть шакъ, какъ и у иныхъ Ошякскихъ, шакое обыкновение, что условясь между собою очемъ ни будь, выжигають у себя на рукахъ въ знакъ вѣрнаго исполненія ошщанія, нѣкошорыя изображенія или клейма. При клятвѣ или присягѣ становяшя они на снѣгъ, и клянущя, что бы имъ росшашъ подобно снѣгу, ешшьли они говоряшъ не правду.

Жилища свои *жижины*, кошорыя по двѣ и по три, а больше рѣдко, стояшъ вмѣстѣ, вырываютъ многія какъ и Ошяки, до половины въ землѣ; поверьхъ же ямины сосшавляють наискось жерди и покрываютъ ихъ оленьими кожами или берешкою. *Лѣтомъ* кочуюшъ они шо у шой, шо у другой рѣки или озера, и шавяшъ въ шакowychъ мѣсшяхъ шиловатыя жердчатыя юршы, подобныя Тунгузскимъ, и покрываютъ ихъ шакъ же, какъ и зимнія жилища. При перекочовкѣ не шрогають они съ мѣстъ юршныхъ подпоръ, какъ и Тунгузы, а беруть съ собою одни шолько крышки. Многіе изъ нихъ живуть

въ юртахъ, подобныхъ шалашамъ или полашкамъ. Они любящъ жить въ чисшыхъ равнинахъ, которыя по большой части у нихъ пундришсы, и не часто перебираются съ одного мѣста на другое.

Домашній скарбъ у нихъ таковъ же, какъ и у Ошяковъ, и состоитъ больше ни въ чемъ, какъ въ щепяной посудѣ, кошлахъ, ножахъ, шопорахъ и саняхъ, которыя у нихъ называются Наршамы; такъ же корзинахъ, и кожаныхъ мѣшкахъ. При перекочовкѣ употребляютъ они узкія санки, въ которыя впрягаютъ оленей, или, какъ то дѣлаютъ особливо ближе къ Восшоку живущіе, собакъ, либо и сами ихъ везутъ.

Промыслы ихъ состоятъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да въ соержаніи оленей. Звѣриная и рыбная ловля могутъ почесъться общими упражненіями и главнѣйшими оспраслями пропитанія. Ради *звѣринаго промысла* кочуютъ они и зимою. *Турьки* перебираются по льду небольшими арпелями черезъ морской Вайгашской проливъ, для звѣринаго промыслу на необитаемой и самую Семоядью остро-въ *Новой земли*. Въ странахъ ихъ волятся наибольше и къ наивящей ихъ пользѣ *дикіе олени*, которыми они наипаче питаются, кожами ихъ одѣваются, покрываютъ свои юрты, спятъ на оныхъ, и такъ далѣе. Изъ прочихъ же звѣрей Сибирскихъ и Россійскихъ волятся у нихъ наибольше бѣлыя и черныя лисицы, бѣлые медвѣди и нѣкоторыя другіе. Когда они, будучи на звѣриномъ промыслѣ, далеко отъ мѣста своихъ отходятъ; то дѣлаютъ на снѣгу или на пескѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣтки; и всякъ употребляетъ непременно свою особливую, какъ будто заручительное клеймо: по чему семейство его удобно можеть за нимъ слѣдовать и его отыскивать. На звѣриномъ промыслѣ употребляютъ они силки, лоушки, лукъ, снрѣлы, рогатины и гончихъ собакъ, кои хоша и не велики, но весьма сильны. Зѣроловныя хитроспши производятъ весьма проворно и рачительно.

Сколь прилжно упражняются они всѣ вообще зимою въ звѣриномъ промыслѣ, столь рачительно производятъ и лѣтомъ *рыбную ловлю*. Они не меньше Ошяковъ въ томъ искусны и заимствуютъ отъ сего промысла для нуждъ своихъ всякія выгоды.

Семояди вообще скудны: однакожъ почти у всякаго есть по 20, или 50, а у иныхъ по 100, и по 500 смирныхъ оленей; а у нѣкоторыхъ и до 2000; сіи олени полагаются Россіанами цѣною отъ 5 до 10 рублей. Они вьдять на нихъ верьхомъ и впрягаютъ ихъ въ свои санки; вьдять же только издохшихъ или язувченыхъ

однакожъ убивають иногда для жершвоприношенія и здоровыхъ. Молока ни въ пищу, ни на сыръ не употребляютъ: по чему и скожь у нихъ приращается.

Женщины улажлиютъ по примѣру Опячекъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ въ шитьѣ одѣянїя, въ выдѣлкѣ кожъ, въ сушенїи рыбы и во всемъ прочемъ до хозяйства ихъ касающемся. Гдѣ росшетъ кропива, тамъ прядуть они ее шакъ, какъ Башкирки и другїя, но не для шканья, а употребляютъ пряжу свою единственно на нишки, сѣши и веревки.

Всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, кромѣ собакъ, кошекъ, горностаевъ, бѣлокъ и змѣй, ѣдятъ, не разбирая, дома ли или на звѣриной ловлѣ убишы, либо околѣли ошъ какой ни есть болѣзни или порчи. Когда найдуть на берегу своею мертвѣго кisha, по почишають сїе благодастью и благодарятъ за оную своихъ боговъ, по тому, что многіе люди питаются онымъ нѣсколько дней во изобилїи. *Пищу готовятъ* столь же просто и неопрятно, какъ и Опяки. Чешыре, пшъ и больше семей варятъ нерѣдко въ одномъ кошлѣ, и при шомъ ни когда его не чистя. Хлѣбъ вовсе имъ незнакомъ; да и дикихъ кореньевъ и плодовъ ѣдятъ мало: по чему мясо и рыба служатъ имъ вседневною и непремѣнною пищею. Соли не употребляютъ, и варятъ все просто въ водѣ. Не только на звѣриномъ промыслѣ, но часто и дома, ядятъ мясо какъ оленье, шакъ и другихъ звѣрей, да и рыбы, сырые; а особливо парная кровь звѣрей почишается у нихъ лакомствомъ. Сушеной на солнцѣ рыбы ни когда не варятъ; но въ запасъ заготовляютъ себѣ или мерзлую или сушеную. Они любятъ веселость отъ *члогенїя* производящую, и по тому курятъ чрезвычайно много табаку, ѣдятъ по примѣру Опяковъ и другихъ народовъ мухоморы, а тѣ, которые могутъ посѣщать Россійскїя селенїя, вымѣниваютъ на мягкую рухлядь и вино. Обыкновенное ихъ пишье вода. Вообще живутъ они ни мало не опрятнѣе и не лучше Опяковъ; шокмо сїе у Семояди не столько кримѣшно по шому, что они повеселѣе и чаще переселяются на другїя мѣста.

Семоядское *одѣянїе* въ разныхъ ихъ поколѣнїяхъ не очень ошѣнно, и весьма походитъ на Опякское, а отъ части и на Якушское. *Зимнее одѣянїе* дѣлается обыкновенно изъ оленьихъ, лисьихъ и другихъ кожъ, опускается по большей части волосатымъ собачьимъ или волчьимъ брющашымъ мѣхомъ, отъ части и изъ подбрюшнїихъ гадаръ и другихъ водяныхъ птицъ; всегда одно на другое

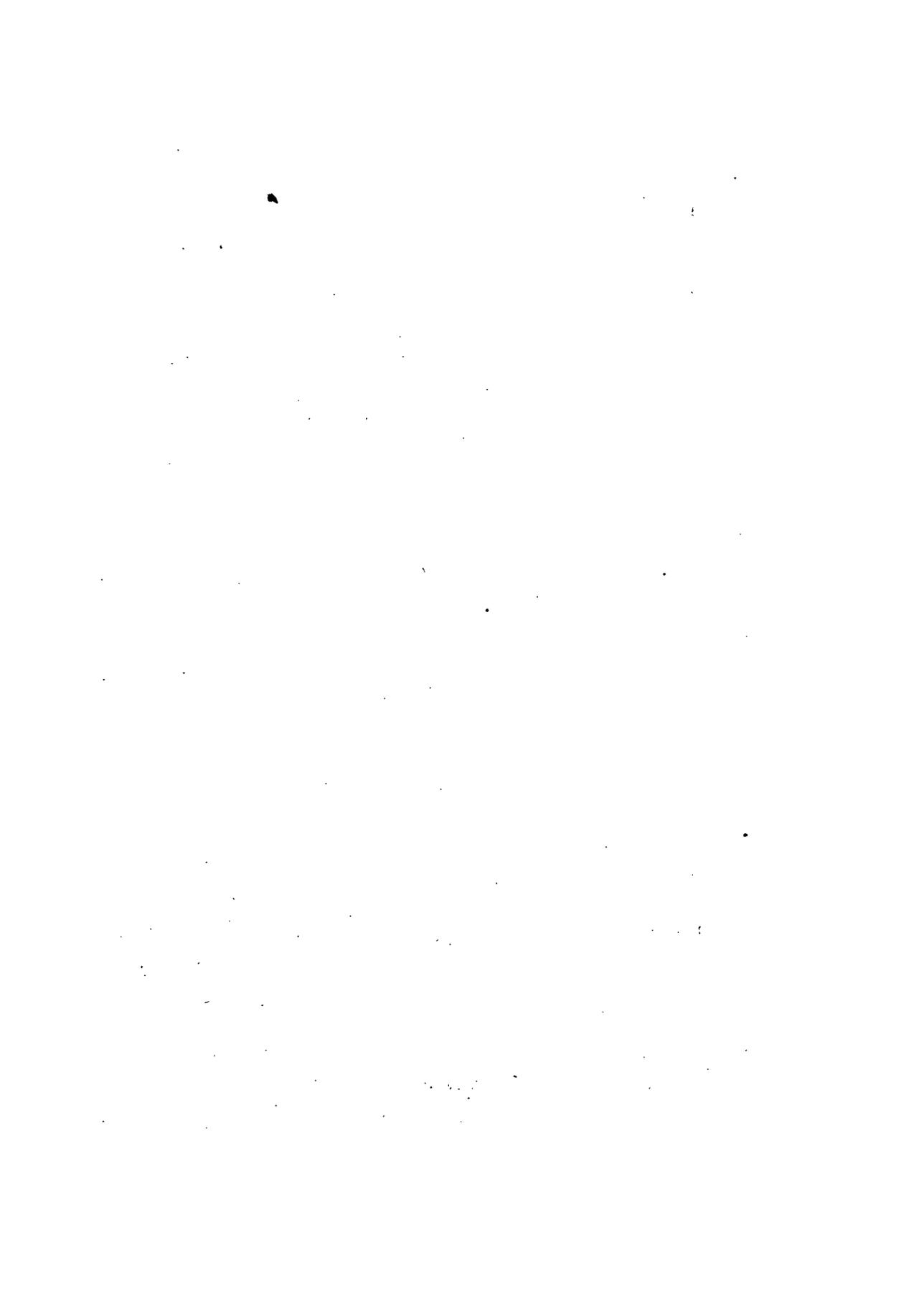

Самоедъ
Ein Samojede
Un Samoiede

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vorwärts.
Femme Samojede par devant.

надѣвается, волосомъ или перьями у исподняго нашья внушри, а у верхняго на ружу, и подпоясывается около шѣла поясомъ. Перьяныя одежи шакъ, какъ у нѣкошорыхъ и кожаняя, окладываются часто по Ялушскому обыкновенію въ мѣсто бахромки крашенымъ долгимъ волосомъ, которыми украшаются шакъ же и швы. Полы просшираются до самыхъ икръ, а у нѣкошорыхъ только по колѣна. Ременной поясъ съ мѣднымъ наборомъ почитается у нихъ щегольствомъ. Шпаны носятъ весьма короткія и узкія. Къ нимъ прикрѣпляютъ подвязками долги сапоги, которые дѣлаются на зиму изъ оленьихъ кожъ. Многіе дѣлаютъ шпаны и сапоги изъ одного покрою, разпещряютъ шъ и другіе полосами изъ лисьяго или инаго какого мѣху, и укрѣпляютъ ихъ подъ колѣнками подвязочными ремешками, которые Западныя или Архангелогородскіе Семояди застегиваютъ мѣдными изъ города Архангельскаго получаемыми пряжками. Бѣлья у нихъ вовсе нѣтъ, но носятъ одѣяніе на голомъ шѣлѣ. *Лѣтняя одежда* шьется изъ рыбьихъ шкурокъ, которыя шакъ, какъ и мягкую рухлядь, искусно женщины у нихъ выдѣлываютъ; въпереди не сходятся, и по большой части на Якушской образецъ, то есть короткополая; по краямъ и швамъ нерѣдко разпещряется узорчатымъ шитьемъ и опушается. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, которыя иногда шакъ, какъ у Ошяковъ, прикрѣплены бывающъ и къ одежѣ.

Женское одѣяніе столь мало разнится отъ мужскаго, что не всегда можно ихъ и распознавать, а особливо по тому, что много есть у нихъ и голобородыхъ мужчинъ. Однакожъ оно вообще чище, красивѣе и витѣе. Обыкновенно украшается оно спроченьемъ и недурными вичурами, которые нашиваются звѣриными жилами; также кунными, собольими и изъ бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ опушками, шакъ какъ и бахрамою изъ долгихъ волосъ. Часто выкладываютъ они одежду свою по краямъ и на рукавахъ суконными полосками, высокихъ или яркихъ цвѣповъ, въ большой перспъ шириною, шакъ же бисеромъ и брякушками. Шпаны носятъ обыкновенно кожаняя; прикрѣпляемые къ нимъ чулки дѣлаются изъ рыбьихъ, а на зиму изъ звѣриныхъ кожъ. *Бабы* заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя черезъ плечи просшираются вдоль груди; *дѣвки же* носятъ по три косы, висящія по спинѣ. По елику они носятъ одѣяніе не покупное, но собственнаго своего рукодѣля, то дѣвки ходятъ не только не хуже, но по большой части еще и лучше бабъ. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же покрываютъ оную черныя.

Часть III.

Б

ми или иными какими теплыми шапками, которыя подвязываютъ подъ подбородкомъ.

Они берутъ за себя столько женъ, сколько купишь могутъ, и даютъ за каждую отъ пяти до двадцати оленей. Больше такихъ, которыя имѣютъ по одной женѣ; но у нѣкоторыхъ есть и двѣ, а у иныхъ и три: по чему многіе бѣдняки остаются холосты или принуждены бываютъ брать тѣхъ, на которыхъ никто и не глядитъ. Не хоша женишься на роднѣ, ищущъ все себя невѣснѣ въ другихъ поколѣнѣяхъ. По уплатѣ выкупу, привязывается крайнѣ суроши-вляющаяся невѣста къ санямъ и отвозится къ жениху въ юрту. Произходящіе шумъ свадебные обряды сходны съ Отыкскими; да и самую сохранность и нецѣломудріе такимъ же порядкомъ награждаютъ они и наказываютъ. Мужъ называетъ жену *Ау*, (хозяйка!) а жена мужа *Хозова*, (хозяйинъ!). Жены родятъ чрезвычайно легко, и безъ всякихъ почти мученій и припадковъ. А какъ скоро роды спануть хоша нѣсколько шажлы, то начинаютъ подозревать на нихъ въ побочномъ соишіи съ другими мужчинами: по чему и стараются принудить ихъ при шаковыхъ обстоятельствахъ къ признанію, дабы соблазнитель, которыхъ оправданія совсемъ не принимаютъ, принудить послѣ къ удовлетворенію, хоша въ прочемъ и бездѣльному. Браки ихъ и уничтожаются очень легко и скоро; Если мужъ оставитъ свою жену, то и выкупъ за нее пропадетъ; но если жена оставитъ своего мужа, то требуетъ отъ него себя обратно. Разошедшися могутъ опять жениться другъ на другѣ; но только въ шакомъ случаѣ плашатъ уже за шаковую жену, гораздо дешевле, нежели за вдову или дѣвку. Какъ сіи, такъ и прочіе договоры совершаются у нихъ на словахъ и битьемъ по рукамъ.

Женской лолъ по Семейскому разсужденію *негистъ*: по чему и поступаютъ они съ нимъ презрительно, а отъ части и безчеловѣчно. Жены претерпѣваютъ жестокость сію больше, нежели дочери, въ пользу которыхъ возпламеняется родительская любовь: по чему и упорство ихъ при выдаваніи ихъ за мужъ не всегда бываетъ прищворное. Пока жены родятъ еще дѣшей, до тѣхъ поръ все могутъ надѣяться на пощаду, кошорая съ приращеніемъ ихъ старости все пропадетъ. Они отнюдь не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но питаются только тѣмъ, что послѣ ихъ останетъ. Въ юртѣ должны они сидѣть всегда на своей сторонѣ, и шакъ же, какъ и Буряшки, никогда не ходятъ около огня, кошорому при-

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Samojedin im Sommerkleid.
Femme Samojede en habit d'été.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is mirrored and appears to be a list or set of instructions, possibly related to a technical drawing or a set of data. The words are difficult to decipher due to the bleed-through and the angle of the page.

своелюбная святость; да сверхъ того мѣста, на которыхъ сидѣли они въ юрть или въ саняхъ, и вещи, кои они упошребляли, шакъ какъ и самихъ себя должны они окуривашъ надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ. Во время перекочовки не должно имъ переходить чрезъ слѣды челоуѣка или оленя, но надобно оставашся на одной сторонѣ; при укладкѣ вещей въ сани и выкладкѣ изъ оныхъ не дозволено имъ ходитъ около оныхъ, но надлежитъ пролѣзашъ въ оныя промежъ жердей. Много есть у нихъ и другихъ симъ подобныхъ суевѣрныхъ нелѣпностей. А особливо поступающъ они съ женами своими крайнѣ презрительно во время мѣсячнаго ихъ очищенія и первыя восемь недѣль послѣ родовъ. Тогда не смѣющъ они ни къ ѣствѣ прикасашся, ниже мужьямъ что ни есть подавашъ; не ѣдшъ убитой недавно живности, и шакъ далѣе. Сие ошчужденіе оканчивается торжественнымъ окуриваніемъ надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ.

Покойниковъ хоронятъ шамъ, гдѣ кто умеръ. Они надѣваютъ на умершаго самое лучшее плашье, завертывающъ его въ оленью кожу, выносящъ изъ юрты не дверями, но въ боковой ходъ, и зарывающъ въ весьма мѣлкой могилѣ, которую при недоспашкѣ нужныхъ къ шому орудій немалого труда стоитъ имъ вырыть въ мерзлой и каменистой землѣ: по чему зимою зарывающъ иные покойниковъ полько въ снѣгъ, а хоронящъ лѣтомъ; но лисицы и другіе хищные звѣри избавляющъ ихъ нерѣдко отъ сего труда. Въ могилѣ опрокидающъ надъ покойниковою головою кошель, да сверхъ шого кладущъ шуда же ему про запасъ и другой домашній скарбъ, а особливо лукъ и стрѣлы. Послѣ погребенія укрощающъ волшебникъ изшедшаго изъ покойника духа, дабы онъ не беспокоилъ живыхъ, не лишалъ бы ихъ самыхъ лучшихъ добычь, и шакъ далѣе. Въ заключеніи убивающъ при могилѣ олень въ жершву, которая шумъ же и снѣдается. Зажишочные возобновляющъ сей обрядъ и нѣсколько кратъ. Поминаніе имени умершаго не служишъ у нихъ ни къ чему больше, какъ полько къ обезпокоиванію онаго: и по шому говорящъ они объ умершихъ всегда обиняками и вскорѣ предающъ ихъ забвенію.

Вѣра ихъ Языческая по Шаманскому толкованію. Они вѣрующъ въ Бога (Самъ: Нумъ), которой все создалъ и не можетъ бытъ изображенъ ни въ какомъ видѣ; а между шѣми имѣющъ многихъ полубоговъ, которые смотря по обстоятельству, дѣлающъ людемъ добро и зло. Сихъ изображающъ они куклами челоуѣческаго вида, съ

сими полубогами ииѣюшъ сношеніе ихъ священнослужители, (Та-
пибѣ) и призываюшъ ихъ по Шаманскому обычаю спуча въ волшеб-
ной барабанъ, умилоснивають ихъ жертвами и подарками, спра-
шиваютъ у нихъ о будущемъ, получаюшъ чрезъ нихъ искусство лѣ-
чить больныхъ, и пр. Сіи священнослужители отъ Семоядовъ уважа-
ются очень много, не смотря на всю ихъ о самихъ себѣ безпри-
страстность.

К О И Б А Л Ы.

Народъ сей раздѣляется на пятнадцать колѣнъ, которыя одна-кожъ всё совокупно по прешей переписи плащашъ подушной окладъ только за 402 души, и слѣдовашельно могутъ почешься малымъ остаткомъ прежней сильной орды. Они живутъ въ верху Енисея, за Абаканомъ по обѣ стороны Енисея, не подалеку отъ Саянскихъ горъ въ Красноярскомъ уездѣ.

Разположеніе лица ихъ походитъ больше на Семоядское, нежели на Ташарское. *Языкъ* ихъ есть такъ же смѣшанное со многими Ташарскими словами Семоядское нарѣчіе.

Они упражняются больше въ *скотоводствѣ* и кочуютъ въ подвижныхъ юртахъ. У иныхъ водится лошадей по спу, по столько же рогатаго скота, по знашнѣйшему числу овецъ, и по нѣскольку верблюдовъ. Овцы ихъ породы широкохвостой; однакожъ у нихъ небольшіе только саломъ оплывшіе хвосты. Скотъ принужденъ самъ себя опыскивать кормъ и зимою: но они пособляютъ нѣсколько слабой скотинѣ шѣмъ, что кучи сѣна, чечалками (*) сносимыя, берутъ въ юрты, и шѣмъ ее кормятъ. Многіе, да и большая половина, послѣдую Рускимъ людямъ, пахуютъ немного земли и умѣютъ при шомъ употреблять Рускую соху. Нѣкоторые изъ такихъ землепашцовъ построили себѣ и деревянныя хижины; у шаковыхъ водятся и куры, хотя въ прочемъ кочевые народы дворовой сей птицы и никогда не держатъ. *Звѣриной промыселъ* всё любятъ; а онъ и нарочито прибыточенъ въ ихъ странѣ.

Въ разсужденіи *домашняго скоту, одѣянія, лица и нравовъ* мало разнятся они отъ Красноярскихъ Ташаръ, нѣже и по близости которыхъ они живутъ. Вережки и канашы, на укрѣпленіе юртъ и на другія надобности, дѣлаютъ они изъ дикаго льну и кропиви. Коибалки носятъ косы и шапки по примѣру Моголокъ, о кошорыхъ буду говорить послѣ.

Бабы родятъ стоя на колѣняхъ, и при шомъ такъ легко, что въ четвершой день принимаются уже и за обыкновенныя свѣдѣла.

Коибалы содержали прежде языческой законъ по Шаманскому полкованію: но *нынѣ* всё уже *крещены*; да и отъ языческаго своего суевѣрія отъ часу больше уклоняются. Они хоронятъ шеперь

(*) *Lepus alpinus*. Pallas.

всѣхъ покойниковъ въ землѣ; въ прежнія же времена погребали только взрослыхъ людей, а дѣшей спазали, по Болштырскому обыкновению, для исплабнїя на дерева. Роженицы почищаются и нынѣ еще четырнадцать дней нечисыми, и очищаются отъ сего оскверненїя мышьяемъ и окуриванїемъ себя ирвенемъ (*).

(*) Sabina.

С А Я Т Ы.

Саяты называются такъ же *Сүютами* и *Соютами*; они живутъ на вышнихъ Саянскихъ горахъ на Югозападномъ концѣ Байкала у Монгалскихъ границъ, а отъ части и за оными на Кишайскихъ земляхъ: по чему они намъ и не всѣ извѣстны. Число плашащихъ Россіи данъ почти сошвѣпшвуеиъ количеству Коибалъ.

Единоплеменство Саятъ съ Семоядью доказывается ихъ *видомъ*, *языкомъ* и *житейскими обрядами*; но при томъ вѣроятно кажется, что они принадлежатъ и къ Тубинцамъ, у которыхъ во время завоеванія Сибири былъ храбрый Князекъ, по имени *Сонтъ*, которыхъ самимъ, или можетъ быть и преемниками его, заведены они далѣе въ горы, и по предводителю своему назвали себя *Саятами*.

Какъ Россійскіе, такъ и Кишайскіе Саяты, бѣдны и *козуютъ* въ худыхъ берестюю покрытыхъ лѣсныхъ юртахъ въ пустыхъ горахъ, и отъ части держатъ по немногу оленей, большая же половина ихъ какихъ жившихъ, кромѣ собакъ, у себя не имѣетъ, и живетъ бѣдно и неопратно, получая пропитаніе отъ одной звѣриной и рыбной ловли, и нѣкоторыхъ дикихъ кореньевъ.

Законъ содержитъ всѣ *языгеской* по *Шаманскому толкованію*. Въ *одѣянн. же, обрядахъ* и *нравахъ* ни мало не разнятся отъ *Канбалъ* и *Маторовъ*: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

МАТОРЫ.

Маторы называются сами *Матами* и *Маторъ-Аймаками*. По завоеваніи Сибири Россіянами, обрѣнены они въ нынѣшней своей обласпи, шо есть неподалеку отъ Саянскихъ горъ, на правой сторонѣ Енисея, выше Абаканскаго острога на рѣкѣ Тубѣ. Тогда подвласны они были Хану Золошой Орды; Россіи же начали плашпшь дань въ 1609 году. Въ послѣдующія времена бывали они въ подданствѣ шо у Киргизцовъ, шо у Соонгаръ. Какъ по сему обстоятельству, шакъ и чрезъ сотрясаніе съ себя чужой власпи совсемъ почти перевелось ихъ колѣно, которое уже и въ началѣ 17 столѣтїя было слабое. При бывшей въ 1760 году переписи, положено ихъ въ подушной окладѣ шолько 30 душъ, да и сихъ испрѣбила оспа шакъ, что въ 1772 году считалось шолько десяшь семей въ остаткѣ. Сїи остальные пребывающъ между собою въ союзѣ, хоша и разсѣянно живутъ. *Салтамъ* они въ разсужденіи *языка, вида, дресныхъ обрядовъ, житїя и идолослуженїя* шакъ подобны, что какъ самихъ ихъ, шакъ и тѣхъ почитающъ Семоядскаго колѣна ошашкомъ, къ роду Саяшъ принадлежащимъ.

Скотоводцы они бѣдные; а въ землешаествѣ и вовсе не упражняются. Подвижныя свои юршы, составляемыя изъ жердей, копоря ставяшся наискось, покрывающъ берестю, сверхъ копорой кладущъ зимою увядшую траву. Входъ въ юршы должно дѣлать всегда, по старинному обыкновенію, въ Восточной сторонѣ.

Скуднымъ своимъ скотоводствомъ ни какъ они прокормишся не могушъ, но заимствуюшъ больше пропитаніе отъ звѣриной ловли. Въ лѣшнее время ѣдятъ по большой части Сарану и другїя Сибирскими Ташарами употреблемыя дикїя коренья.

Съ лишкомъ за шрицать уже лѣшъ всѣ они *ярещены*. Будучи еще язычниками увязывали они, какъ и Белшпри, покойниковъ своихъ промежъ досокъ и клали ихъ для исплѣвія на дерева.

ТУВИНЦЫ.

Тувинцы, до завоеванія Россіянами Сибири, составляли многолюдное и храброе Семейское колено, жившее на Восточной сторонѣ Енисея около рѣки Тубы, по которой оно и называлось снѣ имянемъ. Но оно во время войны отъ части истреблено, а отъ части разсѣялось не только по другимъ Семейскимъ, но и по Ташарскимъ народамъ. Между Качинскими Ташарами есть и нынѣ еще одинъ *Тувинскій родъ* или Аймакъ: но онъ малолюднъ, и хотя наблюда-етъ между собою союзъ, однакожъ нынѣ ни языкомъ, ни житіемъ, ниже инымъ чемъ отъ Качинцовъ не отличенъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

КАМАЧИНЦЫ.

Народъ сей называется и *Камагамн*. Когда они въ 1629 году начали плашшь Россіи подашь; шо кочевали между рѣками Канюю и Манюю, изъ коихъ какъ одна, шакъ и другая впадають въ Красноярскомъ уѣздѣ въ рѣку Енисей съ правой стороны. Вѣроятно кажешся, что наименованіе ихъ составлено изъ названій обѣихъ оныхъ рѣкъ. Нынѣ же живущъ они неподалеку отъ оспроговѣ, Абаканскаго при Енисеѣ, и Канскаго при рѣкѣ Канѣ. Въ шо время, какъ покорены они Россійской державѣ, были они шолько малолюдный народъ, или лучше сказашь ошатокъ онаго.

Теперь они не шолько людны, какъ *Кобалы* копорымъ они совершенно подобны въ разсужденіи вида, языка, одѣянія, обрядовъ и гнуснаго жишя: по чему на нихъ и ссылаюсь. *Законъ* содержашъ еще *языгской* по *Шаманскому толкованію*, и оказывающъ великое почшеніе и повиновеніе своимъ идолослужителямъ и волшебникамъ (Канѣ).

КАРАКАССЫ.

Каракассы принадлежатъ къ небольшимъ остаткамъ Красноярскихъ народовъ Семоядскаго племени. Спашься можешъ, что они во время воинственныхъ безпокойствій собрались изъ бѣглецовъ; по крайней мѣрѣ не упоминается объ нихъ съ уваженіемъ въ исторіи о завоеваніи Сибири. Нынѣ плашишь сіе поколѣніе подушной окладъ шолько за 22 семьянистыхъ человекъ.

Они *когцютъ* при *Тассевѣ*, вышедшей изъ верхней *Тунгуски* рѣкъ, въ гористой нѣскольکو странѣ, и приписаны къ Удинскому острогу. *Подушный ихъ окладъ* (Ясакъ) разположенъ по деньгамъ: но они сверхъ того исправляють еще и нѣкошорыя козацкія службы при Монгалской границѣ.

Языкъ ихъ Семоядское нарѣчіе, и при томъ не шолько испорченное, какъ у многихъ другихъ остатковъ Семоядскаго племени.

Они бѣдны, и кромѣ нѣсколькихъ оленей ни чего добраго у себя не имѣють. *Юрты*, кошорыя составляютъ изъ колышковъ, покрывають звѣриными кожами. *Одѣліе* дѣлають себѣ изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ на Семоядской вкусъ. Въ мѣсто чулковъ обвершываютъ ноги жимолосшною корою. Зимомъ носять теплыя шапки; лѣшомъ же ходять мужины простоволосы, а женщины покрывають голову лѣшними шляпками, нарочито пригожо изъ тростнику выплетенными.

Въ зимнее время питаються отъ одного звѣринаго промысла, лѣшомъ же дикимъ коренемъ и рыбною ловлею. Какъ для шого, такъ и для другаго перекочевываютъ они лѣшомъ по большой части черезъ каждыя три дни къ другимъ рѣчкамъ или озерамъ.

Они правда всѣ *крещены*, но держатся больше нежели другіе обращенные къ православной вѣрѣ Сибиряки прародишельскаго своего суевѣрія, кошорое естъ Шамацкое. Теперь нѣтъ у нихъ ни священнослужителей, ни волшебниковъ. Всякъ молишь про себя Солнцу и Небесной Тверди съ воздыханіемъ, и приносишь въ жертву отъ убитыаго медведя и красной дичи голову да сердце, вознось шо и другое къ Солнцу на кускъ коры; при чемъ просишь о удовлешвореніи его нуждамъ, и снѣдаешь напоследокъ жертву. Значнымъ горамъ и рѣкамъ оказывають они, какъ и другіе Сибиряки, почтеніе, и даряють или жертвуютъ имъ, когда къ нимъ приближаються, но немногу шабаку, привезенную съ собою древесную въпоч-

ку, лоскутокъ мѣху, или иную какую дрянцу, при чемъ ошвѣшивающъ и низкіе поклоны.

Теперь они *локойниковъ* своихъ *хоромятъ*. Въ прежнія же времена оставляли ихъ для испѣнія на голой землѣ, положи головою къ востоку, или клали на сдѣланной изъ колышковъ костерь, либо и на дерева: при чемъ покрывали ихъ всегда хворостомъ; сожигали же шокмо шѣхъ, которыхъ ошвѣнно почишали.

НАРОДЫ НЕИЗВѢСТНОЙ или СМѢШАННОЙ ПОРОДЫ.

Отякскія доколѣнія, кочующія по нижнему Енисею, начиная отъ верхней Тунгузки, ниже и возлѣ Семоядъ, называются правда и живутъ одинаково съ Обскими Ошяками: но языкомъ говорятъ совсемъ отличнымъ какъ отъ Ошякаго, такъ и отъ всѣхъ Сибирскихъ языковъ: по чему они и не безъ основанія почитаются *доколѣніями особаго народа*; хотя въ прочемъ и не обрѣшается ни какого извѣстія о ихъ происхожденіи ни у нихъ, ни въ исторіи. Между такъ называемыми *Красноярскими Татарами* говорятъ *Азаны, Котовцы и Арицы* симъ же самымъ языкомъ: хотя и по весьма отличному нарѣчію. Слѣдовательно они не Татара: ибо они окружены будучи Татарами и живучи съ ними одинаково, конечно бы говорили не инымъ какимъ, какъ Татарскимъ же языкомъ. Вѣроятно кажется, что они смѣшанные остатки Енисейскихъ Ошяковъ, либо и опщевшіяся отъ нихъ шолпы; по чему и не сомнѣваюсь помѣстивъ ихъ на ряду съ сими Ошяками.

ЕНИСЕЙСКІЕ ОТЯКИ.

Въ самое то время, какъ Россійскія завоеванія въ началъ седьмого десятилѣтія разпространились до Енисея, жили Опяки Енисейскіе въ нынѣшнихъ своихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и вышедшихъ изъ него рѣкъ, отъ вышней Тунгузки въ низъ за Мангазею или Нижнюю Тунгузку. Они и тогда уже обихали въ сосѣдствѣ Семоядъ и какъ будто бы промежъ ихъ. Сіи Опяки не токмо покорились Россіи въ 1608 году, но и оказывали побѣдиплемямъ подъ предводительствомъ тогдашнихъ своихъ Князьковъ *Урмучка* и *Ианака*, всевозможное вспоможеніе въ преодоленіи жившихъ въ верхъ по Енисею такъ, какъ и Восточныхъ съ Опяками порубежныхъ народовъ.

Они *раздѣляются* на разныя волости и колѣна. По лѣвую сторону Енисея, начиная отъ Кешы, вышедшей изъ Оби рѣки, на Сѣверѣ находится прозванная по рѣкамъ Кассъ и Сымъ *Касиловская* волость; по правую же больше сторону Енисея стоятъ *Иибцкая* и *Тумлоковская* волости; къ сей послѣдней, которая и прежде была наизнашнѣйшая, давно уже присовокуплена и *Иацкая* волость. О подлинной величинѣ каждой волости не имѣлъ я случая освѣдомиться. Однако они и во обще, судя по обширности ихъ пустынь, не многолюдны. Какъ въ 1731 году оказалась у нихъ оспа въ первые, то они едва не всѣ отъ оной перемерли. Болѣзнь сія свирѣпствовала у нихъ и послѣ того нѣсколько краѣвъ; но они при простой и безпечной своей жизни вскорѣ паки размножашся; и по тому думаютъ, что они шеперь столь же людны, какъ и до оспеннаго разоренія были.

Мѣста ихъ частъ Семоядскихъ же пустынь, и слѣдовательно крайне суровы, холодны и безплодны. Съ Семоядью и Обскими Опяками, которые называются у нихъ *Асв Арей* и е. Обскій народъ, имѣющъ они одинакія нужды и одинакія къ отвращенію оныхъ способы, и сходствуютъ совершенно особливо съ Обскими Опяками въ разсужденіи жилищъ и перемѣны оныхъ, такъ же одѣянія, пищи, промысловъ, нравовъ, суевѣрія и всего вообще житія: по чему и ссылаюсь здѣсь на то, что сказано о сихъ Опякахъ, да и о самой Семояди. Оленей содержащъ они, какъ и тѣ по немногу, и равно питаются всякою дичью и птицами безъ

разбору, рыбою, дикимъ коремемъ и плодами. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью, и плашатъ съ души по спольку же. Между ими ведутся изъ сгари *кузницы*, которые плавятъ сами желѣзо по примѣру Абинцовъ, а по шомъ дѣлаютъ изъ онаго, какъ умѣютъ, домашнія и звѣробишныя надобности. По сему ремеслу и прозвана одна Волость *Кузнецкою*. У нихъ есть еще и шерсть такіе кузнецы.

АРИНЦЫ.

Аринцы называютъ себя и *Аринами*; Ташары же и Воляки прозвали ихъ *Арами*, отъ Ташарскаго слова *ара*, ошдаленъ, или какъ Шраленбергъ утверждаетъ отъ слова *ара*, шершень. Конечно лишились они въ военные времена кореннаго своего названія.

Во время Ташарскаго владычества поколѣнїе ихъ было знашное и обитало на Западномъ или лѣвомъ берегу Енисея (которой называли шамошнїе жишели *Келомъ*, а нынѣ видна путь одна только Западная рѣка, впадающая при городѣ Енисейскѣ въ Енисей) отъ устья Качи, гдѣ послѣ выстроены Красноярскъ, до самыхъ пороговъ или нынѣшней границы Енисейской провинціи. Отъ жестокости Ташаръ, а особливо отъ частыхъ Киргизскихъ нападений, уменьшилось было число ихъ такъ, что князекъ ихъ *Тутка*, когда въ 1608 году покорился Россійской державѣ, владѣлъ только спами шрема семей. Въ 1630 году соединились Аринцы съ одною волостью Енисейскихъ Ояковъ, кошорая по князекъ ихъ *Веслѣ* называлась *Весловскою*, и передалась по томъ Киргизцамъ. Возмущеніе сіе было для многихъ погибельно. Отъ бывшихъ между Киргизцами и Ханомъ Золошой Орды (Алтынъ Ханомъ) развратовъ разбѣжалось ихъ такъ же не мало; нѣкошорые же приняли убѣжище къ Качинцамъ и шамъ женились: по чему нынѣ отъ сего въ прежнїя времена знашнаго колѣна считается въ остаткѣ нѣсколько шокмо семей, живущихъ обществомъ, на земляхъ Качинцовъ, подъ властію собственнаго ихъ старшины и наблюдающихъ между собою союзъ.

Въ Качинскихъ степяхъ живущъ смѣжно съ Аринцами три рода или Аймака, а именно *Арынской* изъ 30, *Буктынской* изъ 29, и *Кайдынской* изъ 16 душъ состоящей, кошорые походятъ на Аринцовъ такъ, что надобно ихъ неопмѣнно почишать произшедшими отъ одного съ ними племени. Они имѣютъ такъ же общаго съ Аринцами начальника или Башлыка, и называются въ Краснояркомъ Земскомъ судѣ вообще *Арынскою волостью*.

Собственный ихъ языкъ есть весьма опмѣнное нарѣчіе языка Енисейскихъ, а особливо Пумпокольскихъ Ояковъ. Нынѣ же говорящъ они по Ташарски Качинскимъ нарѣчіемъ. Какъ г. Сташскій Совѣшникъ *Миллеръ* и старшїи *Гмелинъ* были въ 1735 году при рѣкѣ Енисей, то по Аринцки умѣлъ тогда еще говорить одинъ только человекъ, помощію кошората помянушый г. Сташскій

Совѣшникъ и умножилъ свой словарь или собраніе словъ разныхъ народовъ. А какъ славные сіи путешественники въ 1740 году ѣхали обратно изъ Восточной Сибири, то не было уже въ живыхъ и сего человѣка; и слѣдовательно купно съ жизнью его пресѣклась и живность Аринцкаго языка.

Аринцы и соединенныя съ ними въ Аринской волости поколѣнья живутъ во всемъ одинаково съ Качинцами. Жилище, пища, хозяйство и одѣяніе у нихъ точно такое же. Но Аринцы и Аринцы гораздо бѣднѣе и кромѣ нѣсколькихъ лошадей, не имѣютъ ни какого скопа, по чему и питаются по большой части звѣриною ловлею и дикими кореньями. Подушной окладъ очищаютъ шакъ же мягкою рухлядью.

Вся вообще Аринская волость исповѣдуетъ законъ Христіанской, но столь же мало просвѣщена, какъ и крещеные Ташара: и для того ушопаетъ въ наивеличайшемъ суевѣріи. Предки ихъ были язычники Шаманскаго толку; и объ нихъ повѣствуетъ Мессершмидъ въ рукописныхъ своихъ поденныхъ запискахъ, что они покойниковъ своихъ хоронили, снабжали ихъ оружіемъ, и приносили въ жертву у могилы лошадь, которой мясо ѣли сами, а шкуру вѣшали на могилѣ. Кляшвы почишаютъ они и нынѣ еще весьма страшными. Всякъ кленущійся у нихъ спановится промежъ серны или дикой козы и собаки, и въ доказательство невинности своей угрызаешъ медведя въ голову. Однакожъ они и шаковаго оправдавагося у себя не шерпятъ: но долженъ онъ странствовать по тѣмъ мѣстамъ, въ кошорыя покажешъ ему пушь пущенная на волю и собакою преслѣдуемая дикая коза. Роженицы въ первые семь дней послѣ родовъ омываются прекрасно; передъ возобновленіемъ же сожигія съ мужьями своими окуриваются хорошенько *ирсенемъ*, посвященною языческимъ божкамъ травюю, и шакъ далѣе.

АЗАНЫ.

Азаны и *Ассаны*, которые обыкновенно, но несправедливо, называются *Азанскими Татарями*, и причисляются къ *Красноярскимъ Татарямъ*, подобны судьбами своими и устройствомъ *Аринцамъ*. Они такъ же, какъ и шѣ, составляли прежде сильное и храброе поколѣнье; но ошъ подобныхъ безумій число ихъ уменьшилось такъ, что нынѣ осталась уже ихъ не больше, какъ 10 или 12 семей.

Сей остатокъ почти истребленнаго уже народа утвердился на мѣстахъ предковъ своихъ при рѣкѣ *Усолкѣ*, вышедшей въ лѣвой сторонѣ изъ *Тассевы* (которая впадаетъ въ *Тунгуску* съ лѣвой, а сія въ *Енисей* съ правой стороны); гдѣ онъ подъ начальствомъ своего старшины или Башлыка пребывалъ между собою въ союзѣ и живешъ крайне бѣдно, точно по примѣру описанныхъ выше Красноярскихъ Татаръ.

Азанской языкъ есть весьма опмѣнное ошъ языка *Енисейскихъ Ошяковъ* и *Аринцовъ* нарѣчіе, которыми однакожъ нынѣ уже не говоряшъ, но вмѣсто того употребляютъ *Татарской языкъ* въ худомъ произношеніи. Славные Академическіе путешественники, г. *Спашскій* Совѣтникъ *Миллеръ* и покойный *Глемячъ* старшій, въ бытность свою въ тамошнихъ мѣстахъ между 1735 и 1740 годами нашли только двухъ или трехъ человекъ, которые могли говорить *Азанскимъ языкомъ*, нынѣ же онъ конечно уже и вовсе перевелся: однакожъ подобно *Аринцскому*, посредствомъ собранныхъ помянушымъ г. *Спашскимъ* Совѣтникомъ съ великимъ трудомъ словарей, нѣсколько еще соблюденъ.

К О Т О В Ц Ы .

Какъ *Котовцы* въ 1628 году Россіи покорились, то колѣно ихъ было по такимъ же почти причинамъ, какія объявлены въ разсужденіи *Аринцовъ* и *Азанъ*, слабое. Нынѣ же они хопя еще и безсильнѣе, однакожъ многолюднѣе, нежели оба оныя ошашки народовъ вмѣстѣ: по чему и говорятъ еще собственнымъ своимъ *языкомъ*, кошорый ешь не иной какой, какъ *Пумпоколо* ошакской; шокмо нарѣчіе онаго нарочито ошмѣнно, и при шомъ какъ ошъ *Ариндскаго*, такъ и ошъ *Азанскаго* весьма ошошло: изъ чего явствуемъ, что они столь же несправедливо, какъ и оба прежніе ошашки народовъ, причисляются къ *Красноярскимъ* народамъ.

Они *когутъ* близъ *Восточнаго Енисейскаго* берега, между *Абаканскимъ* и *Канскимъ* острогами, возлѣ *Качинцовъ*. Юшты ихъ совершенно сходны съ *Качинскими*. Въ разсужденіи одѣянія, пищи, житія и всего вообще устройства походятъ такъ же на *Качинцовъ*, шокмо гораздо ихъ скуднѣе. Скошководство ихъ, ошносящееся къ лошадамъ, рогашому скошу и овцамъ, самое малое; и по шому они зимою ошъ звѣриной ловли, а лѣшомъ ошъ дикаго коренья, плодовъ и рыбной ловли, имѣютъ свое прописаніе. *Звѣринный промыселъ* выгоденъ въ лѣсисшихъ и горисшихъ ихъ мѣстахъ особливо по хорошимъ соболямъ, кошорые славны подъ именемъ *Канскихъ*. Они очищаютъ соболями въ *Канскомъ* острогѣ и подушной свой окладъ (*Ясакъ*).

Православную *Трекорооссійскую* вѣру приняли не многіе, да и шѣ различаются отъ другихъ почти однимъ только именемъ *Христіанъ* и нѣкоторыми обрядами, кошорыхъ миновать не могутъ при рожденіи дѣшей, такъ же при свадьбахъ и похоронахъ; да сверхъ шого рубахами. Прочіе же содержатъ *Шаманскаго толку языческой законъ*, шстро наблюдають обряды *Качинцовъ*. Всѣ вообще въ разсужденіи шѣла своего, пищи, юртъ, одѣянія, и всего житія крайне неопытны, да и чрезвычайно лѣнны. Преисполненыя гадиною шубы, кошорыя надѣваютъ язычники на голое шѣло, почти прилипають къ оному отъ грязи.

Рѣдко кто и изъ язычниковъ держитъ больше *одной жены*, по шому что по бѣдности своей не имѣютъ къ шому ни силъ, ни до-

спашка. Изъ *обычаевъ* ихъ странно то , какъ они зимою спятъ , а именно : они лежатся въ юртѣ около огня попарно , такъ что головы лежатъ одна супротивъ другой, а ноги одного подъ руками у другаго. Въ семъ положеніи переворачиваются они и на другой бокъ за одинъ разомъ и не разрозниваясь.

МАНДЖУРСКИЕ НАРОДЫ.

Манджурскіе народы состоятъ изъ прямыхъ *Манджуръ* и *Тунгузъ*. Оба сіи народы по произхожденію своему единоплеменны; и сіе доказываея ихъ языкомъ, видомъ, обрядами и прочимъ шакъ, какъ и собственными ихъ преданіями. Вообще они владѣютъ въ Восточной Сибири и въ Сѣверной Монгаліи, обширными пустынями и степями, нарочито еще многолюдны, да при томъ настоящіе Манджуры и сильны: ибо одно изъ Княжескихъ ихъ колѣвъ владѣетъ наслѣдственно Кишайскимъ престоламъ и управляетъ симъ государствомъ безпредѣльно.

До приходу Россіянъ въ Сибирь въ началѣ седьмого надесяшъ столѣтія, владѣли Манджуры всею *Даурією* или Восточною Сибирью отъ Байкала до самыхъ Монгальскихъ горъ, шакже всѣми мѣстами около Амура, вышедшихъ изъ него рѣкъ Шилки и Аргуна, шакъ какъ и побочныхъ рѣкъ, Сеги, Шингала, Наума и другихъ. Но они и прежде уже крайне обезпокоиваемы были вышѣсненными изъ Монгаліи на Западъ Буряшами. При рѣкѣ Селенгѣ и при верхнемъ Амурѣ стояло тогда *колѣно Даурское*, между Аргуномъ и Шилкою *Дугерское*, при среднемъ Амурѣ и впадающихъ въ него съ обѣихъ сторонъ рѣкахъ, Сегѣ, Наумѣ и другихъ *Агарское*, около же устья Амура на берегу Восточнаго моря и его островахъ, а особливо на лежащемъ супрошивъ устья Амура весьма великомъ островѣ Сагалымѣ улусы *Гилякскаго колѣна*.

Даурскіе Манджуры прихода Россіянъ не выжидали, но удалились Юговосточною стороною въ Кишайское государство, а отъ часши къ Амуру. Тутъ они съ брашїєю своею нѣсколько оспенились, и сдѣлали земляныя укрѣпленія, отъ коихъ произошли существующіе еще и нынѣ Кишайскіе города *Айюнъ* и *Албазниъ*, первый на правомъ берегу Аргуна, а послѣдній на лѣвомъ выше устья Сеги. Они назвали сіи мѣста по Князькамъ своимъ Толгѣ *Толгынъ* и Албазѣ *Албазынъ*.

Во время перваго Россійскаго похода къ Амуру около середины седьмого надесяшъ столѣтія, были Дауры и Дучеры подданные Кишайскаго Богдохана, кошорый тогда уже былъ Манджурской породы: по чему и вмѣшался какъ въ побѣгъ ихъ, шакъ и въ защищеніе. Гиляки и прочіе Манджуры жили тогда независимо ни отъ какой власши, и покорились Россіи безъ всякаго сопротивленія.

Примѣру ихъ послѣдовали многіе Дауры и Дучеры; но большая ихъ половина по повелѣнію Богдохана переведена съ Амура, кошорымъ Россія тогда всемъ владѣла, ближе къ Кишаю, а особливо на рѣку Наумъ. Послѣ шого старался Богдоханъ завладѣть Амуромъ, кошорый ему и уступленъ, по силѣ заключеннаго въ Перчинскѣ мира, со всеми Россіи подашь плашившими Манджурами. Нынѣ служишъ между Кишаемъ и Россіею границею *Становой Хребтъ*, простирающійся изъ Дауріи на Воспокъ и Сѣверовоспокъ, между рѣками Кеною и Амуромъ, къ Восточному морю. Въ пограничныхъ горахъ кочуютъ не *Манджуры*, но Тунгузы, плащящіе подашь отъ части Россіи, а отъ части Кишаю; иные же и вольно странствуютъ, ни чего не плащя.

Не все Манджурскія поколѣнья *ведутъ жизнь* одинаково. Иные живутъ по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузовъ отъ одной рыбной лави, какъ н. п. *Агары*, кочующіе при Намкѣ рѣкѣ, вышедшей изъ Амура къ правой сторонѣ. Сѣи запрягаютъ въ мѣсто лошадей собакъ. У нѣкоторыхъ Гиляковъ, какъ слышно, усмирены и медведи такъ, что везяшъ сани. Многіе упражняются единственнно въ разведеніи сленей; другіе въ звѣриномъ промыслѣ; а еще большее число въ земледѣліи.

У Даурскихъ Манджуръ было такое междуособное устройство, кошорое какъ будто бы сосшавлено было изъ кочеваго и посшояннаго на одномъ мѣстѣ жишя, и при шомъ весьма соощвѣшествовало человѣческой природѣ. Они жили, по писменнымъ извѣстїямъ и по преданїямъ нынѣшнихъ Дауръ, въ небольшихъ одномѣстныхъ хижинахъ, деревнями или семейшвами, но и не скучливы были перемѣняшъ мѣста свои, когда шолько усматривали невозможность удовлетворяшъ впредъ своимъ нуждамъ или выгодамъ жишейскимъ, какія могли бы они имѣшъ въ другихъ мѣснахъ. Они жили какъ между собою, такъ и съ сосѣдами мирно, и радѣли о скошоводствѣ, земленашествѣ, да и о самыхъ горныхъ рѣкахъ.

Пашни свои зашвѣваютъ они, по примѣру Бухарцовъ, какъ огороды, раздѣляютъ ихъ глубокими шжежками на гряды или пшлосы, и обводяшъ ихъ рвами, дабы держалась въ оныхъ надобная на поливаніе вода. Для удобности въ поливаніи и для влажной рыхлой земли милѣе имъ были рѣчные берега. — И нынѣ еще видно нѣсколько шаковыхъ огородовъ на берегахъ разныхъ Даурскихъ рѣкъ, а особливо при Балгузинѣ и его рѣкахъ, на кошорыхъ и

мѣла жилища свои одинъ Манджурскій народъ, названный въ извѣстіяхъ *Баргутами*.

Сверхъ этого производили многіе съ немалымъ раченіемъ *рудокопное и плавильное дѣло*. Нынѣшніе Даурскіе рудники при Аргунѣ, славные подъ именемъ *Нергинскихъ*, и разрабатываемые теперь для одного серебрянаго и золотого выхода, содержатъ въ себѣ шакъ, какъ и вся Даурія довольно доказательствъ о томъ, что древніе Даурскіе Манджуры упражнялись въ рудокопномъ дѣлѣ. Многіе отъ часши покинутыя, а отъ часши еще разрабатываемыя рудники, суть продолженія начатыхъ ими работъ. Вѣроятно также, что и шарые рудники и кучи огарковъ въ Саянскихъ горахъ въ Красноярской области при Енисеѣ, суть остатки трудовъ Даурскихъ или другихъ Манджуръ, а скарбы Абаканскихъ могилъ ихъ произведенія. Гдѣ находили они руду, тамъ заводили и плавильни: по чему при всѣхъ древнихъ, хотя нѣсколько значныхъ рудникахъ, видны груды огарковъ. Они добывали и плавилъ руды всегда по небольшому количеству и, какъ видно по огаркамъ, наибольше мѣдную и желѣзную руду. Рудники были у нихъ по большей часши поденные или верховые. Плавильныя печи были у нихъ конечно не велики, и вѣроятно кажется, что подобіе оныхъ сохранилось въ видѣ тѣхъ печей, въ какихъ Россійскіе кузнецы въ Восточной Сибири плававшъ сами свое желѣзо. Такія печи, (имѣющія въ прочемъ продолговатопятиугольной видъ, въ поперешникъ почти въ сажень, а въ разсужденіи плавки разположенныя подобно такъ называемымъ высокимъ печамъ и снабженныя ручными мѣхами) конечно найдены въ разныхъ мѣстахъ и послужили образцомъ.

Даурскіе наши Манджуры были, шакъ какъ нынѣшніе при Амурѣ и другіе, *язычники Шаманскаго толку*, о которомъ буду говорить послѣ. *Покойниковъ* своихъ они хоронили; а что они имѣли къ нимъ почтеніе, о томъ свидѣтельствуемъ безчисленное множество могилъ, какія видны еще и нынѣ при Аргунѣ, Шилкѣ, Ингодѣ, Ононѣ и ся рѣкахъ. Они дѣланы особенно, а больше по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ. Въ длину бывающъ они обыкновенно отъ 5 до 8, въ ширину отъ 3 до 4, а въ глубину, какъ видно при разрываніи по слоямъ земли, до 6 фушовъ. въ нихъ находятъ иногда осташки костей и ржавчатые кусочки желѣза, конечно отъ оружія; дорогіе же крушцы, какъ въ Енисейскихъ могилахъ, никогда не попадающя; по чему и не касася никто

праха усопшихъ. Большая половина сихъ могилъ завалены простою землею, нѣкоторыя же и плешникомъ. Нынѣ они равны съ поверхностью земли, но какъ продолговатые четверугольники обставлены съ Востока на Западъ плитами спящими на краю могилы и торчащими поверхъ земли на ладонь или и на пядень въ высоту. Въ Восточномъ концѣ стоить обыкновенно ъ одинъ и два фута вышиною плоской или круглому столбу подобной необшесаной каменъ. На многихъ могилахъ стоить и по срединѣ сей почестный столбъ.

ТУНГУЗЫ.

Тунгузы называются сами *Своёнами*, по тому, что праоща ихъ звали *Своеномъ*, также *Донкини*, а иногда, по приѣзду многихъ Сибиряковъ, и просто *людьми* (*Тунг. Боге*) Енисейскіе Ошяки и Ташара называютъ ихъ шакъ, какъ и Россіяне, *Тунгузами*, произведши названіе сіе ломано отъ слова *Донки* или отъ *Тонгонъ*, наименованія ихъ Князька, либо и отъ Ташарскаго слова *Тунгузъ*, свинья, кошпорымъ названіемъ гордые Ташара хотѣли конечно изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ Манджуры *Соломами*, стрѣльцами, и *Оронгонами*, оленоводцами, отъ слова *Оронъ*, олень, Монгалы же и Буряша *Хамъ Могонами* и *Солонами*.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ *Сянсея* за *Лену* до самаго *Амура* и *Восточнаго моря*. Отъ Юга къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни Соонгарскихъ границъ, ни береговъ Ледовитаго моря. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣютъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности Ошяки, Семояди, а особливо Якушы. Около Амура и за онымъ кочуютъ обще съ Манджурами и Кишайскіе Тунгузы. Мѣста ихъ, выключая при Амурѣ лежащія, по большой части, какъ и Якушскія, лѣсноты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы шакъ, что мало гдѣ можно бы завести усальбы по Европейскому вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о Тунгузахъ отъ Енисейскихъ Ошяковъ, и начали съ 1607 году стараться, чрезъ посылку изъ Мангазея Козаковъ, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія Тунгузскія поколѣнія вышѣсненнымъ недавно изъ Монголіи Буряшамъ. Во время Россійскихъ нападеній оказали Тунгузы больше мужества, нежели другіе Сибиряки, и ни какое пораженіе не могло ихъ принудить къ оставленію занятыхъ ими подъ жилища свои мѣстъ. Преодолѣнные бунтовали въ послѣдовавшія времена нѣсколько краѣвъ; и въ 1640 году Ленскіе Тунгузы у собиравшей подаши выщипали бороды. Живущіе на западной сторонѣ Байкала Тунгузы покорились Россіи не прежде, какъ въ 1643, на Восточной же сторонѣ и при Вишимѣ обитающіе въ 1657 году.

Часть III.

Они *раздѣляются* по Восточному обыкновению на колѣна, а сіи на роды. Каждый *родъ* (Тагаунъ) производитъ начало свое ошъ какого ни есть храбростию, силою, изобиліемъ въ скопѣ и дѣтяхъ, а иногда и блаврозуміемъ, прославившагося родоначальника, называется по его имени, и всѣ въ ономъ находящіеся считаются кровными между собою родшвенниками. Нѣсколько же шаковыхъ родовъ считаются между собою родшвомъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяются по тому въ *колѣна*. Умѣющіе породу свою выводить прямою дорогою ошъ знашныхъ родоначальниковъ, составляютъ ихъ дворянство (Ошериканъ), изъ коего выбираютъ они наипаче семейшвенныхъ спаршинъ (Даруга); въ случаѣ же недосашка въ добрыхъ дворянахъ, выбираютъ они ихъ изъ зашпочнѣйшихъ и ошважнѣйшихъ людей. Въ прежнія времена выбирало нѣсколько родовъ общаго себѣ *Сайзана*; а изъ числа сихъ бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался *Тононолѣ* и *Тононолѣ*. Онъ подобенъ былъ въ разшуденіи власти Хану Ташарской орды. Нынѣ же причисаются шаковыя семейшва совокупно и обще съ ихъ Даругасами, ошъ Россійскаго правительшва въ сеиъ зашии утверженными, шакъ же съ нѣсколькими еще существующими Сайзанами, и еще меньшимъ числомъ Тононовъ, для большей удобности въ надзираніи и собираніи подаши къ Округамъ, острогамъ и зимовьямъ, кошорыя мало по малу между народамъ симъ заведены.

По сему *раздѣленію* принадлежало въ 1766 году, по численію мужска пола, къ *Якуцку* 16 родовъ, а душъ 1291; къ *Олоцкому* округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ *Кусидайскому*, *Бацитскому* и *Баргузинскому* острогу и зимовьямъ на верхней Ангарѣ 13 родовъ, а душъ 1025, кошорые всѣ кочуютъ на Сѣверовосточной ешоронѣ Байкала и состоятъ подъ смотрѣніемъ Россійскаго управшеля въ Балгузинѣ; въ *Мергискихъ* заводскихъ горахъ кочуетъ при Ингодѣ, Анонѣ, Шилкѣ и Аргунѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ *Дулегатской* всѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляетъ Князь *Кантимировъ*, крешившійся Монгалъ, въ зашии Тоіома или Тайши, и имѣетъ непремѣнное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладѣ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежатъ 8 родовъ, а душъ 290 къ *Телембинскому* острогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ *Еравинскому* острогу; въ прочемъ же приписано къ *Олекминскому* острогу 4 рода, а душъ 242; къ верхнему и

нижнему *Вилуйскому* зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ тремъ зимовьямъ же на *Маѣ*, вышедшей изъ Лены рѣкъ, 8 родовъ, въ коихъ 595 душъ; къ *Колымскимъ* острогамъ 5 родовъ *Ламутъ*, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ подушной окладъ 397 душъ. Всѣ сіи находящяся въ *Иркутской* губерніи; шесть же кочующихъ при *Тунгузкѣ* родовъ плашаютъ подушной окладъ за 200 душъ въ *Енисейскѣ* и *Мангазеѣ*, и слѣдовательно принадлежатъ къ *Тобольской* губерніи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, сстранствующихъ еще и между другими язычниками небольшія артели или частныя Тунгузскія семьи, коихъ наберется около 1700. Сверхъ того, по собственному показанію Тунгузъ, кочуютъ по верькней Ангарѣ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многолюдныхъ поколѣній. Въ горахъ къ Амуру, при *Удѣ*, Тунгузы отъ части и вовсе еще не счишаны, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почестъ наизнашнѣйшимъ въ Сибири, не считая Китайскихъ Тунгузовъ, но полагая только число плавающихъ подушной окладъ душъ впрое, въ замѣну женъ, дѣшей и выходцовъ.

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бывающъ; при томъ спатны и вѣршавы. Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у *Калмыковъ*, и краска въ немъ живая; глаза маленькіе и вострые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опускается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чутки, но тѣмъ тупее у нихъ чувствованіе и обоняніе. Дѣти совершенно походятъ на *Калмычонковъ*. Молодыя женщины приманчивы по причинѣ изряднаго разположенія лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; старухи напрошивъ того мощинами, копошью, и красными какъ огненный уголь глазами приводящъ въ ужасъ. Старики рѣдко бывающъ сѣды, и ходящъ до послѣдняго конца такъ прямо, и какъ на ходу, такъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодры, что сомнительно, не зная, почестъ ихъ и усшарѣлыми.

Сложенія они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Лгашъ кажется имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнія и кляшв. Воровство и обманъ почищается у нихъ столь позорнымъ дѣломъ, что они по

шаковыиъ попреканіяиъ разиѣниваюиъ часто спрѣлами. Доволь-
 ствуясь самыиъ необходимыми надобноишями, ни къ чему кромѣ
 онииъ, не имѣюиъ приспрасиія: и по тому, пребываютъ при пра-
 родительскихъ своихъ нравахъ и жишейскихъ порядкахъ безъ даль-
 нихъ прихоеиъ или зашѣи. Горести сего дня не расшворяюиъ они
 попечениемъ о зашрѣ; но паче дѣляиъся со всякимъ кшо бы у
 нииъ ни случилъся, послѣднимъ кускомъ безкорыстно, и сиѣда-
 юиъ оной сиѣ веселосиѣю. Да и въ шакомъ случаѣ, когда нѣсколь-
 ко дней сиѣдъиъ голодны за неимѣниемъ ни какого харчу, не уны-
 ваютъ. Женишба почти одно шакое дѣло, при кошоромъ дума-
 юиъ они о будущемъ; да и въ шомъ бываетъ имъ всегда удача,
 по шому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви,
 не разборчивы и къ неистовшвамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ
 видна оспорожность, рачение и способность. Они весьма скоро
 перенимаютъ другіе языки, и въ верховой бздѣ, звѣриномъ про-
 мыслѣ и спрѣлании изъ луковъ искусны. Въ мѣсцахъ, гдѣ кочу-
 юиъ, знакомо имъ почти всякое дерево, всякой камень и проч.
 Слѣды звѣрей узнаютъ на ушопшанномъ мѣхѣ, шравѣ, или и про-
 сто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человекъ оикудѣ
 не можешъ примѣшнъ ни чего особливаго. Когда хошяиъ имѣиъ
 свидание въ другииъ мѣсцахъ, шо мѣста умѣютъ описывать шакъ
 шочно, либо дѣлаютъ пальцомъ на сиѣгу или на землѣ шакіе
 чершежи, что неопшѣнно, гдѣ надобно, сойдутъся. Отважность
 ихъ, выходишъ съ обидчикомъ и изъ бездѣлицы на поединочную
 изъ луковъ перешрѣлку, при чемъ иной и жизни лишаешъ, или
 устремляиъся на единѣ со шрѣлою и рогашиною на медвѣдя,
 сосшавляишъ странную противность въ разшудении почти безчув-
 ственной ихъ холодноиъ при крайнемъ недосташкѣ, ранахъ, по-
 шерѣ друзей, имѣниа и проч. Они живутъ, кочуютъ, промышля-
 юиъ звѣрей, ловяиъ рыбу и пасуиъ скотъ по большой части у-
 динешно, и какъ встрѣчаютъся, шакъ и разлучаютъся между со-
 бою безъ радости и шоски. Богатые люди имѣютъ и у ниихъ
 больше попечениа, и не шолько шедры: однакожъ за безсильныхъ
 шпарковъ плашяиъ подушной окладъ ошотно.

Языкъ ихъ еиъшъ Манджурское нарѣчие, и при шомъ мякокъ, для
 шговору удобенъ и слуху приаиешъ. Слова изображаютъся на пи-
 сьмѣ малымъ числомъ буквъ, кошорыа удобнѣе пишатъ кистию, не-
 жели перомъ, съ верху, въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ нѣиъ ни
 грамоши, ни школѣ. Знаниа ихъ ушверждаиъся шолько на предани-

яхъ и относяся къ ихъ состоянію. *Щетъ* ихъ простирается до 10, и по шомъ удвоивается. У нихъ ешь лѣпній и зимній годъ: но они сами годовъ не считаютъ. Лѣша жизни или какого ни ешь быштя считаютъ по шому, сколько разъ заплаченъ между штѣмъ Ясакъ; такъ и. п. кто шрицдцать разъ плашилъ Ясакъ, шому ошъ рожденія шрицдцать лѣшнихъ и столько же зимнихъ годовъ, слѣдовашельно шесшдешать лѣшъ. Въ шаковомъ двойшвенномъ году считается шринаццать мѣсяцовъ или лунныхъ шеченій (Бега), которые называють они по ешественнымъ приключеніямъ, какъ и. п. Илкунъ (двѣшочной мѣсяцъ), Иринъ (плодоносной мѣсяцъ) и шакъ далѣе. При шомъ названія мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по жишю ихъ разняся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣшняго Нового года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Даругасалъ ихъ надлежало бы шокмо наблюдать порядокъ и рѣшить маловажныя споры, о важныхъ же предлагать Ясашнымъ сборщикамъ: но спорящіяся охоще размѣниваются стрѣлами, либо подвергаются осужденію, по старинному своему обыкновенію, своей брашіи, судящегіи обыкновенно по ешественной справедливости, нежели предстають предъ судъ начальства, дѣлающаго приговоръ на основаніи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неупотребительныя у нихъ наказанія: по чему и нѣтъ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Поедишочная изъ луковъ перестрѣлка (Кучигера) производила прежде въ виду старостъ, которые опредѣляли мѣсто, ошдаленіе и знаки, когда пускашь стрѣлы. Нынѣ же принуждены они шаковыя поединки скрывать; по чему и ошходятъ многіе безвѣстно на шомъ свѣшъ.

Убийство, когда произошло ошъ ссоры, не уголовнымъ почишется у нихъ прешупленіемъ. Убійцу сѣкутъ плѣшми, и приказываютъ ему содержать сиромъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не шокмо не укоряють его брашія злодѣаніемъ, но еще и величаютъ его храбрцомъ. За *драку* наказываютъ палочными по голой свишъ боями, и сіе вшязаніе называется у нихъ Идогачиганъ. *Воровъ* бьють, вшыскивають съ нихъ похищенное, и они оштають навсегда въ презрѣніи. За *прелюбодѣаніе* наказуютъ однихъ шолько мужинъ. Любовникъ долженъ или взять за себя любимую ямъ дѣвку, заплашя напередъ опредѣленной выкупъ, или прешеритьшъ побои. Когда кто изъ черни похишишь честь у богатой или пригожей дѣвки, шо долженъ опасашся, чшобы брашья ея и врышели не разстрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драшся не за-

прещено; и они пользуются при томъ одинакими правами; а кто кого ранишь, того съкушь при всемъ народѣ. Ежели женатые ужиться не могутъ, то разводятся какъ ни будь. Проводимыхъ женами мужчинъ у нихъ довольно; да ешо имъ и не въ диковину. Бабы сядящъ обыкновенно дома однѣ; ихъ посѣщаютъ мимоходомъ странствующіе звѣриные промышленники; варящъ у нихъ себѣ нищу; ѣдящъ оную вмѣстѣ; и какъ тѣ и другія въ выборѣ не щекотливы, то скоро соглашаются между собою и о другомъ. Ежели мужу спанешъ уже не въ терпѣжъ; то поступается онъ женою ея дружку и беретъ за себя другую изъ его рода. Таковой нарочито часто производящій у нихъ обмѣнъ называется на ихъ языкѣ *Данира*. *Родимыя лянна*, беспорядочное сложеніе шѣла, и густому волосъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ у женъ, которая бываетъ въ прочемъ рѣдко, почитаютъ они произшедшими онѣ дѣйствія дѣявора неустройствами: по чему и случаются у нихъ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожъ производиться всегда съ согласія сшарѣшинъ.

Въ шакихъ случаяхъ, когда не можно испытать истинны, берется на помощь *присяга* (Адакачанъ), которою есть у нихъ цѣлые три года. Самая послѣдняя состоишь въ томъ, что обвиняемый беретъ ножъ и размахивая онымъ прошивъ солнца, говоритъ: *ежели я виноватъ, то пусть солнце ловелитъ болѣзнями разнѣтываться въ моей нутренности такъ, какъ размахивается сей ножъ*. Тяжкая клятва заключается въ томъ, когда обвиняемый взлѣзши на свято почитаемую гору, какъ н. п. на Восточной сторонѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся не подалеку отъ пенныхъ водъ при рѣкѣ Фрелихъ, вскричишь: *ежели я виноватъ, то лускай члрцъ, или лищусь дѣтей и скота, не буду никогда на звѣриномъ промыслѣ щастливъ, ниже въ рыбной ловлѣ*; то есть говоритъ то, чемъ ему приказано клясться. Самая же большая присяга состоишь въ томъ, что убивается собака возлѣ огню, прободается копьемъ, а по томъ или сожигается или прочь бросается, обвиняемому же дають испить нѣсколько ея крови, при чемъ долженъ онъ говорить: *кровь сію лгю я на правдѣ; а буде лгу, то лускай логибцъ, сгорю или изсохну, какъ сія собака*.

Подать Сибирскихъ Тунгузъ, выключая Телембинскія поколѣнья, которыя въ мѣсто подати исправляютъ на Монгалской границѣ Козакія службы, состоишь въ парѣ соболей со всякой въ подушной окладъ записанной души; а каждый соболь счищается въ

рубль. Они могутъ шакъ же отдаватьъ въ казну, цѣною на два рубля, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оныя плащипъ наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнящъ присяжные люди. Всякое поколѣнье или семейство очищаетъ гуршомъ свой подушшой окладъ, раздѣляетъ оной самопроизвольно, заславляещъ щасливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышленниковъ плащипъ за бѣдныхъ и пресшарблыхъ, и шакъ далѣе. Даруги отдаютьъ податъ весну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылаются около сего времени Козаки. Ежели сѣи приемщики поступаютъ съ народомъ по честности и ласково, шо великую получаютъ прибыль. Если н. п. податъ еще не собрана, шо приемщикъ или Козакъ оплачиваетъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаетъ изъ одной честности ошъ сихъ почши дикихъ людей обратно мягкою рухлядью не шолько самой долгъ исправно, но часшо еще и сверхъ того подарки. Тунгузская мягкая рухлядь, а особливо соболи при верхней Ангарѣ промышленяемые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были удачны, шо они не скупятся, но даютъ самое лучшее, да при шомъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовашельно Россіи подвластные Тунгузы *кочуютъ* и разнятся между собою, смотря по шому, въ лѣсахъ ли или въ степяхъ живутъ; по чему и не противно называть однихъ *лѣсными*, а другихъ *стелными Тунгузами*. *Лѣсные Тунгузы* раздѣляются паки, по ихъ житію, на *оленоводствующихъ*, *звѣроловствующихъ* и *рыбную ловлю производящихъ*. *Стелные Тунгузы* держатъ лошадей, рогашой скотъ, овецъ и проч. Запросшо раздѣляются они на *конныхъ*, *оленьихъ* и *собачьихъ Тунгузовъ*, къ коимъ принадлежатъ звѣроловствующіе и въ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хотня сѣе не изъясляетъ ошмѣнности народа, однакожъ показываетъ его сосшоаніе.

Оленги Тунгузы кочуютъ съ своими стадами, въ коихъ бываетъ ошъ 20 до 1000 оленей и выше, въ высокихъ и лѣсистыхъ горахъ въ Дауріи около Баунтскаго озера, около Охотка и при нижшихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, шакъ и лѣшомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяющъ они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Семояди, по шому, что оныя состоятъ шолько въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольствующся мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьющъ одѣяніе, спятъ

на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ шкуръ ниши и проч. при шомъ ѣздящъ на оленяхъ верхомъ и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣнiе. Они всегда сами себѣ промышляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольку шолько горстей мху когда споятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочито ошдаленныя мѣста юртъ ихъ и стады мѣста.

Звѣроловствующiе и рыбную ловлю производящiе Тунгузы всѣ одни и шѣ же, и ни чѣмъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволья какъ въ одномъ мѣстѣ и въ другомъ, беспрестанно странствуютъ и рѣдко долѣе трехъ дней споятъ на одномъ мѣстѣ. Собравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всѣмъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большой части какъ особенныя семьи, копорыя, когда встрѣяшся случайно въ своей округѣ съ другими поколѣнья своего семьями, оспаются правда на нѣсколько времени въ соединенiи, однакожь вскорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чего, кромѣ звѣроловой и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ, также одѣянiя и юртъ, не имѣютъ. Сiе сказано о большой половинѣ; и изъ шаковыхъ то мало сыщется такихъ семей, копорыхъ бы, когда не имѣютъ въ запасъ мягкой рухляди, не можно было шремя или пятью рублями до нага окупить; и по шому они не имѣютъ ни нужды, ни житейскихъ попеченiй горестiю растворенныхъ. Нѣкоторыя имѣютъ по нѣскольку, а иные до 10 смирныхъ оленей, копорыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. Старые люди и дѣвки ѣздящъ на нихъ верхомъ; да на нихъ же перевозятъ и домашнiй скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то сабаки и олени безъ принужденiя слѣдуютъ за ними впасть и никогда не разбѣгаются, хотя въ лѣсахъ и довольно попадается имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бываютъ хищными звѣрами или собаками. Для верховой ѣзды имѣютъ они небольшiя сѣдла изъ оленьихъ реберъ, на копорыя кладутъ сверху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволья въ *рыбной ловлѣ* странствуютъ во все лѣто отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при шомъ на звѣриной промыселъ, когда вздумается. Для рыбной

ловли больше, нежели ради звѣринаго промыслау, живутъ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнья опредѣлили. На воду пускаются они въ небольшихъ лодкахъ (Лу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и шакихъ же закраинъ, а обшитыхъ берестомъ, и при шомъ шакъ плоско, что вода ни какъ пройши сквозь оную не можешъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обояхъ концовъ остры, длиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 сажень, въ верху шириною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 фушовъ, шажестію иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всемъ шѣмъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не шокно одному, но чешыремъ и пяти человекамъ ѣздишь безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Веслы походящъ на лопаши; а гребущъ шо шѣмъ, шо другимъ. Бродники, неводы и сему подобная рыбачьа снасть, имъ неизвѣстна. Рыбу ловятъ удами, кошоры опускающъ въ воду черезъ край идущей на греблѣ лодки, да и шрехзубчашыми, желѣзными вилами (Керонки), кошорыхъ концы, длиною въ палецъ, имѣющіе зазубрины, отстоящъ одинъ отъ другаго на палецъ, и прикрѣплены къ удилау длиною въ сажень. Въ ночное время ложашся они съ зажженнымъ подгнѣшомъ на брюхо на утесистыхъ мѣспахъ береговъ, или разѣжжающъ въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искусство ихъ столь велико, что рыба, кошорую запримѣшашъ и досташъ могутъ, рѣдко отъ вилъ ихъ уходишь. Когда осенью бывашъ о.моли (*) ходъ изъ Байкала въ нѣкошорыя рѣки, шо дѣлающъ они неподалеку отъ берега изъ прущевъ сплешенную городьбу, и спавящъ въ рѣкѣ наискось, а сами стоящъ позади оной въ водѣ и выбрасывающъ на берегъ голыми руками пригоняемую къ городьбѣ по причинѣ великаго множества, и шушъ ошанавливающуюся рыбу.

Звѣриный же промыселъ производящъ различно. Они употребляющъ при шомъ луки, стрѣлы, рогашины, силки, ловушки, а особливо самострѣлы, и приученыхъ къ гонбѣ звѣрей собакъ. По причинѣ великаго множества настороженныхъ самострѣловъ не можно безъ Тунгузкаго проводника ходишь или ѣздишь по ихъ лѣсамъ. Провожашые же признающъ сіи мѣста по надломленнымъ вѣшьямъ деревъ или по другимъ какимъ едва примѣшнымъ знакамъ. Поелику они ходящъ на звѣриной промыселѣ обыкновенно по одиночкѣ, и при шомъ смѣлы, шо не мало пропадаешъ ихъ отъ не-

Часть III.

Е.

(*) Salmo gregarius.

щасливыхъ приключеній, паденія съ горъ, увязыванія ногани про-
межъ зыблющихся наипей, коими каменныя горы усыпаны,
шакже ошъ быспрошы рѣкъ, ошъ хищныхъ звѣрей, и шакъ далѣе.
Ежели кто изъ звѣриныхъ промышленниковъ переломишь себѣ ногу
или увязнешъ шакъ, что ни какъ самъ выбышься не можешъ; но
удаленъ будучи ошъ всякой помощи приближается медлишельно или
ошъ мученія или ошъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой ни
есть хищный звѣрь не прекрашитъ скорѣе его спраженія. Упраща-
вшійся щасливо въ звѣриной или рыбной ловлѣ Тунгузъ при-
нимается за содержаніе оленей; оскудѣвшій же оленный Тунгузъ
беретъ за звѣриный промыселъ и рыбную ловлю, либо разводитъ
собакъ: но ни шопъ, ни другой не промѣняешъ лѣсовъ и горъ на
чисныя степи, или звѣринаго и другихъ промысловъ на ското-
водство.

Стелныя Тунгузы находятся почти въ одной Дауріи при Оно-
нѣ, Аргунѣ, Баргузинѣ и проч. Они имѣютъ лошадей, кошорые
соснавляютъ главное богатство, рогатой скотъ, овецъ, козъ
и верблюдовъ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и житіи, шакже въ
юрпахъ и прочемъ, уподобляются Буряшамъ, коимъ они послѣдо-
вали, и уже во время Россійскихъ завоеваній жили съ ними въ
сосѣдствѣ и упражнялись въ скотоводствѣ. Однакожъ они не столько
заводны, какъ Буряшы. Между Тунгузами не легко сыскать
такого человека, кошорый бы имѣлъ штысячу лошадей, пять ошъ
рогатого скота, до двухъ штысячъ овецъ, около ста козъ и до
пятидесяти верблюдовъ; между Бурянами же, о кошорыхъ буду
говорить послѣ, былъ бы шакой человекъ не въ диковину. Оску-
дѣвшій степной или конный Тунгузъ служитъ своей брашнѣ или
Россійскимъ мужикамъ изъ хлѣба и плашежа за него подушного
окладу.

Между *лѣсннми Тунгузами* есть и *кузнецы*: но другихъ реме-
слениковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, шернугъ, клещи,
кошорые они шакъ какъ и самое желѣзо вымѣниваютъ на мягкую
рухлядь у собирающихъ подушной окладъ Козаковъ, раздуваль-
ныя мѣхи изъ тюденныхъ кожъ, подобныя нашимъ, не выключая
и самага мѣшечка съ угольемъ, шяжестію вообще не больше, какъ
въ полпуда: по чему всякій кузнецъ весь свой приборъ совокупно
съ привасами удобно можешъ носить съ собою подъ пазухою. Е-
жели гдѣ надобно ему поработать, то складываетъ въ одно мѣ-
шко нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаешъ изъ глины для мѣ-

ховъ шрубѣ, и куенѣ, сидя на земляхъ, засшупы, копейца на шпрѣлы, огнивы, ножи, пилы, кошья, жесляныхъ и доловѣ и сему подобное лучше, нежели бы подумашъ можно.

Женскія упражненія, сверхъ варенія пици, сношрѣнїа задѣшми и шакъ далѣе, сосшоупѣ въ сушенїи рыбы, выдѣлыванїи кожъ, шипшѣ одѣянїа, крашенїи и сему подобномъ. *Млекцю рухляда* выдѣлывающѣ изрядно; а особливо *замша* ихъ оштинно хороша. Налимовыя и другїя рыбы шкуры выдѣлывающѣ они не хуже Обскихъ Омяковѣ. Шипше ихъ и вичуры, иабъ разшипанныхъ жилъ и волосу выводимыя, шакже крашенїе кожъ, а особливо шерси сѣ бѣлыхъ кожь и лошадей снимаемой, весьма не дурны.

Юрты (Аранѣ) и *домашнїй скарбъ* лѣсныхъ Тунгузовѣ не меньше просшы, какъ и самое ихъ житїе. Они сосшавляющѣ изъ до или ш до жердей или колышковѣ сполбѣ, къ верху уже сведеннїй и скрѣпляющїйся шамъ зубцами, на земляхъ же занимающїй пространство въ поперешникѣ отъ 2 до 2½ сажень. Сїю изъ колышковѣ сосшоящую решешку шокрываютъ они наметшми изъ вываренной ш на подобїе холста шшишой бересшы. Края оныхъ обшиваютъ какъ для красы, шакъ и для крѣпосши полосками изъ бересшы же, какъ будто шесьмою. По самой серединѣ юрты виденъ очагъ, сѣ кошорого поднимаешся дымъ шквозъ полуоу вершину юрты. Въ мѣстѣ дверей разодвинуты двѣ жерди подалѣе одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленнїмъ бересшовымъ наметомъ, кошорой можно или ошшопыривашъ или поднимаешъ въ верхъ. Когда они ошшочовываютъ на другїя мѣста, шо решешки покидаютъ, а наметш, свернувъ въ шрубку, берутъ сѣ собою. Таковыя ихъ юрты на взгядъ весьма недурны; но отъ стужи, какъ легко разсудитъ можно, худое убѣжище. Зимомъ спавятѣ ихъ наибольше въ закрышїяхъ горѣ, лѣшномъ же шакъ близко къ водѣ, что въ иную не привычному человеку спрашно бы показалось и войши.

Домашнїй ихъ *скарбъ* сосшопш въ одномъ мѣдномъ либо чугунномъ кошлѣ, въ щепяныхъ, бересшовыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ плашяныхъ ящикахъ, украшеннїхъ кожей и шипшми вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбуллы), колыбеляхъ, лыжахъ, саняхъ подѣ собакъ, засшупахъ, шопорахъ, лодкахъ, снаспи для звѣринаго промыслу и рыбной ловли, оружїи и прочемъ. *Застулы* ихъ длиною фуша въ полшора, нѣсколько выгнушы, и облежены жельзомъ шолько на концѣ. *Колыбелн* сумъ не иное что, какъ ошкрышыя ящїки изъ бересшы, въ вышину почти на падень, и обшлану-

шы кожою. Они сведены шупымъ угломъ, на подобіе креселъ; по чему перевязанное дия сидишь какъ будшо прислонясь. А дабы голова у него не измялась, шо вырѣзана на днѣ дыра. Надъ головою дияши вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идоловъ, какъ будшо хранишелей. Въ прочемъ можно шаковую колыбель и сѣ дияшемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣшвахъ деревъ, шаже прикрѣплять къ сѣдлу или и черезъ плечо перевѣшивать. Юрты и домашній скарбъ степныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Бурятскимъ, кошоры описаны будшъ послѣ, а послѣдній сходшвуешъ ошъ часши сѣ теперь {только описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше сѣ Якускимъ, но шѣмъ паче ошѣнно ошъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное плашье или *шубы*, кошоры носятъ они на голомъ шѣлѣ, корошкія *штаны* и долгіе кожаные или шенные *салоги*, почти совершенно подобны Якускимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и салоги свои не шакъ часто, какъ Якушы, украшають черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изпецряють ихъ красивымъ шитьемъ или строченьемъ и бисеромъ. Въ шпанномъ поясѣ есть снурокъ, кошорымъ прикрѣпляютъ они шпаны къ поясицѣ; а въ переди виденъ небольшой въ пядень длиною запонъ, изъ желшой или шемной выдѣланной кожи, кошорая ошъ части вплошь, а ошъ части въ низу шолько сѣ краю изрѣзана въ узенькія полѣски. По елику верхнее плашье, кошорое въ переди сшягиваешся снурками, не совсемъ сходишся, шо привѣшивають они по большой части красиво вышроченной и корошкями или раздувающимся крашенымъ волосомъ конскимъ или козьимъ выложенной нагрудникъ, кошорый шириною къ верху въ ладонь, а въ низу въ пядень, досшаешъ до половины лядвей, и держишся около шеи на веревочкѣ. Лѣшомъ же носятъ они плашье по большой части въ разпашку и нагрудника не надѣвають. Благоговѣйные и суевѣрные носятъ на шаковыхъ нагрудникахъ, а лѣшомъ и просто на груди, жестянаго идола, во образѣ человека, звѣря, птицы и проч. представленнаго и уповають на его покровишельство, ожидають себѣ ошъ него щасштя въ звѣриномъ промыслѣ, и шакъ дааѣ. *Лѣшомъ* носятъ шаже многіе изъ нихъ шпаны и салоги изъ налимовыхъ и другихъ рыбныхъ шкуръ. Зимю носятъ небольшіе по икры шолько пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи сѣ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подъ кошорые

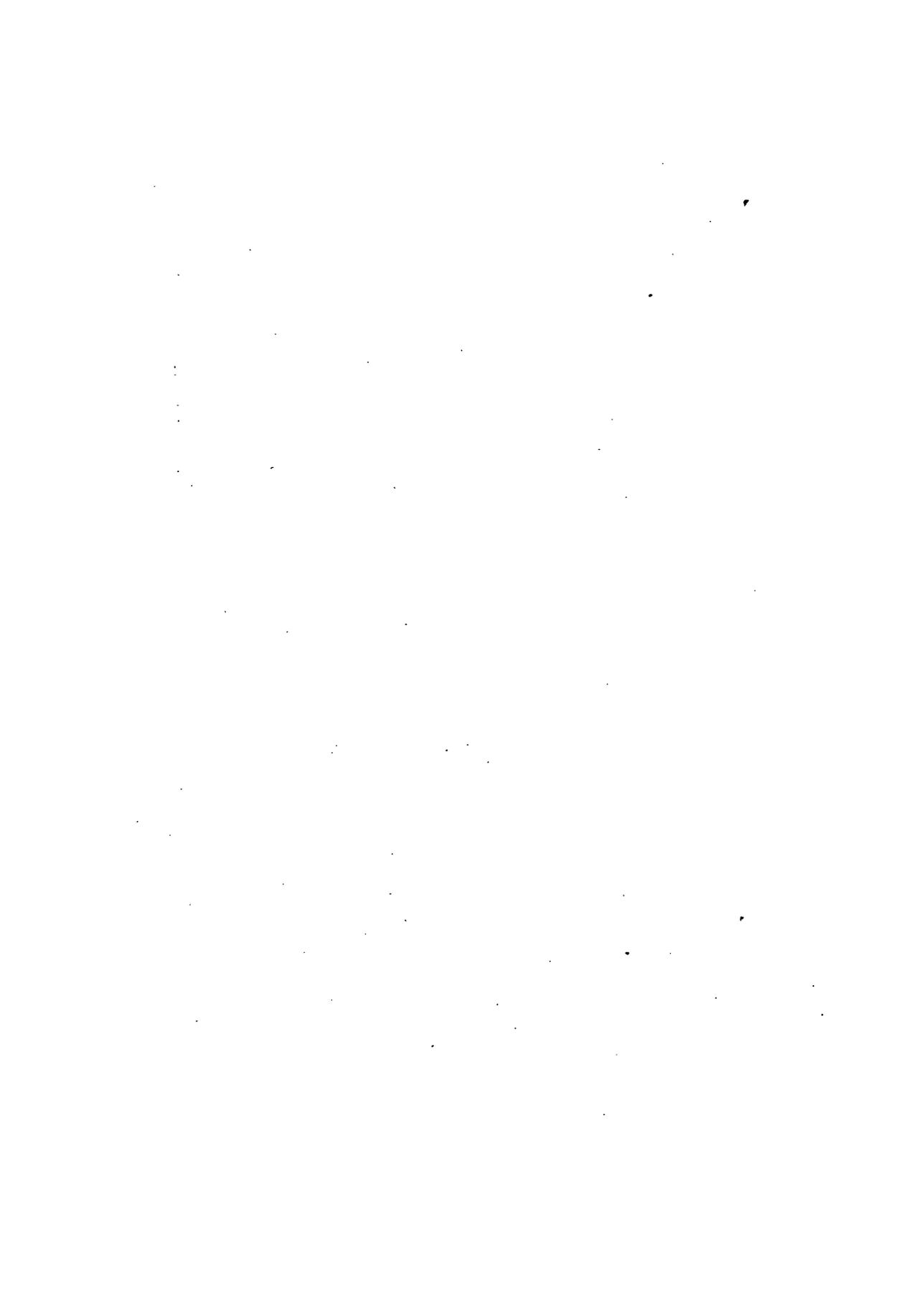

Тунгузъ.
Ein Tungus.
Un Tougouse.

*Ихувзб на охотѣ.
Ein Tungus im Jagd-Kleid.
Un Toungouse en habit de chasse.*

подшивающъ копченныя подошвы. *Зимнее одѣяніе* шьется по большей части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, копорыя волосомъ обращаются на ружу, однако ми чемъ не полюбѣ лѣшняго замшанаго плашья. Они столько любящъ легкое, свободное и разпахисшое или спрланное на взглядъ плашье, что кромѣ волосяной бахрамы, шириною въ ладонь, около обшивки плашья находящейся, пришивающъ нерѣдко еще и къ пояснищѣ большіе, пядени въ двѣ длиною, пуки изъ бѣлаго, краснаго или чернаго волосу, копорыя раздуваются ошъ вѣтру шакъ, какъ и бахрамы. Лѣшомъ ходящъ всѣ прешоволосы; а зимою носящъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, а особливо изъ сернихъ головъ, на копорыхъ оставляющъ какъ уши, шакъ и молодые рога; ошъ части же надѣвающъ на голову и небольшія скуфьѣ подобныя шапльма шапки, копорыя, когда шерстью пускающъ въ низъ, шрочашъ волосами и разпещряющъ бисеромъ. Волосы завязываютъ лѣсныя Тунгузы на запялкѣ плочно, и шакъ ихъ оставляющъ не заплешая; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ красивую корольками унизанную накладку. Оленьи Тунгузы, когда волосы корошки, часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ видны *на лицѣ*, какъ у Американцовъ, Гренландцовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, а именно на щекахъ, на лбу, и на подбородкѣ синими точками выведенныя *изображенія*, представляющія просяженія, дуги (или безпорядочныя виды; шщеславныя родишели вышивающъ ихъ шесши и десятишлѣшнимъ мальчишамъ и дѣвочкамъ намоченными сперва слюною, а по шомъ около кошла въ сажѣ вычерненными нитками, копорыя продѣваются сквозь кожу шокмо на пролѣшъ. Лицо крайне ошъ шаковаго шитья разгорается; но синіе пятнышки или шочки никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сіе единшвенно изъ пышношпи; а въ прежнія времена, какъ и *Иродотъ* ушверждаетъ въ разсужденіи Фракіянъ, означало оно героевъ. Многіе перевѣшиваютъ лѣшомъ черезъ плечо для пуганья мухъ пучокъ конскаго волосу, и при шомъ носящъ при себѣ мягкую и блестящую кожу съ селезнихъ головъ, для выширанія оною изъ глазъ мошки.

Женщины носятъ такое же шочно *лашье*, какъ и мужчины, и не больше ихъ наблюдающъ чистоту и въ разсужденіи своего шѣла. Бабъ и дѣвокъ по плашью ни какъ разпознавать не можно. Бабье одѣяніе обыкновенно бываетъ нѣсколько пополияе, шакке по большей части красяще и опряшше мужскаго. Нѣкоторыя носящъ около шеи узкія решетки изъ пронизокъ, покрывающія нѣсколько и

грудь. Иные прикрепляютъ къ плащю, послѣдуя обычаю Якутѣ, наперстки и другія бракушки (Удинѣ). Лѣтомъ носятъ многіе совсѣмъ изъ рыбныхъ шкурокъ, по вышеописанному порядку сдѣланное плащье. Женщины шрудятся надъ всею шѣю, что принадлежишь къ одѣянію, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и сшпиченіи большее искусство, нежели какого бы чаяше можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣшые Тунгузы и Тунгузки собою спашны, миловидны, веселы, смѣлы въ посшупкахъ и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершеніи своего идолослуженія наряжающа совсѣмъ опшѣнно: но объ нихъ буду говорить послѣ.

Стелные или конные Тунгузы живутъ и одѣваются лучше и иѣжиѣ совершенно сообразно Бурятамъ; и при шомъ заплешающъ они по Монгольскому обыкновенію волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бреющъ всю голову.

Они *бдятъ* всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не исключая и хищныхъ, также ласшочекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падальщину, когда только не сѣ лишкомъ воняешь; всѣхъ ишищъ и рыбъ: но зязи, ящерицы, лягушки, насѣкомые и черви кажушя имъ гнусны. Изъ царсшва расшѣній заимствующъ они себѣ въ иищу разные коренья, вырываеые ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ волящихя въ спранѣ ихъ особаго рода мышей (*), также опшѣнную свою сарану (**), комки изъ шарлыку (***), совиной стрѣлы или молочайнику (****), разные дикорасшущія ягоды, а изъ травъ больше дикіе роды прасу.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоишь кромѣ того что достпашюшъ они ежедневно на охощѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солницѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ шакимъ же образомъ опъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикорасшущихъ ягодахъ, а у оленьихъ Тунгузовъ еще и въ сырѣ. Запасъ хранящъ опъ части въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, а опъ части въ небольшихъ голубяшмямъ нашихъ подобныхъ чуланахъ, кошорые они для безопасности опъ хищныхъ звѣрей строящъ выше земли на одну или и на двѣ сажени на лесинахъ срубленныхъ деревъ.

(*) *Mus economicus*. Pall.

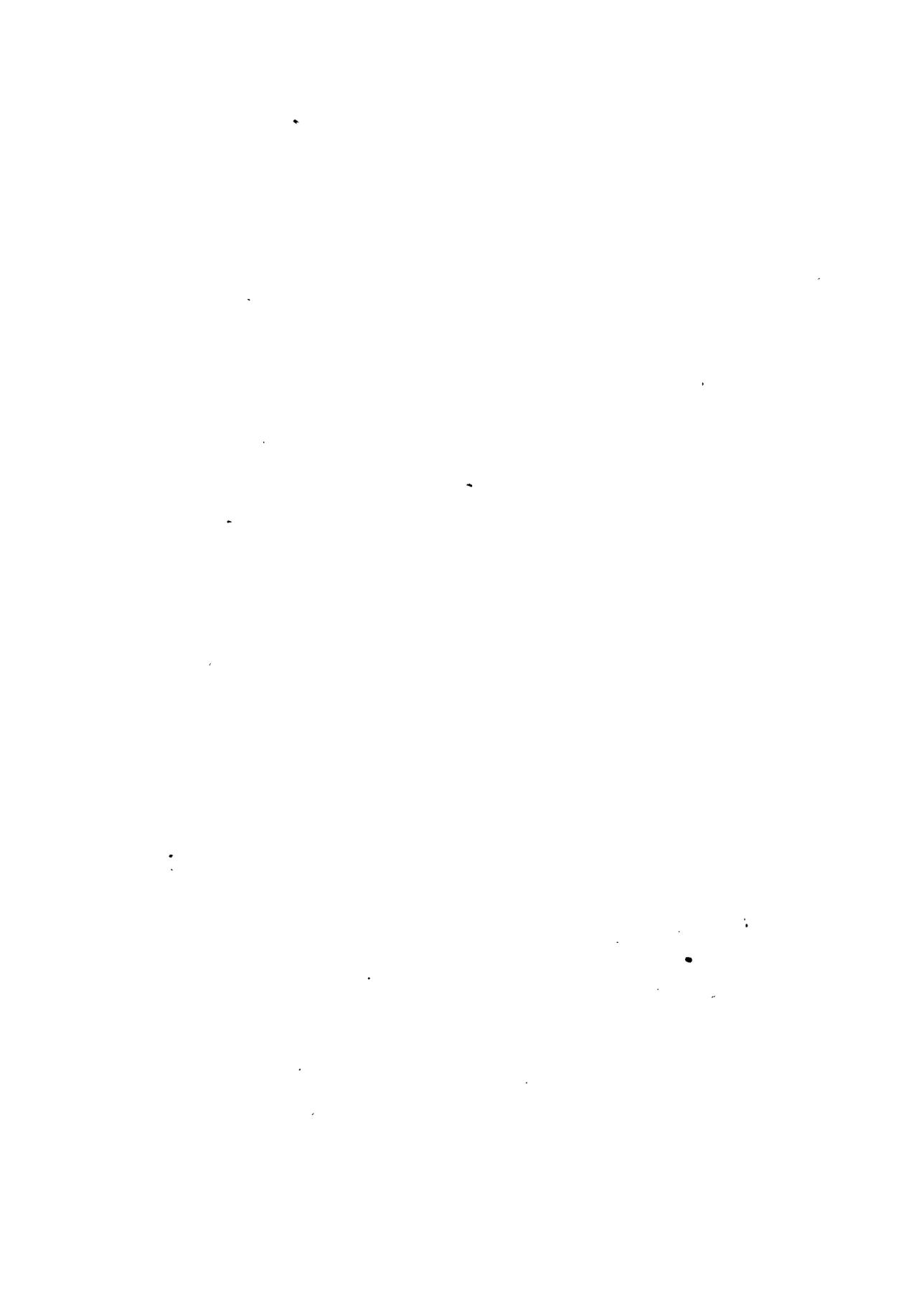
(**) *Lilium Martagon & pomponium*.

(***) *Polygon vivipar*.

(****) *Sanguiforba*.

Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ пыла.
 Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
 Un Tungouse en habit de chasse par derrière.

Пикту готовятъ себѣ просто и неопряшно. Мяса какое бы ни было, опшюдь сыраго не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянныхъ рожнахъ. Ъства ихъ *Силло* есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣлаютъ совсемъ просто, а именно: выворота кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чищенья кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленныя пошрохи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда *Нилми*. *Жиръ* и *сало* ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. *Колченое мясо* и *рыбы*, равно то и другое на солницѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго варенія. Самая мерзкая ихъ ѣства есть жареное или вареное *мѣсто роженицъ*, кошорое они въ первомъ случаѣ *Силалою*, а въ другомъ *Еделалою* называютъ. Опшцы почишатъ его наилучшимъ кускомъ, да и машери опѣдываютъ; при томъ созываютъ для опѣдыванія сей ѣствы однихъ только наивеличайшихъ друзей, къ кошорымъ въ семъ случаѣ не всякъ бы чужой человекъ пожелалъ бытъ причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подашь Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую ружлядь муку, то варятъ изъ оной жидкую соломаху.

Они *пьютъ* всегда чистую воду, весною по нѣсколько березоваго соку, мясные и рыбныя опвары, и вареную съ пьяною шравою (*) съ серебаринными листочками, и съ шелухою кедровыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слюна служила лѣтомъ къ ушоленію жажды, то жуютъ листовичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ шабаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и шопѣ курятъ изъ маленькихъ Китайскихъ шрубокъ, перемѣшавъ съ ихомъ: по чему и бываютъ во всю жизнь свою шревы. Оходкія и другія Сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселости духа шакъ, какъ Ошяки и Якушы, *мухоморы*. Шепныя и заживнѣйшіе олени Тунгузы пьютъ лѣпомъ *переквашенное молоко*, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ шѣмъ, какой у насъ употребляется. Они спавяшъ на кошель наполненной кислымъ молокомъ деревянное душло, по серединѣ кошората находится решешчатая доска, у коей на верхней сторонѣ слѣланы жолобочки, склоняющіеся къ боковой душла скважинѣ. Съ наружи покрываютъ они душло на верху войлоками, а скважины около кошла замазываютъ глиною. Поднимаю-

(*) Rhododendr. dauric.

щѣся отъ разложеннаго подѣ кошломъ огня сквозь решетку крѣпкіе пары, собирающіяся въ жолобкахъ и спекающія боковою скважиною, къ коей придѣлана шруба проводящая ихъ въ сосудѣ.

Въ *обхожденіи* они опнюдъ себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и шо безъ околичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда веселы и рѣдко одинъ другаго обижаютъ. Прозвѣтъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ требуетъ того, чего желашъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ шо же самое время слышишь ошказъ безъ огорченія. Нѣжности вышшаго степенія имъ не знакомы: однакожъ свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не выдавались, не здоровкаются; да и разшаются по большой части безъ прощанья, и слушающъ безъ примѣшнаго состраданія, когда говорятъ о нещастіяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившіе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимающъ другъ друга, и при томъ иногда шакъ плотно, что въ лицѣ оба посинѣющъ; иногда же и цѣлуются. Женской полъ и у Тунгузъ гораздо чувствительнѣе мужскаго; иногда шоймъ немалого шруда воздержашъ молодыхъ вдовъ отъ самоубійства, и шакъ да-лѣ. *Ласковыя* ихъ слова суть слѣдующія: дружокъ (Ника), дидешка (Ута), башюшка (Амениканъ), машюшка (Онимиканъ), старичокъ и добринькой (Каштунъ). Употребительнѣйшія же *ругательства* суть: воръ, бѣсъ, (Буни), проклятой (Чилкуръ). За подарки почши и не благодаряшъ: но при всемъ томъ оказываются весьма услужливыми, провожаютъ своихъ благодѣтелей нѣсколько дней долѣ, и доставляющъ имъ иногда и на свой счетъ забавы, кошорыя въ естественномъ ихъ соспоянніи почипаются наибольшими. Сколько они голодъ сносишь могутъ, шолько напрошивъ того и ѣдаяшъ здорово, да при томъ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на цыпкахъ. Кто бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хопя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанія отъ себя лешающей въ превеликомъ множествѣ мошки, кошорая крайне беспокоитъ, перевѣшиваютъ часто, кромѣ махала и селезыхъ головъ, какъ о томъ сказано выше, небольшіе горшечки, въ кошорыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо шакъ, что курево сіе шо въпереди, но назади виситъ, смотря по дѣлу ихъ и по вѣшру: и шакъ они безпрестанно бывающъ въ дыму, отъ чего около носу нарочишо смугла бываетъ у нихъ кожа.

Чистота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умываются, и ни какой посуды не выполаскиваютъ, но за велико считаютъ и то, когда выпрутъ овчиною, кошорую вышаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у дѣшей выскиваютъ вшей, то гадину сію глошаютъ. Они не гнушаются и дѣтскими нечистями; сопливые ихъ носы берутъ къ себѣ въ ротъ, и высосавъ возгри глошаютъ; много у нихъ и другихъ шаковыхъ мерзостей. У людей живущихъ столь соотвѣстственно простотѣ человѣчества, не могутъ быть наблюдаемы наши понятія о стыдливости. Дѣти, будучи уже и нарочито взрослые, ходятъ не рѣдко со всею нагѣ; да и совершеннолѣтніе обихъ половъ, однако не дѣвки, сидятъ шаже возлѣ огню нагѣ до половины, то есть имѣютъ на себѣ одни только коротенькія штаны, или попрыгиваютъ въ шакомъ же состояніи и внѣ своихъ юртъ. По привычкѣ и по тому, что почти всѣ взрослые женаты, обычай сей безвреденъ и не соблазнитель.

Лѣсные Тунгузы при естественномъ, шрезвомъ и не напужномъ житіи своемъ не прельщаются ни деньгами, ни крушцами, выключая желѣзо, ниже другимъ чемъ, надобнымъ намъ по житейскимъ нашимъ обрядамъ и приходамъ. Напрощивъ того дѣшей, здоровья и старости желаютъ. Они *любятъ дѣтей* чрезвычайно: но сіи бывають имъ на старости и пипомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ машерей, которыя имѣютъ четверыхъ дѣшей; а сіе происходитъ можетъ быть частію отъ суроваго житія и отъ того, что долго кормятъ дѣшей грудью, то есть иногда и до пятого года. Бабы ихъ родятъ легко, и начинаютъ пошъ часъ послѣ родовъ ходить; да и откочовываютъ вмѣстѣ съ мужьями, которые почитаютъ ихъ чешыре недѣли послѣ родовъ нечистыми. Кто ни будь изъ пришелей нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ вѣры имя, какъ н. п. *малгикамб: Шелинга, Уркундю, Лавинка, Атцуга.* и такъ далѣе; а *дѣвкамб: Аламурб, Оюкв. Тунгилби* и проч. Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагѣ, и обсыпаны во кругъ изшерпымъ гнилымъ деревомъ: покрываютъ же ихъ шубнымъ лоскутомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многіе имѣютъ женъ по пяти, однакожь больше такихъ, у кошорыхъ по одной только женѣ. По елику всякъ спарается, какъ можно скорѣе, завестись своимъ хозяйствомъ; то сочетаніе для обихъ половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ лѣтахъ; по чему пашнадашилѣтніе

мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдовы у нихъ нерѣдки. Невѣстѣ они выкупають. Сшешные и конные Тунгузы дають *за невѣсту выкупъ* (Шурунѣ) отъ 20 до 200 всякаго скоша; оленій Тунгузъ дасть отъ одного до 20 оленей; рыболовствующій Тунгузъ пластитъ за избраннаго своего шестя года по 2, по 3 и больше подушной окладъ. Приданое (Иши) равняется почти прошиву четвертой доли выкупу; невѣста же даритъ отъ себя жениха плашьемъ, кошорое служитъ свидѣтельствомъ въ разсужденіи искусства ея въ выдѣлываніи кожъ и шиньѣ. По исполненіи рядной начинають женихъ и невѣста спать вмѣстѣ, безъ предварительныхъ торжественныхъ обрядовъ; когда же они переходятъ жить въ новую юрту, то бываетъ празднество. Конные Тунгузы ѣдають при шомѣ съ друзьями своими и приятелями лошадей, оленей оленя, а рыболовствующіе дикаго звѣря, какаго къ сему случаю убить уластятъ какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣриномъ промыслѣ убивають собаку; по крайней мѣрѣ дасть обѣщаніе поднять шаковой столъ жениховъ ошецъ или свекорѣ.

Увѣселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣсшваніи вымышленныхъ приключеній, кошорыя они иногда и воспѣвають въ пѣсняхъ, о звѣриномъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скрипкѣ (Курѣ) о трехъ струнахъ; мужчины же забавляютья наибольше бѣганьемъ въ запуски, выпереживаніемъ на лошадяхъ, и стрѣляньемъ изъ луковъ.

Болѣзней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собсвенныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Спарики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рѣдкіе глазъ отъ дыму, и цынга отъ непрерывки къ спокойному житію, суть обыкновенныя шягости въ старости. Нѣсколько кратъ, да и за тридцать лѣтъ предъ симъ, весьма нагубна для нихъ была оспа. Идолослужители ихъ суть совокупно и врачи; стараются же пособить домашнимъ лѣкарствомъ, приношеніемъ жертвы и волшебствомъ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ одѣяніи, и надѣляютъ ихъ шабашною и другою надобностью; мужчинамъ же дають и оружіе. Когда отъ покойника не было особливаго завѣщанія, то погребаютъ его шамъ, гдѣ умеръ; Шаманы и другіе хошатъ исплѣтъ на чистомъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ только камнями и хворостомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкопорые, заврошивъ шого, желаютъ преданы бытъ погребенію или возлѣ род-

Тунгусской Шаманъ при рѣкѣ Аргоунъ съ лося.
 Ein Tungusischer Schaman am Argoun Fluss vorwärts.
 Devin toungouse auprès de l'Argoun par devant.

Тунгусской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ сзади.
Ein Tungusischer Schaman am Argun Fluss rückwärts.
Devin toungeuse auprès de l'Argoun par derrière.

ственниковъ или возлѣ какого ни есть любимаго дерева. Похороны отправляютъ приятели безъ всякихъ обрядовъ; а по шомъ одинъ послѣ другаго потчуютъ покойника, сжавя на могилу его пищу и пишь: и сіе называется у нихъ *Шитуралъ*.

Закоуъ содержатъ *языгской* по *Шаманскому толкованію*. Верховное или всеобщее божество называютъ *Боа*, діавола *Буги*, а идолослужителей и волшебниковъ *Шаманами*.

ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКИЕ НАРОДЫ.

Ближайшая къ Сѣверу матерая земля Сибири извѣстна стала Россіянамъ въ послѣдней половинѣ шестаго десятилѣтїя, и завоеваніе оной по причинѣ отдаленности, суровости мѣстъ и дикости тамошнихъ жителей, не могло производиться иначе, какъ пошлю медлительно. По 1690 годѣ извѣстна была Камчатка по одному только слуху; занятіе же оной воспослѣдовало въ 1696 году. Въ 1710 году найдены Курильскіе острова. Въ 1727 году воспріяло начало свое Камчатское морское путешествіе подъ предводительствомъ *Беринга*, продолжавшееся до 1741 года. Во время онаго Восточные, а отъ части и Сѣверные берега Сибири, острова на морѣ между Сибирью и Америкою, а особливо Курильскіе, также Японія, да и самая матерая земля Америки, отъ части ближе опредѣлены, отъ части открыты, отъ части же и посѣщаемы были. По томъ бывали въ мѣстахъ сихъ и на островахъ Россійскіе промысленики, Козаки и Купцы, а въ послѣднія времена доѣзжалъ до нихъ Капитанъ Берингъ, и мало по малу обложены нѣкоторыя подушнымъ сборомъ. Чуждой мысью, называемой и Шеланскимъ, и вообще Анадырская страна, прежде Камчатки стала извѣстна, и въ 1738 году и послѣ по большой части войскомъ состоявшимъ подъ предводительствомъ Маіора *Павлуцкого* пройдена и завоевана: но дикіе тамошніе жители не все пребыли въ повиновеніи.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя противуполагали препоны завоеванію и удержанію сихъ странъ, препятствовали и приобрѣтенію точнаго объ нихъ свѣденія, по елику они по большей части не виданы были испытателями никогда. Все знаніе объ нихъ основано на изустныхъ преданіяхъ, которыя однакожъ въ отношеніи къ народамъ сихъ странъ, по елику устройство ихъ и странныя въ житіи обряды и самимъ воинамъ и купцамъ гораздо примѣшнѣе, нежели качество холодной, суровой и къ житію Европейцевъ почти вовсе неспособной земли, не столько не совершенны, какъ въ разсужденіи онаго естественнаго состоянія. *Стеллеръ*, *Крашенинниковъ* и *Миллеръ*, все шрое члены вѣдшей Санктпетербургской Академіи Наукъ, а особливо Кавалеръ Палласъ сообщили объ нихъ наипространнѣйшія и лучшія извѣстія: однако и разныхъ неученыхъ путешественниковъ сказки о томъ вѣрны и полезны. Я почерпну и внесу сюда изъ шаковыхъ извѣстій все то, что до предмета моего касается.

Между сими народами *Юкагиры* съ *Якутами*, *Тукчи* съ Сѣвернѣйшими *островскими жителями*, *Камчадалы* съ нѣкошорыми *Курильцами* и *Восточными островскими жителями*, въ языкѣ и жишѣ нарочито сходствуютъ, а *Коряки* составляютъ какъ будто бы межунокъ между *Чуцкими* и *Камчадальскими* народами. Но у всѣхъ столь великая разность въ языкѣ, жишѣ, нравахъ и прочемъ, что и сходства почти не примѣтно: по чему безъ точнѣйшихъ до произхожденія ихъ касающихся извѣстій или рачительныхъ испытаній не можно ни чего положительно сказать о ихъ единоплеменствѣ и породѣ относительно къ ихъ предкамъ. Я же по намѣренію моему, касающемуся до нынѣшняго ихъ состоянія, описываю ихъ адѣсь по порядку подъ именемъ *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ* больше въ разсужденіи ихъ смежности, нежели по старшиму древнему ихъ единородству.

Ю К А Г И Р Ы .

Юкагиры и нынѣ еще нарочито знашныи народѣ , кочующей въ ближайшихъ къ Сѣверу Якушскихъ мѣстахъ и около самаго Ледовитаго моря , въ Восточной сторонѣ *Лены*, отъ *Ямы* до самой *Колымы*.

Они, по народной молвѣ , почши столь же давно, какъ и Якушы, извѣсны были Россійскимъ завоевателямъ Сибири: но какъ они жили въ ближайшихъ къ Сѣверу, въ суровѣйшихъ и непроходимыхъ странахъ, то первые Юкагиры не прежде, какъ въ 1639 году начали плащитъ подушный окладъ: чему прошивились и вооруженною рукою. Лошади совсемъ имъ были неизвѣсны: у Якушъ напрошивъ шого оныя попадаются. И по шому думашь надобно, что они издавна уже живущъ въ сихъ холодныхъ, болошистыхъ и горштыхъ мѣстахъ.

Нынѣ кочуетъ при нижней *Ямѣ* пять Юкагирскихъ колѣнъ, плащящихъ подушный окладъ за 287 душъ въ *Устьямское Зимовье*, кошорое отстоитъ отъ Якуцка на 1184 версты къ Сѣверу. При нижней *Индигиркѣ* и *Алазеѣ*, вышедшихъ изъ Ледовитаго моря рѣкахъ, около *Удлинскаго Зимовья* кочующъ четыре поколѣнья, кошорыя приписаны къ *Алазейскому Зимовью*, отстоящему отъ Якуцка на 1369 верстъ въ Сѣверосѣверовосточную сторону. При нижней *Колымѣ* живетъ 20 колѣнъ, изъ коихъ семь называющяся Юкагирами и состоятъ изъ 677 душъ. Они отдають подушной окладъ въ зимовьяхъ при Колымѣ, изъ коихъ нижнее лежитъ въ 1914 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверовосточную сторону во 100 верстахъ выше устья Колымы, впадающей въ Ледовиное море. Весь народъ плащитъ подашь за 964 души. Но ихъ въ пустыняхъ шакъ трудно отыскивать, что число непереписанныхъ мужчинъ, шакже женъ и дѣшей, по крайней мѣрѣ въ чешверо превозходитъ, въ отношеніи ко всему народу, помянутое количество.

Въ разсужденіи *види* и упошребительныхъ у нихъ обрядовъ походятъ они на *Якутѣ*, въ жишii же сходствуютъ съ *Семоядью*. *Одѣяніе* ихъ шакимъ же образомъ составлено. Въ *языкѣ* ихъ много Якушскихъ словъ, но ошнюдь не столько, чтобы можно было почесъть его Якушскимъ нарѣчіемъ; ни они Якушъ, ни сii ихъ никакъ не разумѣють. Идолослуженіе ихъ сходствуетъ съ Якушскимъ. Они кажущя бышь особымъ и ошдѣленнымъ народомъ еще и по шо-

му, что живущъ совсемъ ошщещься и не имѣя ни какого обращенія съ другими народами.

Они *когуотъ*, какъ и Якушы, въ юртахъ и заимствуютъ себѣ пропитаніе ошъ звѣринаго промысла, рыбной ловли и содержанія оленей. Нѣкоторое поколѣнье, которое Коряки называютъ *Антылами*, имѣетъ, какъ слышно, всплошь пѣгихъ оленей. *Всты* у нихъ шакиа же, какъ и у Якушъ.

Они *любатъ* больше, нежели другіе Сѣверные жители, *члоснѣ* и бреженье, и употребляютъ на шакой конецъ *табакъ* да *мухоморы*, по примѣру другихъ Сѣверныхъ Сибиряковъ. Они ѣдятъ не только ошъ одного до чешырехъ мухоморовъ, но и, какъ повѣствуетъ *Стеллеръ*, почитаютъ и мочу упившихся къ произведенію шаковаго же дѣйствія способною: по чему оную и сберегаютъ. Ошъ употребленія мухоморовъ не примѣшно сьльнаго въ крови волненія: но въ нервахъ производяшъ они споль великое дѣйствіе, что нѣкоторыя во время бреженья безпресшанно шр сущься. Какъ Юкагирскіе, такъ и Тунгузоламушскіе Шаманы принимаютъ всегда передъ своимъ упоеніемъ по доброму глотку шаковой мочи. Въ прочемъ бывающъ шакие упійцы на старосши глупы. Во время упоенія думаютъ про себя, что они люди большіе, шолстые и богатые: иные шоятъ шаке лежа на спинѣ красивыя пѣсни о любви или звѣриномъ промыслѣ; другіе мелютъ пустошь о будущемъ, и шаке далѣе. Будучи въ наивеличайшемъ упоеніи кричатъ и шумятъ, пока не уснутъ. Иныиъ совсемъ не можно употребляшъ мухоморовъ, по шому, что послѣ оныхъ сами на себя вштервеняющься. Таковое дѣйствіе производяшъ они, какъ слышно, и всегда, когда кто въ упоеніи коснешься женскаго пола; по чему шрезвые и ошвращаютъ ошъ шого упоенныхъ.

КАМЧАДАЛЫ.

Полуостровъ *Камчатку* составляетъ каменистый и безплодный хребтъ горъ, простирающійся отъ матерой земли Коряковъ между Восточнымъ моремъ, также Пенжинскимъ морскимъ залвомъ и Охотскимъ моремъ въ Южной сторонѣ, на Западъ, и въ краѣ Курильскихъ острововъ на многихъ мѣстахъ моря до самой Японіи продолжается. Сія земля, находящаяся между 51 и 62 степеней Сѣверной широты, не столько по Сѣверному, сколько по Восточному своему положенію, которое по новѣйшей картѣ находится подъ 174 степенемъ, и по причинѣ каменистой подошвы, холодныхъ ключей, недоспашка въ плодородной землѣ, и дѣйствіа суровыхъ особливостей, крайне неспособна ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства; она едва можетъ быть обитаема привыкшими къ Европейскому житію людьми, и по справедливости почитается наименее суровѣйшимъ мѣстомъ обширной Россійской Имперіи. Небольшое число Россійскихъ усадебъ на семь полуострововъ составляютъ остроги; да и шѣ разбѣяны, смотря по тому, какъ требуетъ того надзираніе за Камчадалами, ссылочными людьми и торговцами, и сподобитъ казнѣ не дешево. При всемъ томъ суровыя сіи горы, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли искони коренныхъ жителей, а именно *Коряковъ* въ Сѣверной сторонѣ къ матерой землѣ, и *Камчадаловъ*, живущихъ на лежащемъ ближе къ Югу полуостровѣ. О *Корякахъ* буду говорить послѣ, а теперь опишу *Камчадаловъ*.

Камчадалы называются сами *Ительменами*, т. е. жителями. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сія получила наименѣе свое окончено отъ прозванія храбраго Ительмена *Камгата*, жившаго при оной.

Происхожденіе ихъ по недоспашку въ бытійственныхъ свѣдѣніяхъ и по причинѣ собственнаго ихъ незнанія въ разсужденіи бывшихъ прежде съ ними переменъ, сомнительно. По языку, виду и житію кажутся они особливимъ, съ нѣкоторыми жителями ихъ морей единоплеменнымъ народомъ. Кромѣ Коряковъ, нѣкоторыхъ островскихъ жителей, а нынѣ и Россіянъ, не извѣстны имъ ни какіе другіе народы. Домашнія ихъ надобности совсемъ ошѣтны отъ скарбу другихъ народовъ, и шоліко просты, колико не велики собственныя ихъ нужды, подавшія имъ поводъ къ изобрѣтенію оныхъ.

Не меньше ошибѣнно и самое ихъ житіе. Все сіе свидѣтельствуетъ, что они искони владѣющіе своими мѣстами.

Они *раздѣляются и называются* по рѣчкамъ, при которыхъ живутъ, и отъ коихъ рѣдко переселяются къ другимъ. Ради удобности въ собираніи подаши и смотрѣніи за ними приписаны они къ разнымъ острогамъ. Къ *Большерецкому острогу* принадлежало въ 1760 году 1196 записныхъ душъ, которыя живутъ въ 22 острожкахъ. Къ Верхнему и Нижнему *Камчатскому острогу* причислено 25 острожковъ, а душъ 938; къ *Тагильскому же острогу* 26 острожковъ, а душъ 940. Ежели въ разсужденіи нещочнаго счисленія, шакже женщинъ и дѣшей, положишь число душъ противу вышесказаннаго въ шрое или и въ чешверо; шо количество народа будетъ при всемъ томъ для шолико обширной страны весьма малое, и шѣмъ паче, что въ разсужденіи ближайшихъ къ Сѣверу остроговъ положены въ счетъ и принадлежащіе къ нимъ Коряки. При томъ же и оспа въ 1768 и 69 годахъ, слѣдовательно нѣсколькими лѣтами позже переписи, великое ихъ множество переморила.

Камчадалы обыкновенно *росту малаго*, широкоплечи, голова-шпы; лицо у нихъ продолговатое и нѣсколько плоское, носъ низменный, глаза маленькіе, губы тонки, ноги корешки, бороды не велики. Они весьма нечувствительны ко всякимъ переменамъ погоды и жизни; на ногахъ же крѣпки и ходящъ скоро. У *женщинъ* въ лицѣ кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черныя, руки и ноги тонкія; да они и вообще спашны.

Народъ сей имѣетъ *воображеніе проицательное* и память добрую, да при томъ чрезвычайную склонность и способность къ подражанію. Пѣсни ихъ и сказки преисполнены остроумными и забавными вымыслами. Что бы ни увидѣли, все поддѣлають, и умѣющіе наипаче передразнивать инostrанцовъ въ разсужденіи рѣчей и помаваній. Прародительскіе обычаи не строго наблюдають; но какъ они никогда почти не разсуждаютъ, отъ содѣланныхъ прежде злодѣяній ни къмъ не предостерегаются, не думаютъ ни мало о слѣдствіяхъ или предбудущемъ, и шакъ далѣе, шо больше послѣдуютъ худымъ, нежели добрымъ примѣрамъ, и развращаются. Они чрезвычайно любопытны: по чему сны и шолкованія оныхъ много дѣлають имъ хлопотъ. Главная ихъ страсть похоть и веселость, кошорой рѣдко не сотоварищесшествуетъ безпечность и

безпристрастїе къ прочимъ прїятностямъ житейскимъ, да и къ самой жизни. Бѣднось ихъ не тревожитъ; на звѣриной промыселъ ходящъ для утоленїя единственно голоду, и при томъ удаляются отъ хижинъ своихъ не далѣе, какъ на шагое пространство, чтобы можно было возвратиться къ бабамъ ночевать. Не нѣжностъ вкуса, но изобилїе въ пищу и хмель напивоковъ, ихъ дурящася. Они завидуютъ блаженству своихъ предковъ, которые жили въ такія времена, что бродили въ хижинахъ по самымъ ладышки въ помояхъ, а нынѣ де и подошва едва подмокнетъ. Въ походы скопу подобны; и по тому мужчины, вопреки обыкновенїю Восточныхъ народовъ, добровольно рабаются женамъ. Не меньше любострастенъ и женскій полъ, который любовниками своими не только хвалится и допускаетъ иностранцовъ награждать себя за всѣ услуги удовлетворенїемъ ихъ походы, но и употребляетъ неестественныя угожденїя срасти. *Стеллеръ*, жившій долго въ Камчаткѣ, почитаетъ причиною шаковой ихъ неутолимой походы ежедневное яденїе почти гнилой рыбы, икры, сала, разныхъ родовъ луку, и сверхъ того пчаднось.

Огести и *стыдъ* не опредѣленные имѣютъ они понятїя: и по тому отъ суровыхъ поступковъ больше, нежели отъ ласковыхъ, спановаша въжливѣе, услужливѣе и меньше плутоваша. *Одна локоть* да *раздолье въ жити* возбуждаютъ въ нихъ зависть: и по тому крадутъ шримо женъ да собакъ: но за шаковыя покражи бывали между ими прежде не рѣдко и войны. Они крайне *боязливы*, истрашъ только сокровенно, и приходящъ въ отчаянїе и отъ самой малой опасности; не уповаю на грядущую жизнь, бывающъ склонны отворачивать зло настоящее, хотя въ прочемъ и суемысленное, самоубійствомъ. Не только осужденные на казнь, но и негодующїе, предпочитаютъ смерть горестной жизни или сопряженному съ казню болѣзнованїю. Устарѣлые и изувѣченные Камчадалы еще склонитѣе, нежели древнїе Сѣверные народы, которые стариковъ своихъ побивали, поднимать на самихъ себя руки. Болѣзненныхъ спраданїй сносить не могутъ. Когда родятся близнецы, то охотно одного изъ нихъ убиваютъ. То же дѣлаютъ и съ уродами. Беременные женщины, которые много имѣютъ дѣшей, или чувствуютъ себя отъ помѣху въ несешовой своей срасти, заводятъ ихъ умысленно, и такъ далѣе. Смерть же, хотя и мучительную, сносятъ злодѣи и больные весьма спокойно.

У Камчадалъ нѣтъ ни грамоти, ни заручительныхъ знаковъ, ни ученія, ниже вѣныхъ какихъ знаній, кромѣ тѣхъ, къ какимъ руководствующъ необширныя ихъ дѣла и природа. Они имѣютъ собственной *языкъ*, котораго корень походитъ на оупрасль Монгальскаго языка, и которому трудно учиться по тому наипаче, что они названія вещей въ обласпи ихъ находящихся не заимствуютъ изъ другихъ языковъ, но сами выдумываютъ, сообразуясь природѣ или обстоятельствамъ, по которымъ они имъ попадаются. Они такъ, какъ и мы, *считаютъ* до десяти, а по томъ повторяютъ. По большей части и на первомъ десяткѣ берутъ уже на помощь пальцы. Неизчислимость извѣляютъ они чрезъ сжиманіе пальцевъ, или нѣмъ, что хвашаются за волосы.

Лѣтній годъ состоитъ изъ лѣтняго и зимняго годовъ, которые они раздѣляютъ по луннымъ печеніямъ (Тава), а сіи называютъ по естественнымъ явленіямъ, какъ и. п. *кокушкинъ мѣсяцъ* (Конкуачъ), когда начинаютъ кричать кокушка, и такъ далѣе. Дней не считаютъ. Годы считаютъ по новѣйшимъ и важнымъ для нихъ приключеніямъ, какъ то по бывшимъ мясежамъ, по свирѣпствованію оспы, и такъ далѣе.

Союзъ наблюдаютъ между собою *по семьямъ*. Всякое семейство живетъ въ особомъ острожкѣ при какомъ ни будь ручьѣ или рѣчкѣ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ. Молодые поселяются въ тѣхъ острожкахъ, гдѣ женился. Большой острожокъ раздѣляется на части, но все при томъ же ручьѣ или рѣчкѣ. Старѣйшій или коренный острожокъ пользуется нѣкоторыми преимуществами по тому, что въ немъ жилъ сынъ родоначальника Камчадаловъ и божества ихъ *Кутки*. Старшинъ острожка оказывается нѣкоторое, однакожъ малое, повиновеніе. Они наказываютъ только воровъ да убійцъ, первыхъ тѣмъ, что прижигаютъ у нихъ пальцы, по чему ихъ признаютъ и презираютъ; послѣднихъ же выдаютъ обиженнымъ, которые часто послушаютъ съ ними жестоко.

Въ прежнія времена бывала часто между нѣсколькими острожками, наипаче изъ покищенія женъ, междоусобная *брань*, по случаю которой произошли небольшіе владѣльцы (Тоюонъ), которые противниковъ побивали, а женъ, собакъ и имѣніе брали себѣ въ добычу. А особливо воевали они часто Коряковъ, и иногда выигрывали, а иногда и сами побѣждаемы были. Они никогда не осмѣливались завѣдомо вступитъ съ неприятелями своими въ сраженіе, но такъ, какъ во время мясежей бываешь, нападали на нихъ не-

чаянно въ ихъ жилищахъ или выманивали ихъ изъ выгодныхъ мѣстъ. Въ острожкѣ, на кошорой бывало такое нападеніе, кололи иногда мужа своихъ женъ, а по томъ боясь горшей участи, и самихъ себя. Собственныя ихъ оружія суть лукъ, стрѣлы и копьѣ съ заоспѣнными косыми, да сверхъ того дубины.

Нынѣшнее ихъ *устройство*, кошорое такихъ междуособныхъ браеней не шершишь, такое же, какъ и у большой половины прочихъ Сибирскихъ народовъ. Они состояшь подъ смотрѣніемъ Россійскихъ начальниковъ, и дають заложниковъ или аманашовъ. *Подать* ихъ состояишь въ одномъ соболѣ съ души, въ мѣсто кошораго принимаютъ ошъ нихъ шакъ же въ казну и другую мягкую рухлядь, либо и сладкую праву, инако Сибирскій борщомъ (*) называемую для куренія вина.

Они живали всегда шакъ, какъ и нынѣ, въ *одножѣстныхъ селитбахъ*, кошорыя укрѣпляли, прежде земляными или и каменными стѣнами, либо палисадами: по чему и названы оныя ошъ Россіянъ острожками; да и нынѣ шакъ же называюся, хошя укрѣпляшь и запрежено. Оспашковъ прежнихъ деревень такое у нихъ множество, что должно думать, что Камчадалы были прежде нѣсколько крашъ многолюднѣе нынѣшняго. Всякій хозяинъ обще съ домочадцами своими имѣеть по одной зимней и лѣтней юртѣ. *Зимнія хижины* вырываются подобно чешвероугольнику въ землѣ, глубиною ошъ 3 до 5 фушовъ, обносятъ палисадами и имѣють плоскія спроилы, покрываемыя хворостомъ, сѣномъ и землею. Входовъ служишь отвершѣе, сквозь кошорое по подрубленному ступенчашо бревну въ низъ опускаюся и въ верхъ вымѣзаюшь, и кошорое шакъ, какъ и другое насупрошивъ сего отвершѣе для выходу дыму и проходу воздуха, служишь и вышѣе окна. *Лѣтнія хижины* (Пемъ) обшъ нѣсколькихъ углахъ или круглы, и подобно нашимъ голубяшнямъ стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ, вышиною ошъ земли сажени на двѣ. Столбы нѣсколько одинъ къ другому помаклонились, по чему хижина подобна видомъ келю. Стѣны и пошолокъ деревянные; крошъ же длиною шравую. Поелику хижины не велики, по стояшь по нѣсколку рядомъ и соединены между собою доскою, служащею въ мѣсто перехода. Въшрь по большой части шашаешъ ихъ не мало. Подъ такими же хижинами, кошорыя по причинѣ шопкой земли нужны, привязываются собаки.

(*) *Heracléum Sibiricum*. L.

Хозяйство у нихъ чрезвычайно бѣдное. Въ зимнихъ хижинахъ отдѣлены спальные мѣста жердями. Въ мѣсто постели служившъ сдѣланная изъ травы рогожа. *Лодки* ихъ (Коачташа) и ладьи (Байдара) устроены изъ дерева и рыбьей кости. *Собитки санки* шакъ, какъ у Ошяковъ и Тунгузъ, узки, длинны, легки съ подобнымъ ящику корабомъ. *Лыжи* ихъ шакія же, какъ и другихъ Сѣверныхъ обывашелей. *Мѣшки* дѣлаютъ изъ кишокъ большихъ морскихъ звѣрей; а *сосуды* изъ дерева и бересты. Въ старыя времена шочили они себѣ шопоры и ножи изъ камней, въ мѣсто иголокъ употребляли рыбныя кости, и шакъ лалѣе. Нынѣ же имѣютъ порядочныя кошлы, шопоры, ножи, иные лакированные Лионскіе лѣсы и крушцовыя сосуды, булавки и сему подобное.

Стрѣльщикъ, да *погреба* ведутся у нихъ больше по старинному обыкновению. Они по примѣру Тунгузъ и другихъ язычниковъ, *ѣдятъ* всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ; однакожъ не только ящерицъ и проч. но шакъ же собакъ и мышей ѣсть не любятъ. Мертвые кишки, шюлени и другіе морскіе звѣри кажутся имъ ошмѣнно вкусны. Дикое коренье и всякіе плоды употребляющъ шакъ, какъ и нѣкоторыя травы не только лѣтомъ, но и зимою въ пищу. Рыбу, мясо и коренье сушатъ на солнцѣ въ прокъ на зиму. Поселку у нихъ нѣтъ скотоводства, то они не столько, какъ скотоводствующіе народы, имѣютъ и повѣду ѣсть падальщину. Приготовленіе пищи странное и мерзкое. Весною ѣдятъ внутреннюю березовую и ивовую кору, которую изрубивши мѣшаютъ съ икрою. Калъ ихъ походитъ въ сіе время на гущу кожевеннаго квасу. *Солеса* варятся изъ дикихъ плодовъ, коренья и сладкой травы, вмѣстѣ съ саломъ или жиромъ. *Токала* есть не иное что, какъ сушенныя на солнцѣ рыби спинки, которыя не варя ѣдятъ. *Икру* сушатъ на солнцѣ же въ прокъ. *Сулрикамти* называющъ они крѣпко копченныя и почти прожаренныя, а *Турготами* шакія рыбы, которыя въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ перегнили шакъ, что ихъ оштуда черпаютъ. Они воняютъ чрезвычайно, но при всеишъ шомъ Камчадалскому вкусу не прошивны. *Солз* мало у нихъ употребляется, а хлѣбъ и все имъ не знакоиъ.

Обыкновенное ихъ *лмше* чистая вода, весною березовый сокъ, а лучшее уваръ изъ полушечной травы или луговаго чаю, мяса и рыбьей шелухи. Для *члоснѣя*, которое мужчины крайне любятъ, женщины же напрошивъ того жалуютъ травяныя увеселенія и иногда не уживающся, употребляли прежде одни только *миче моры*, о

кошорыхъ упомянуто шакъ же при описаніи Ошяковъ и Юкагиръ, и кошорыя нѣюшъ Камчадалы съ уваромъ изъ лиспчочковъ помянушаго луговаго чаю. Нынѣ же куряшъ на шакой концѣ *табакъ* и доспаюшъ ошъ Козаковъ выдуманное ими вино изъ сладкой травы и раздавленныхъ плодовъ куренное.

Сшаринное *одѣяіе* обоихъ половъ во многомъ ошмѣнно ошъ нынѣшняго, по шому что они къ собшвенной своей одежѣ присовокупили много чужаго. *Камчадалъ одѣтый по дшародителски* ходишъ въ хижинѣ, (а прежде ходили они шакъ же дѣшомъ на звѣриной рыбной промыселѣ) прекозавшшея кожаными изрядно вышитымъ поясомъ, *башъ шшановъ*; въпереди виситъ сумка, а назади кожаной заповъ, по голому шѣлу; и слѣдовашельно ошъ почти нагой. Нынѣ же носяшъ они подъ поясомъ рубахи. *Штановъ* надѣваюшъ шеперь по двое, кошорыя шьюшся по кости и завязываюшся подъ колѣнками; нижнія или шакъ сказашъ порпки дѣлаюшся изъ выдѣланной кожи, а верхнія, кои доспаюшъ да самыхъ яшѣ, изъ мягкой рухляди, кошорую волосомъ нускаюшъ къ верху. Ноги обвершывали они прежде шравою, или сапоги и сапоги на голой ногѣ; нынѣ же ешъ у нѣкошорыхъ и чулки. *Обувъ* дѣлаюшъ изъ шюленныхъ либо и оленьихъ кожъ, пуская шерстью на ружу, или изъ рыбныхъ шкуръ; праздничную же изъ разныхъ кожаныхъ лоскушковъ и крашеной гладкой кожи составляюшъ и красиво шрочашъ: ша и другая привязываешся около ладыжекъ. *Верхнее одѣяіе* состоитъ въ двоякихъ шубахъ, кошорыя они прежде носили на голомъ шѣлѣ, нынѣ же надѣваюшъ подъ нихъ рубахи изъ холста, кишайки, камки или шелковой машеріи: всѣ сіи шовары покупаюшъ у Россіянъ. *У нижнихъ шубъ*, кошорыя они почти одни шолько надѣваюшъ, и кои называюшся у нихъ *ларкаши*, ешъ въ верху шакой шочно, какой бываешъ у рубахъ, воршъ, сквозь кошорой едва проходишъ голова. Рукава и полы по колѣна. Шубы сіи дѣлаюшся изъ оленьихъ или шюленныхъ кожъ, выкрашенныхъ съ шшренной или заковой стороны ольховою корою въ шемной цвѣшъ; въ подолѣ разщрены по Тунгуаскому обыкновенію красивымъ шшпьемъ и обложены не шолько бахрамою, но и долгими волосяными пучками. Они носяшъ ихъ на обѣ стороны, однакожъ больше волосомъ къ шѣлу. *Верхняя шуба* (Кукланка) подобна шакъ же рубахѣ, шкмо разпашная въ верху и въ низу; дѣлаешся же изъ оленьихъ, а больше изъ собачьихъ кожъ. Она полише нижней шубы или *Парки*, и доспаешъ до самыхъ ладыжекъ. Около вшршника видна жос-

*Камшадаль въ зимнемъ платьѣ.
Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
Un Kamtschadale en habit d'hiver.*

Камчадалка въ простомъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
Une Kamtschadale en habit ordinaire.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is illegible due to fading and is oriented upside down.

матая собачья шерсть, и шакъ же, какъ въ подолѣ и около рукавовъ, широкой опороченной или вичурами разпещренной, всегда бахрамою обширой рубецъ, да сверхъ того во многихъ мѣстахъ прикрѣпленные волосяные пучки, дабы шѣмъ страниче казалась шуба ихъ взору. Назади виситъ теплая сумка, для надѣванія, по примѣру Ошляковъ, на голову. Въпереди же держится лоскутъ собачьей кожи, кошорымъ покрываютъ ночью лицо. Все вообще кожаное обращаютъ шерстью на ружу. Голову покрывали въ прежнїя времена зимою *шалкою* изъ ппичьихъ перьевъ или и изъ мягкой рухляди, либо ремнемъ, отъ кошораго висѣли въ низъ лоскутъ какого нибудь мѣху; а лѣшомъ *заслоногою шлялою* изъ дерева, керы или перьевъ, по примѣру Американцовъ на находящейся отъ Камчатки къ Восхоку матерой землѣ. Нынѣ же носятъ многіе Рускія шапки.

Женщины ходятъ въ шпанахъ, (а нынѣ сверхъ того въ рубахахъ и чукахъ) въ башмакахъ, сапогахъ, паркахъ и Кукланкахъ, подобныхъ мужскимъ. У *Кукланокъ* ихъ виситъ назади хвостъ. Они обыкновенно опорачиваютъ ихъ дорогою мягкой рухлядью и разпещряютъ красивыми вичурами; носятъ же на обѣ стороны. Рукавицъ и ночью не скидываютъ. *Дѣвки* заплетали прежде волосы, по примѣру Ташарокъ, въ нѣсколько маленькихъ косъ, кошорыя кругомъ зашылка висѣли; нынѣ же расчесавши волосы, заплетаютъ на зашылкѣ въ одну косу, кошорую украшаютъ леншами, корольками и прочимъ, и носятъ головную повязку. *Бабы* заплетали шакъ же волосы въ нѣсколько косъ, кошорыхъ концы сводили вмѣстѣ въ одну главную косу, и увеличивали сію накладными волосами. Нынѣ же повязываютъ голову платкомъ, или надѣваютъ Рускіе кокошники. Около шеи носили въ старыя времена ремень съ разными брякушками, а нынѣ съ пронизками.

Теперь многіе, когда захопятъ пощеголять, наряжаются совсемъ по Руски, мужчины въ двѣщные суконные кафтаны, кои нерѣдко бывають и съ пуговками, въ сапоги и проч; бабы же въ шелковыя рубахи съ манжетами, въ сарафаны, шифли, шелковые платки, и проч. Такой нарядъ спойтъ мужу и его семьѣ въ Камчаткѣ около 100 сободей или лисицъ. Въ старину никогда они не умывались; нынѣ же многія женщины уже бѣляшя гнилымъ деревомъ и пережженою слюдою, и румяняшя особою морскою правою и жиромъ.

Мужчины препровождаютъ большую часть времени въ безпечной и похотливой праздности. Въ прочемъ же *удражняются* въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да сверхъ того въ домашнихъ подѣлкахъ. *Звѣриный промыселъ*, кошорый надѣлялъ ихъ соболями, лисицами и всякою дичью, становившя ошъ часу хуже; одному челоуѣку надобно прилежно пошрудиться, чшобы промыслишь въ зиму лисицъ до десяти и такъ далѣе. Въ *рыбной ловлѣ*, при кошорой употребляютъ свои суденышки, неводы изъ кропивной пряжи и прехазубчатыя вилы, подобныя Тунгузскимъ, весьма они проворны, и умѣютъ пользоваться ходомъ рыбы. Они строятъ свои суденышки и хижины, дѣлаютъ сами и щепяную домашнюю посуду, рубящъ дрова, обдѣлываютъ луки и стрѣлы и вооружаютъ сѣи послѣднѣя желѣзцами ошъ разбитыхъ чугунныхъ котловъ, кошорыя разковываютъ безъ помощи огня, рѣжутъ шраву на рогожи, и варятъ во прѣки обыкновенію другихъ народовъ, ѣшвы. Другъ другу пособляютъ и ссужаются чѣмъ могутъ, не изъ прибыли, но по пріязни. *Корякамъ промѣниваютъ* соболей, лисицъ, бѣлая собачьи шкуры и сушенныя *мухоморы* для упиванья, на оленьи и другія кожи. Многіе нанимаются служить Россійскимъ купцамъ и козакамъ въ морскихъ пушешествіяхъ къ островамъ, и какъ судовщики или корабельные служители, звѣриные промышленники и шолмачи, спановящя имъ весьма полезны.

Женщины выдѣлываютъ кожи, прядутъ кропивныя нитки, плешутъ рогожи и кузовы, сушатъ рыбу, дѣлаютъ рыбій клей, собираютъ коренье, ягоды и шравы, а особливо Сибирской борщъ, и проч. *Кожи выдѣлываютъ* на чисто по большой части выскабливая мездру, намазывая саломъ и икрою, и выжимая руками. Оленюю же замшу выдѣлываютъ въ ольховомъ щелоку и квасу. Они весьма искусны въ *шитъ* и шрочень плашья звѣриными жилами или нитками; при чѣмъ употребляли сперва костяныя шилья, по томъ Японскія, нынѣ же Россійскія иглы. *Кролиная пряжа* употребляется только на неводы и канаты. *Клей рыбій* досаюотъ сѣ кишовыхъ и другихъ рыбьихъ шкуръ. Когда имѣетъ кто оленей, шо смощрѣнне за ними, такъ какъ и кормленіе собакъ, препоручается женамъ же.

При всемъ ихъ подражаніи Россіянамъ, ведутся еще у нихъ многія и ошъ части *странныя* обыкновенія, изъ коихъ нѣкошорыя относятся къ сосшюннѣ суровой ихъ шраны. Они и теперъ еще охощѣе вышираютъ огонь изъ дерева, нежели высѣкаютъ посред-

*Камчадалка въ хорошемъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
Une Kamtschadale en habit de fête.*

Камчадалка въ великолѣпномъ уборѣ ея
 Eine Kamtschadalin im größten Schmuck.
 Une Kamtschadale dans sa plus grande parure.

ствомъ булапа, кремня и прущу. Чшо касается до способа ихъ выширать огонь изъ дерева, шо оный состоитъ въ томъ, что вершишь они палочку промежъ ладоней въ небольшой дырочкѣ какого нибудь дерева до тѣхъ норѣ, пока не загорится, и употребляюшъ при томъ избивую праву въ мѣсто прущу. По елику *собаки* единственная ихъ дворовая скопина; шо они почитаются у нихъ за велико и содержащая въ значномъ количествѣ. Они кормяшъ ихъ рыбьими костями, и ошамками какъ отъ рыбъ, такъ и отъ дичи: Собаки ихъ велики, сильны и весьма на волковъ похожи. Кромѣ гоньбы, употребляюшъ ихъ зимою и въ упряжку. Одна собака везетъ на себѣ около двухъ пудъ груза. Въ сани впрягаюшъ они обыкновенно отъ четырехъ до осьми собакъ попарно; гдѣ нѣтъ шроны, шамъ долженъ извожикъ итти въ передъ на лыжахъ. При подъемѣ на гору надобно ему и безъ того итти пѣнкомъ; а подъ гору бѣгушъ собаки и сами такъ скоро, что едва можно усидѣть. Они переѣзжаюшъ на шаковыхъ своихъ бѣгунахъ безъ остановки часовъ въ пятнадцать больше 100 верстъ. Камчадалы *слятъ* на правяныхъ рогожахъ и шубахъ нагѣ, и прикрываются одеждою. Во всемъ своемъ *поведеніи* крайне они неопрятны, и по елику лѣнивы и безпечны, шо часто шерпяшъ великую нужду. Они не чисяшъ и шой посуды, изъ которой ѣли собаки. По большой часи заводны они изрядно и вшами, которыхъ по Тунгузски глашюають. Почти всѣ запусаюшъ ногти, и нечистою какъ будшо облѣплены. Прежде, нежели начали они покупашъ у Россіянъ кошлы и чугуныя горшки, не умѣли они иначе *варить* себѣ *лицу*, какъ шокмо опуская каленыя камни въ ушатъ наполненной рыбою или мясомъ. *Женщины* *вмѣняюшъ* себѣ, кромѣ бѣлилъ и румянъ, *въ красоту* еще и шо, когда облѣпяшъ лицо верхнею кожицею медвежьихъ кишокъ. Они иногда и занавѣшиваются, или по крайней мѣрѣ ошворачиваюшъ рожу отъ незнакомыхъ мужчинъ. Въ прежнія времена *ѣли* шогда, когда было вдумается, а нынѣ наблюдаюшъ обѣдъ и ужинъ; всякую ѣству ѣдяшъ холодную и шѣмъ предохраняюшъ зубы свои отъ поврежденія. Всякъ *теретъ* часть свою на дощечкѣ передъ себя и управляетъ оную въ ротъ рукою. Они *лржорливы*, да и *лгютъ* много. Всякъ ставитъ возлѣ ночлега своего сосудъ съ водою, которой по утру всегда бываешъ пустъ. Сколь ни бѣдны, однакожъ *гостяшъ ради*: но при томъ поступаютъ странно. Хозяинъ крѣпко нашлапливаетъ зимнюю свою хижину и потчуешъ гостя худою своею ѣствою. Чемъ больше онъ блюешъ, шѣмъ при-

лежи́е онѣ ему покладываетъ. По шомѣ всеиъ, что бы у него ни ни́лось, поступаетъ гостю. Но и то надобно сказать, что безъ нужды никто въ гости къ нимъ не заглядываетъ; при шомѣ же ходящѣ съ гостинцами, и шомѣ, кто сего дня хозяинъ, будетъ скоро и самъ въ гости. У народа не купечествующаго и обмѣномъ товаровъ не промышляющаго обыкновеніе сіе полезно. Понеже *убіеніе медвѣдя* почитается мужественнымъ и славнымъ дѣломъ, то пошчуетъ герой гостей своихъ полосами изъ медвѣжьяго жиру вырѣзанными, онѣ коихъ гости одинъ за другимъ кусаютъ по кусочку, и шакъ далѣе.

Въ обхожденіи стараются мужескій полъ понравиться женскому пламенной любовью, услужливостію и покорностію. Мужчины обходятся между собою холодно, безъ поклоновъ, здоровканья, подаванья рукъ, цѣлованья и безъ всякихъ другихъ вѣжливостей. Въ ссорѣ называютъ другъ друга собакою (Коста), сорвавшимся съ висѣлицы (Колахвичъ), бѣсомъ (Кана), прелюбодѣемъ (Кайкчичъ); а особливо попрекаютъ другъ друга неестественнымъ угожденіемъ похоти.

Забава ихъ состоятъ въ ѣдѣ, пищѣ, пѣніи, играни на дудкахъ изъ травяныхъ сволоковъ, пляскѣ и сказкахъ. *Пѣніе* есть женская забава. Голосъ у нихъ изрядный и поютъ обыкновенныя, а иногда и шакія пѣсни, какія взбредутъ имъ на умъ. *Пляска* весьма сходна съ Ошакскою, и не меньше смѣхотворна. Нѣкоторые переняли оную у Курильцовъ. Въ иныхъ пляскахъ пляшутъ оба пола вмѣстѣ и при шомѣ поютъ. *Разказы* же ихъ суть повѣствованія о бытіяхъ или сказки о божкахъ, богашыряхъ, звѣриныхъ промышленникахъ и предкахъ.

Женишбы производятъ безъ всякихъ торжественныхъ или законныхъ обрядовъ. Женишба называется у нихъ поимкою невѣсты. Всякому невозбранно брашь столькожъ женъ, сколько хочеть; но какъ мужа у бабъ въ порабощеніи, то рѣдко кто посягаетъ больше нежели на одну жену. Любовникъ оказывается въ хижинѣ невѣстниныхъ родителей весьма услужливымъ: но услуги его, когда онѣ не полюбишя, не принимаются. По шомѣ унаравливаетъ онъ случай поимашъ невѣсту, то есть положишь ошейной свой уборъ въ ея шпаны; при чемъ получаетъ онѣ защищающихъ ее бабъ добрые шодчки. Съ сего самаго времени начинаютъ они безъ всякой свадьбы жить вмѣстѣ, и остаются въ хижинѣ невѣстниныхъ родителей. Такое качество молодыхъ женщинъ, по какому Камыч-

ки у Киргизцовъ предпочитаются, сполько же не нравятся Камчадаламъ, какъ, по Уллоеву повѣствованію, Бразильцамъ и другимъ Американцамъ, да и самимъ Оракіянамъ, какъ пишетъ Иродотъ. И по тому дѣвки обходяся съ Рускими людьми безъ всякой укоризны шакъ ласково, что въ прежнія времена бывало у иного Козака и по дѣлой серали. Для вдовы до шѣхъ поръ не ссыскивается новый мужъ, пока она чрезъ соишіе съ мужчиною не очистишся отъ грѣха; и какъ при шомъ Камчадалы бояшя, чтобы чрезъ шо не умерешъ подобно первому мужу, шо Козаки обыкновенно очищающъ шаковыхъ вдовъ отъ мнимаго грѣха. Женашые мужчины и замужнія бабы живутъ правда весьма неиспово; однакожъ при всемъ шомъ перзающя ревнивостію, убивающъ или оправляющъ другъ друга, и шакъ далѣе. Разумнѣйшіе промѣнивающъ своихъ женъ, когда они постороннимъ дружкамъ милѣе, нежели имъ. По елику они въ уполеніи похоти подобны скопу; шо кромѣ родиселей и дѣшей, ни какихъ родствениковъ не щадяшъ.

Многія женщины ненавидяшъ беременность: но инья и дѣшей желаюшъ нешерпѣливо, и въ шакомъ намѣреніи прибѣгающъ къ суевѣрнымъ средствамъ, глошающъ паушину или заспавляющъ волшебницъ дѣлашъ свои хипрости и колдовства; сіе производитъ шоржесшвенно и какъ будшо замѣняешъ свадьбу. Въ прочемъ Камчадалки нарочито плодородны и родяшъ дѣшей до десяти; да пришомъ и роды имъ легкія. Имена дающъ дѣшамъ прихожіе приятели. Употребительныя же названія суть: *Коско*, *Пакагуръ*, *Алгана* и проч. Къ дѣшамъ оказывающъ безумную любовь и во всемъ потачку: шо чему они родиселей своихъ не шолько не почитающъ, но и сурово съ ними поступающъ.

Они по большой части здоровы и бодры: но многіе изувѣчивающъ себя, когда сорвушя съ горы, опрокинушя съ собачьими санями, и отъ многихъ другихъ несчастныхъ приключеній. Болѣзни имъ крайне прошивны, и по шому за больными худо смощряшъ. Обыкновенныя же ихъ болѣзни суть: цынга, отъ которой ѣдятъ свѣжія ягоды и сырыя рыбы, кровавыя вереды, Французская немочь, которая была у нихъ еще до прибытія Рускихъ людей, параличъ, ракъ, желчь, и гноеніе глазъ отъ смощрѣнія на сѣжную бѣлизну. Въ прежнія времена привсаали они дѣшамъ ослу шакимъ образомъ, шо дѣлали имъ на лицѣ царापину обмоченною въ оспенной гной рыбьею костью. Но какъ у нихъ долго не бывало оспы, шо перевелось и сіе обыкновеніе. Въ 1768 году занесена она къ

нимъ паки давно уже выздоровѣвшимъ отъ сей болѣзни Козакомъ: и тогда примерло онъ оной почши двѣ шреши всѣхъ вообще Камчадалъ.

Когда бывало *цуретъ* кто въ хижинѣ, то покидали оную, боясь, что судія преисподней прійдетъ въ оную, и кого ни увидишь, всѣмъ шѣмъ надобно умереть. По причинѣ же шрудности, состроишь новую хижину, безъ шопоровъ и прочаго, выносили они больныхъ на дворъ. Нынѣ обыкновеніе сіе не столь уже общее: однакожь они не охотно живушъ въ шакой хижинѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ прежнія времена сѣдаемы были умершіе внѣ юрты собаками; но шеперь сіе рѣже случается, по шому, что почши всѣхъ покойниковъ загребаюшъ въ землю, а дѣшей кладушъ въ дуплистыя дерева. Могильники пролѣзаюшъ дважды, дабы запрепятшествовать смерти въ ея преслѣдованіи, сквозь выплешенной кругъ, и взявъ двѣ пшицы, какія бы ни были, одну сожигаютъ, а другую ѣдятъ. По шомъ поминая покойника сѣдаюшъ одну рыбу, а перышки сожигаютъ.

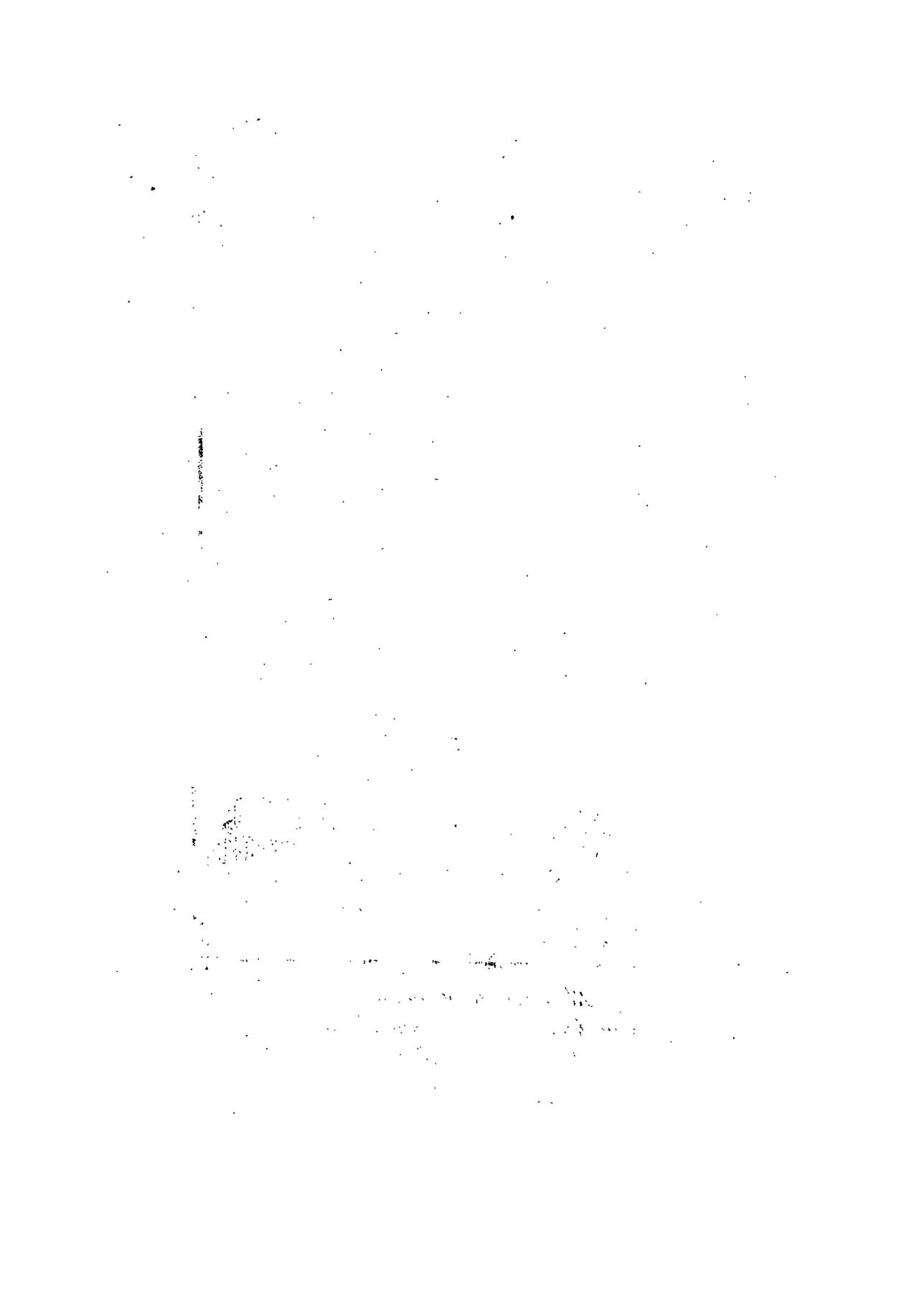
Древній и собственнй ихъ законъ *Шаманскій*, а идолослуженіе ихъ подобно наибольше Якушскому. Высочайшаго Бога называютъ они *Дцтиестиголъ* или *Куткою*, шашану *Качною*, идоловъ, кошорые стояшъ въ хижинахъ супрошивъ ошлушинъ и не иное что сушь, какъ деревянныя куклы, Нузаучами и *Камулами*, а волшебниковъ *Туйлагасами*.

По причинѣ небольшого къ собственнй своей не правой вѣрѣ уваженія, а къ высочайшему Существу почшенія, шакъ какъ и по склонности къ подражанію, мало по малу большая ихъ половина обращена къ Христіанскому закону. Но они столь же легкомысленные Христіане, каковы были и язычники, не любяшъ и не бояшся Бога, шушяшъ провидѣніемъ или вышнимъ промысломъ и въ желаніяхъ своихъ нарочито зашѣны. Царствія же небеснаго, какъ шакого обшшалища, кое не обѣщаетъ удовлетворенія ни одному ихъ желанію, не шваяшъ они и подавну ни во что.

Шаманъ Камчатскоѣ.
 Ein Schaman in Kamtschatka.
 Devin de Kamtschatka.

КОРЯКИ.

Коряки называются и сами симъ именемъ. Таковое ихъ названіе происходитъ конечно отъ слова *Кора*, которое на ихъ языкъ значитъ оленя. Они *живутъ* и кочуютъ около склонившейся наибольше на Сѣверѣ части *Пеншинскаго* морскаго залива, да и въ самой Сѣвернѣйшей Камчаткѣ, до самаго Анадыра, на Западѣ отъ Оломоны рѣки, вышедшей изъ Колымы, до Воспочнаго моря, обще и въ смежности съ Камчадалами Тунгузами, Ламушами и Чукчами, въ крайне суровыхъ, болотныхъ, гориспыхъ, отъ части и безлѣсныхъ пустыняхъ.

Бывшія съ сими дикими людьми до Россійскаго завоеванія *произшествія* оспашающа въ совершенномъ невѣденіи, по елику у нихъ нѣтъ ни грамати, ниже инаго какого ученія. Самое по обстоятельству, что они въ бывшихъ съ Южными ихъ сосѣдями перемѣнахъ не имѣли участія, а еще больше великое ихъ сходство со многими Оспровскими Воспочнаго моря жителями и ближайшими Американцами и по шу сторону пролива морскаго, подаютъ поводъ думать, что они шакъ, какъ и Чукчи и по шиковымъ же причинамъ владѣютъ искони своими берегами. Спашься можеть, что всѣ сіи народы суть больше ни что, какъ Американскіе поселена, либо что они при прорывѣ моря и при произхожденіи оспрововъ отъ оныхъ отдѣлены: но для точнѣйшаго подшверженія сей догадки требуются бытійственныя извѣстія и обспояшельнѣйшія свѣденія о народахъ по шу сторону морскаго пролива, каковыхъ однакожь по сіе время имѣемъ мы еще мало, да и надѣяшся вскорѣ на полученіе оныхъ дальней надежды не имѣемъ.

Корякскій языкъ имѣеть съ языкомъ *Чукчъ* и нѣкоторыхъ оспровскихъ жителей споль много общаго, но при томъ шакъ же опмѣннаго и собственнаго сполько, что съ равною справедливостию можно его почитать и нарѣчать онаго, и со всемъ особымъ языкомъ Слова протяжны, но выговаривающа коротко, и произношеніе оныхъ слуху прошивно. *Время* раздѣляютъ сполько по годовымъ перемѣнамъ, не уважая при томъ лунныхъ шеченій.

Росту они *малаго*; голова и глаза у нихъ небольшія, лицо круглое и сухощавое, носъ короткой, а ротъ большой. Волосы какъ на головѣ, шакъ и на бородѣ черны, и при томъ на сей послѣдней жидки; брови навислыя. *Умъ* у нихъ косишельной и шу-

пой; въ прошчемъ же гордяшся своею землею и устройемъ, смѣлы недовѣрчивы и мстительны. Въ дѣлахъ они рачительны, искренны, дружны и начальникамъ вѣрны.

До покоренія ихъ Россіи не знавали они, что то есть *верховный натальникъ* или Государь; одно только богатство служило основаніемъ преимуществу. Нынѣ же есть у нихъ шакія, какъ и у другихъ Сибирскихъ народовъ *цзрежденія* и *распоряженія*; плащяшъ *подушной окладъ* мягкою рухлядью, и шакъ далѣ. Однакожъ они не сполько, какъ описанные по сіе время народы, подчинены властямъ, и сіе справедливо больше въ разсужденіи кочующихъ Коряковъ: по чему они не лочно переписывающся и въ подушной окладъ вносятся. Сколько же видно по шакowymъ переписямъ, то они числомъ душъ равняются съ Камчадалами.

Они *раздѣляются*, примѣняясь къ тому, какъ живутъ, на *усадебныхъ* и на *когевыхъ*. Тѣ и другіе числомъ между собою почти равны, говоряшъ разными нарѣчіями, и поступаютъ одни съ другими рѣдко по брашки, а иногда и прямо по непришельски.

Усадебные, которые кочевыхъ далеко превосходятъ крепостію нравовъ, владѣютъ склонившимися больше на Югъ мѣстами своея области около Пеншинскаго залива, а отъ часши и въ самой Камчацкѣ. *Хижины* ихъ совершенно подобны Камчадальскимъ, всѣ же прочіе ихъ распорядки по большей часши шакіе же, какъ и у Камчадалъ. *Одѣяніе* ихъ малымъ чемъ отлѣнно отъ настоящаго Камчадальскаго. Но *женщины Корякскія* вышивающъ у себя на лицѣ по примѣру Тунгузокъ линии и фигуры. *Пища* и приготовленіе оной шакое же, какъ и у Камчадалъ, и при томъ ни мало не чище.

Главное ихъ *цзрежденіе* состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ, и какъ шотъ, шакъ и другой промыселъ, а особливо первой, производятъ съ большимъ раченіемъ, нежели Камчадалы, да и ѣшвы варятъ не мужчины, какъ то дѣлаютъ Камчадалы, но бабы. Остальную добрую *мягкую рухлядъ* промѣниваютъ они кочевымъ Корякамъ на олени кожи, изъ коихъ шьютъ одѣяніе. Каждая семья имѣетъ обыкновенно по нѣскольку, однакожъ не больше *оленей*, какъ сколько надобно имъ для путешествій. *Женскій полъ* шьетъ одѣяніе, выдѣлываетъ кожи, варитъ и сушитъ съѣстное, и шакъ далѣ, по Камчадальскому обыкновенію.

Въ обхожденіи они угрюмы, однакожъ дружны, всякаго охотно принимаютъ и угощаютъ наилучшимъ, что въ домѣ случится, но имъ кого, по примѣру Камчадалъ, не принуждаютъ къ неумѣренно-

*Корякъ.
Ein Koraäke.
Koräk.*

Коракъ въ зборнамъ платьѣ.
Ein Koräk im Staats Kleide.
Un Korek en habit de fête.

му себя отягощенію. Въ *хижинахъ* ихъ чрезвычайно жарко, и по тому бабы ходящъ въ нихъ нагишомъ. Зимю ѣздящъ по примѣру Лопарей и другихъ народовъ въ небольшихъ санкахъ, въ кои запрягаютъ оленей. Поводъ прикрѣпленъ къ гребню, который жметъ оленю шею, когда за оной потянушь. Часто впрягаютъ они рядомъ и по два оленя, и могушь шкгда переѣзжашъ въ день верстъ по полшора сна. Лѣшомъ путешествуя пѣше, по тому что нѣшъ у нихъобыкновенія ѣздишь верхомъ на оленяхъ.

Когевые Коряки спранствуютъ въ лежащихъ ближе къ Сѣверу своихъ мѣстахъ около *Анадыра*, смежно съ *Тукталми* и другими народами; но не рѣдко простираютъ кочевья свои и до самой Камчатки. Нравы у нихъ суровые и дикіе; и по тому не удобно ихъ содержать въ послушаніи. И самое подозрѣніе ихъ бываешъ опасно.

Юрты ихъ составлены изъ гнущихъ жердей или колышковъ, подобно Барабинскимъ, шолько поменьше, и покрываются оленьими кожами. По срединѣ утверждены чешыре небольшие шолба, къ коимъ привязываютъ собакъ, а сіи нерѣдко опораживаютъ и висящій по срединѣ надъ огневищемъ кошель. *Одѣяніе* носятъ такое же, какъ и усадбные Коряки или Камчадалы; разноситъ же состоятъ шолько въ томъ, что сіи бреютъ голову и выщеребливаютъ бороду почти до гола.

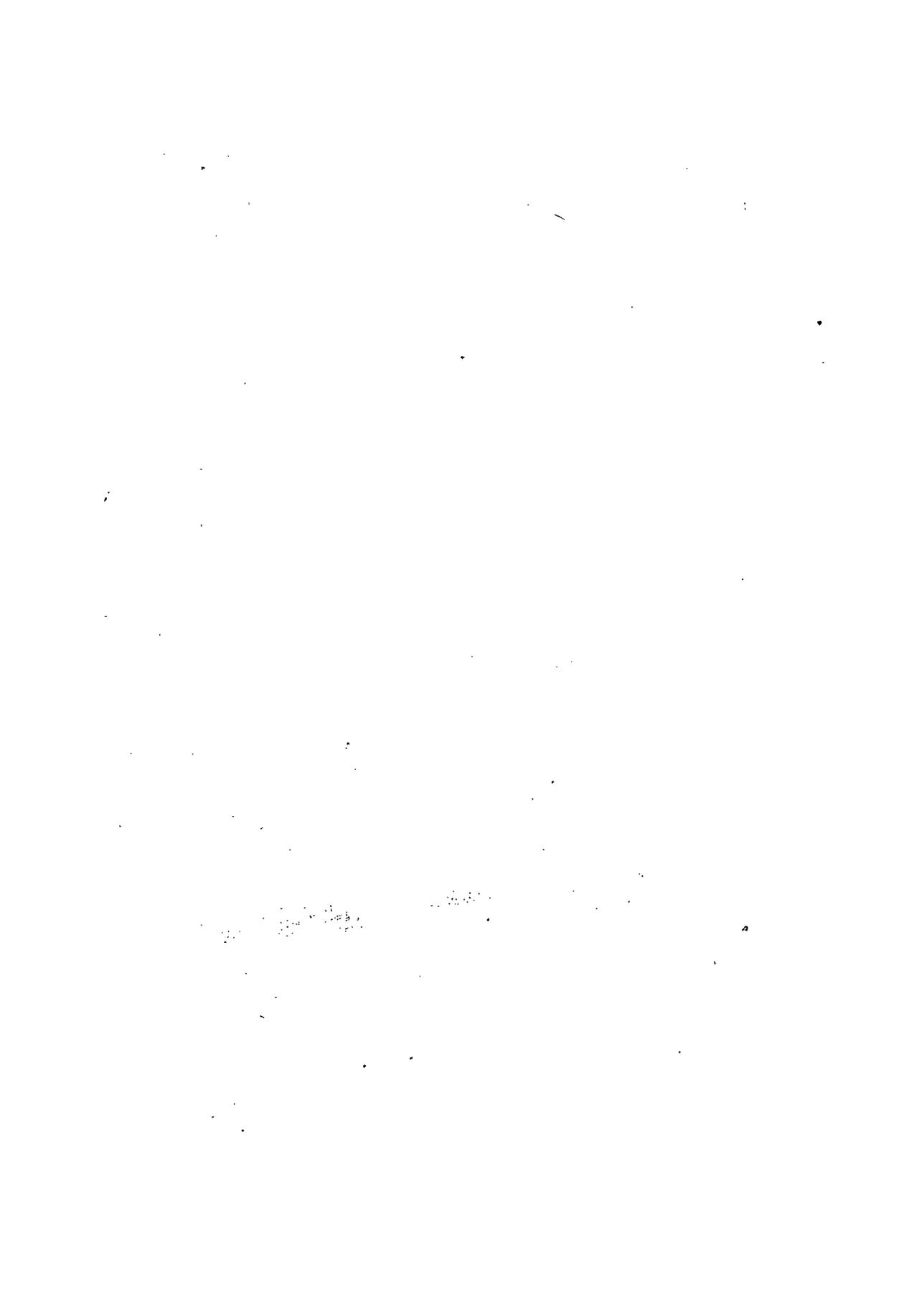
Главное ихъ упражненіе есть *содержаніе оленей*, да сверхъ того звѣриный промыселъ. Въ производеніи рыбной ловли не очень они проворны. У нихъ по большой части бываешъ оленей по 50 и по 100 а у иныхъ по одной и по нѣскольку тысячъ, съ коими кочуютъ они, не разбирая приволья въ разсужденіи лѣсу или воды, въ болотныхъ или мшистыхъ мѣстахъ и горахъ безпрестанно. Оленицъ они не доятъ, и по тому ни шворогъ, ни сыръ имъ незнакомъ. И самый богатый человекъ рѣдко когда убиваетъ здороваго оленя, но довольствуется больше падальщиною или изувѣченными оленями, по чему спада у нихъ спановятся весьма велики: но и на содержаніе хозяевъ надобно не малое число оленей. Бѣдные служатъ у богатыхъ, и пускаютъ въ ихъ спада для наствы небольшое число своего собственнаго скота. Всякій звѣрь, какого кто ни промыслишь, почишается безъ изъятія изрядно *ѣствою*. Сверхъ того собираютъ бабы дикое коренье и плоды; и все сіе сѣдаютъ они иногда же, когда промыслятъ, же сохраняя въ прокъ.

Кочевые Коряки гораздо суровѣе, жесточе, воинственнѣе и опаснѣе нежели усадбные. Часпо ходятъ они на разбой и для другихъ шалостей къ смирнѣйшей своей брашнѣ или и къ сосѣдямъ. Передъ шаковыми предпріяшяи придаюшъ они себѣ обыкновенно смѣлость и безчувственность мухоморами. *Оружіе*, какое употребляюшъ на звѣриномъ промыслѣ и на войнѣ, состоитъ въ лукѣ, стрѣлахъ, копьяхъ, дубинахъ, а воинственное ихъ искусство въ нападеніяхъ. Воровашъ, грабишь и убивашъ почитается у нихъ тогда только порокомъ, когда производися въ томъ же самомъ родѣ или семействѣ, гдѣ такой злодѣй живешъ, а не въ другомъ какомъ поколенѣ или не у чужаго какого человѣка. Самымъ большимъ удовольствіемъ считающъ они переходить отъ одного мѣста къ другому, и осмашривашъ оленные свои спада, кошорыя, когда размножашся, раздѣляюшъ. Они часпо, да и по большой части, споль велики, что и считаешъ не можно: однакожъ хозяйнѣ шобъ часъ примѣшнѣ, когда какого оленя недостаетъ.

Коряки вообще имѣюшъ по *нѣсколку*, а иные отъ трехъ до четырехъ *женъ*, которыхъ не покупаюшъ, но шакъ же, какъ и Камчадалы, выслуживаюшъ либо похищаюшъ. Богашые, не уважая кровнаго родства, остаюшся при богашыхъ, а бѣдные при бѣдныхъ. Усадбные держашъ своихъ женъ въ хижинѣ, а кочевые раздѣляютъ ихъ по разнымъ спадамъ для смотрѣнія за оными. *Кочевые* крайне мучашъ женъ своихъ *ревнивостию*. Иная жена и умираешъ отъ свирѣпости напрасно ревнующаго мужа; по же самое производитъ и съ побочными дружками. И по шому спараюшся бабы казашся прямо мерзкими, не чешутъ головы и не умываюшся, ходяшъ кругомъ выпачкавшись и оборвавшись, и проч: ибо мужья ночисаюшъ на вѣрно, что они наряжаюшся только для полюбовниковъ. *Усадбные ошибаюшся*, напротивъ того, *грезъ челоуѣрию великую лоноровку*. Они считающъ себѣ шобъ за удовольствіе, когда жены ихъ нравяшся другимъ, и когда посторонніе люди къ нимъ ласкаюшся: по чему и должны они наряжашся какъ можно по лучше. Они отдаюшъ чужимъ людямъ женъ своихъ и дочерей въ наложницы, и почитаюшъ приняше оныхъ знакомъ сущаго дружества; опричаніе же отъ таковаго доброхотнаго даянія вмѣняюшъ себѣ въ огорченіе. Сіе обыкновеніе, свойственное имъ обще съ нѣнѣкошорыми Южными Американцами, и о которомъ упоминаешъ такъ же какъ *Варухъ*, такъ и Иродошъ въ разсужденіи древнихъ

*Koräka.
Eine Koräkin.
Une Koräkienne.*

Вавилонянь , неприятно у Коряковъ для гостя по тому , что долженъ онъ полоскать ротъ мочою , которую наложница въ виду его выпускаетъ въ чашку и подноситъ ему для шаковаго полосканья.

Дѣтямъ даюшъ *и мена* старухи. Они не пеленаются и въ колыбеляхъ не бываюшъ; сосушъ же грудь обыкновенно до шренняго году. Кочевые Коряки даяшъ дѣшей скотомъ: по чему они съ малыхъ лѣтъ учатся порядочно со скотомъ водиться. Роженица первые десять дней послѣ родовъ ни кому не кажешся.

За *большими* смотряшъ они прилѣжно , и стараюшся пособить имъ своимъ волшебствомъ.

Кочевые Коряки *сожигаютъ* всѣхъ , усадебные же большую половину *покойниковъ*. Они дѣлаюшъ костры , къ коимъ отвозяшъ умершихъ на саняхъ , запряженныхъ оленями , и сожигаютъ ихъ ша въ наилучшемъ одѣянїи совокупно съ оружіемъ и домашнимъ скарбомъ. Запряженныхъ въ шаке подъ покойника сани оленей убиваютъ , ѣдятъ ихъ мясо , а ошашки бросаюшъ въ огонь. На поминкахъ убиваютъ шаже оленей.

Коряки содержатъ *языгеской законъ по Шаманскому* полкованию , и въ обрядахъ своихъ сходствуюшъ наибольше съ Камчадалами.

ЧУКЧИ.

Чукчи, копорые столь же обыкновенно, да при томъ и сами, называюща *Чукотскими людьми*, въ видѣ, жипи, нравахъ и языкѣ шакъ подобны *Корякамъ*, что должно ихъ почишашъ единоплеменнымъ съ ними колѣномъ. Они *гладѣютъ* Сѣверовосточнымъ угломъ Сибири къ Ледовитому и Восточному морю, начиная отъ Колымы и Анадыра; и сія занимаемая ими страна называется *Чуцкимъ* или *Шелацкимъ носомъ*. *Земля ихъ* по положенію своему и качеству холодна, болотна, камениста, безлѣсна, неплодородна и крайне сурова и дика. Лѣто шамъ короткое, но дни долгіе; зима продолжительная и ночи долгія; и она для Европейцовъ съ машерой землѣ непроеходима и къ жипью не способна.

Они на равнѣ съ страной своею крайне *дики, суровы, необузданны* и *жестокае всѣхъ Сибирскихъ народовъ*; у нихъ нѣтъ ни грамоты, ни ученія, и по тому они еще и по сіе время совершенно не покорены, и подушной окладъ плашашъ только отъ часши. По сей же самой причинѣ осашающа въ великомъ сомнѣніи какъ бывшія съ ними произшествія, шакъ прямая ихъ сила и внутреннее усшроеіе. Они нѣсколько кращъ побѣждаемы были Россійскимъ оружіемъ, но пакѣ сошрясали съ себя власшь и ошнюдь не хоташъ шерпѣть принужденія. По вѣроятности считающъ ихъ до 3500 рашныхъ людей. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и описаніе оныхъ, по елику оно долженствувешъ содержать въ себѣ шокмо то, что заподлинно уже извѣшно, не можешъ бышь полное и совершенное.

Они *раздѣляются* на два главныя колѣна, а именно на *Чуцкое* и *Шелагенское*, къ коимъ принадлежашъ шакже многіе острошкѣ кишели Сѣверныхъ и Восточныхъ ихъ береговъ, кои дѣйшвшельно *Чукчи* же, но не причислены къ вышешоказаннымъ.

Росту они *малаго* и шонки; лицо у нихъ нѣсколько плоское, и чрезвычайно походишь на Корякское. Но они гораздо дичае, суровѣе, гордѣе, необузданнѣе, смѣлѣе, воровашѣе, лукавѣе и мшшительнѣе кочевыхъ Коряковъ: словомъ сказашъ, они съ природы шолико же алме и опасные люди, колико Тунгузы добры. Двадцашъ Чукчей прогоняшъ вѣрно пашдесяшъ человекъ Коряковъ, и они бы ихъ всѣхъ перевели, ещѣ бы Россійскіе остроги ихъ не обуздывали. Самые ближніе къ нимъ остроги всегда въ опасности, и по причинѣ дороговизны сѣшсныхъ припасовъ шояшъ прави-

Чукотская баба въ обыкновенномъ одеждѣ.
Eine Tschuktschin angekleidet.
Femme Tchouktchiene en son habit ordinaire.

пельству шакъ дорого, что недавно разсудило оно за благо оставишь въ запусшѣи Анадырской оспрогъ, наидревнѣйшее Россійское въ шамошнемъ мѣстѣ поселеніе, изъ коего и Камчашка завоевана.

Въ поколѣннѣхъ наблюдають они между собою союзъ по *родамъ*: но выборныхъ начальниковъ не имѣють, а послѣдують со всякою необузданношю знашѣишимъ богачамъ и удалцамъ, пока намѣренія и дѣла оныхъ сходшвуютъ съ собшвенными ихъ зашѣями.

Большая половина сего народа живетъ во *всегдашнихъ* зимнихъ хижинахъ или землянкахъ, подобно Камчадаламъ. Въ лѣшнее, а иногда и въ зимнее время, ошкочевывають они отъ оныхъ для пашвы оленей, шакже для звѣринаго промыслу, рыбной ловли и разбоевъ: при чемъ дѣлають себѣ повсюду маленькія хижины, подобныя Камчадалскимъ лѣшнимъ юршамъ. Иные не имѣють ни какихъ другихъ, кромѣ шакovýchъ легкихъ хижинъ, а иные живуть шакъ же въ горныхъ пещерахъ, кошорыя занавѣшивають съ приходу звѣринными кожами.

Одѣяніе ихъ и пища, шакъ какъ и приутошвленіе оной совокупно съ домашнимъ скарбомъ, подобны настоящему Камчадалскому и Корякскому; шокмо еще дичае и суровѣе. Они вышивають у себя шакже, по примѣру Тунгузъ, на лицѣ и на рукахъ линіи и фигуры.

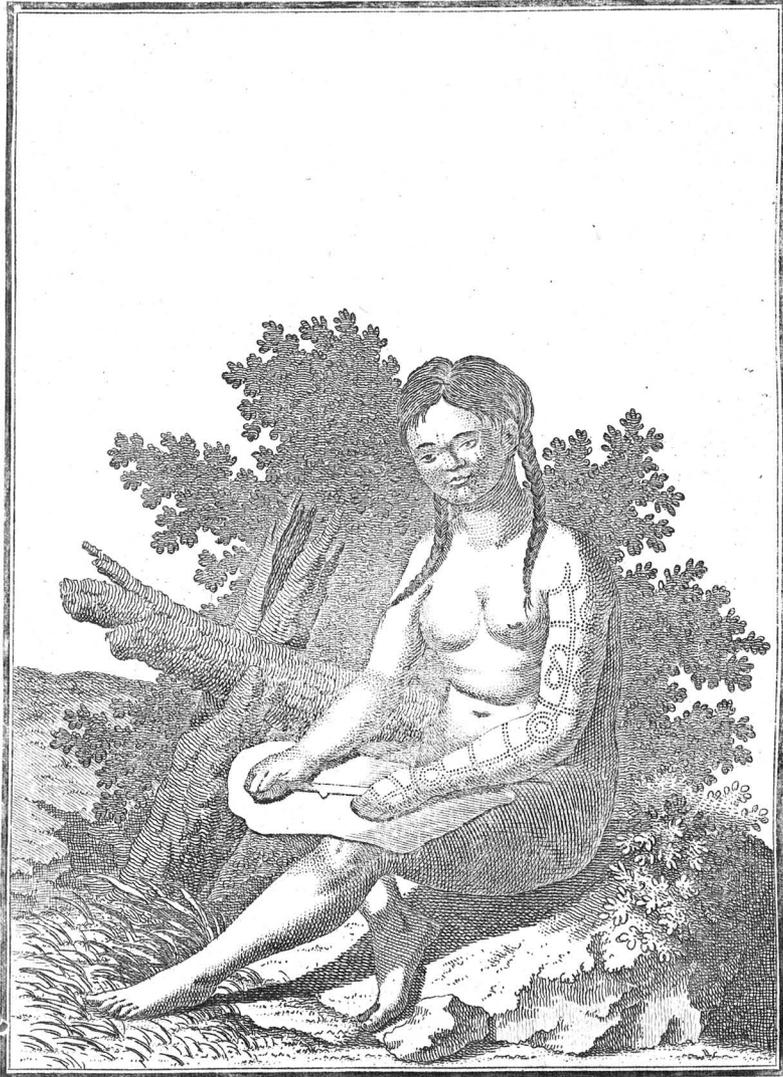
Посуды они не имѣють ни желѣзной, ниже другой какой крупцовой, но довольшвующся, какъ старинные люди, каменными ножами, кошяными шильями, деревянными и кожаными сосудами, и шакъ далѣе. *Оружіе* ихъ состоишь въ лукахъ; спрѣлахъ, копьяхъ съ кошяными наконешниками, и пращахъ. *Байдары* ихъ, въ коихъ ѣдять они по морю и къ ошровамъ, ссоставлены изъ кишovýchъ ребръ и обшянушы шюленьими кожами шакъ, что могутъ они въ оныхъ зашягивашься по примѣру Гренландцовъ, Екимоксовъ, и нѣкошорыхъ другихъ Американцовъ. Байдары сіи бывають длиною до двухъ саженъ, узки и плоскодонны.

Мяса и рыбы *ѣдятъ* не сырыя, но обыкновенно копченныя. Дикіе плоды и корни ѣдять всегда сырыя. Олениць не дояшь, и по шому у нихъ, какъ и у Коряковъ, нѣшь ни шворогу, ни сыру. Наибольше же пишаются они всякою дичью и пшицами; околѣлыми оленями, (ибо здоровыхъ, сколько бы оныхъ у нихъ ни было, убивашь не любяшь) морскими звѣрями, выброшенными на берегъ кишами и раковинами. Вседневное ихъ *литье вода*. Когда вздумаютъ

подлить, что варяшъ въ оной *мучоморы*; и по елику они роспушъ у нихъ ешоль же мало, какъ и у Коряковъ, шо вымѣниваюшъ ихъ у Камчадалъ на олениа кожи.

Главный ихъ промыселъ состоитъ въ содержаніи оленей, да при томъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Олени* составляютъ ихъ богатство; у иного есть ихъ до 10000, а у нѣкоторыхъ и больше; по чему они по большой части усадебныхъ Коряковъ и Камчадалъ одѣваюшъ ихъ кожами, а на промѣнѣ получаютъ наилучшую мягкую рухлядь, или что имъ полюбишя. Однакожъ у многихъ и вовсе нѣтъ оленей. Такіе живутъ совокупно и питаются ошъ звѣринаго промысла, рыбной ловли, шакже кишами, моржами и другими морскими звѣрями. Козаки называютъ шаковыхъ бѣдныхъ *Сукотскими лѣшми*. Женщины ихъ упражняются въ шомъ же, въ чемъ и Корячки.

Во нравахъ и обыкновенияхъ сходствуютъ ошъ часши съ остроумскимъ жителями, кои будущъ описаны послѣ. *Зимнія хижины* дѣлаютъ они просторныя, и по большой части живутъ вмѣстѣ нѣсколькo семей, коихъ мѣста отдѣлены жердями. Съ общаго огняща поднимается дымъ въ верхъ сквозъ пошолокъ: но хижины ихъ крайне дышны и шакъ жарки, что бабы и въ самыхъ холодныхъ ихъ мѣстахъ сидятъ совсемъ нагя. Каждое отдѣленіе хижины имѣетъ свой собственной рыбьимъ жиромъ налишой свѣшильникъ съ сдѣланною изъ моху свѣшильнею. *Позлеги* ихъ возвышены, на подобіе скамьи или палашей, и услапы кожами. Во время перекочовки ѣдутъ какъ и Коряки на саняхъ, запряженныхъ оленями. Къ служѣ привычны они шакъ, что ежели не въ зимнихъ хижинахъ находяшя, шо довольствуются по большой части теплою свѣшильниковъ, рыбьимъ жиромъ наливаемыхъ. У нихъ шакъ же, какъ и у Коряковъ, не шибетъ ни кто *красъ* или убивать въ своемъ родѣ; виѣ же онаго производить шо и другое не шокмо не возбранно, но еще и честно. За шакую дѣвку, кошорая не оказала еще проворства своего въ воровствѣ, ни кто и не свашается; ограбленіе сосѣдей служитъ производителю онаго въ превеликую славу. При *заклинаніяхъ* и клятвенныхъ обязашельствахъ берутъ они Солнце въ поруки. Побѣдителямъ даютъ въ залогъ своей покорности своихъ священнослужителей. При всей своей дикости великіе они хлѣбосолы. Госшей своихъ хошя и не обременяютъ ѣствами, однакожъ убиваютъ оленя, чего для себя собственно никогда не дѣлаютъ; или извѣщаютъ по крайней мѣрѣ, что на шощъ случай,

Чукотская баба кожи выдѣлывающая.
Eine Tschucktschin das Leder zubereitend.
Femme Tschouktschienne faconnant des peaux.

[Faint, illegible text covering the majority of the page, possibly bleed-through from the reverse side.]

Handwritten text at the bottom of the page, possibly a signature or a note.

какъ гости пожаловали, олень ни одинъ не палъ, или не разшерзанъ медвѣдемъ и проч. При томъ такъ же, какъ и Коряки, даютъ гостямъ наилучшихъ своихъ красавицъ въ наложницы, кошорыя водносятся имъ, какъ и Корячки, для пища свою мочу.

Въ разсужденіи *святоства, воспитанія дѣтей, увеселеній и логоронъ* происходитъ у нихъ то же самое, что и у Коряковъ. Они содержатъ такъ же *Шаманской законъ* безъ порядочныхъ понятій о богахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, будущемъ и проч. къ жизни не прилѣпляются, не перенося житейскихъ горестей крайне склонны къ самоубійству; а сіе самое и преодоленію оныхъ не малымъ служишь препятствіемъ.

КУРИЛЬЦЫ.

Острова, лежащіе отъ Южнаго мыса полуострова *Камчатки* до самой *Алони*, простирающася рядомъ съ Сѣверосѣверо-востока на Югоюгозападъ и, какъ кажется, воспріяли начало свое отъ Камчатскаго хребта горъ, коего долины покрыты моремъ, и по тому между собою раздѣлены. Всѣ они вообще гористы, и на нѣкоторыхъ есть шакъ же, какъ и въ Камчаткѣ, огнедышущія горы и горячіе ключи; на иныхъ есть и лѣса, а иные совсемъ безлѣсны; воздухъ же на всѣхъ умѣренной. Острова сіи называются вообще *Курильскими*: но ни количество оныхъ, ни названія ниже обширность и качества, точию еще не извѣстны. Двадцать съ небольшимъ острововъ имѣютъ названія какъ на примѣръ: *Сумцу*, лежащій отъ Камчатки только въ 15 верстахъ, длиною въ 50, шириною въ 30 верствъ; *Поромуцу*, ближайшій къ Сумцу, обширностию вдвое; *Уйоко* еще пространнѣйшій; *Матлай*, лежащій отъ Японіи только въ 30 верстахъ, и еще больше приближенный по Таскому проходу къ Западной Кипайской матерой землѣ, при томъ по Японіи наивеличайшій; и многіе другіе. Большіе острова всѣ населены; нѣкоторые же изъ малыхъ совсемъ пусты. По положенію своему и качеству весьма они между собою различны. Въ лѣсахъ ближайшихъ къ Сѣверу острововъ растутъ лиственница и дубъ, въ склонившихся на Югъ натуральныя шресты, виноградныя лозы и шакъ далѣе. На нѣкоторыхъ водятся медвѣди, лисицы, песцы, дикіе бараны и другіе звѣри. На берегахъ всѣхъ сихъ острововъ вообще появляются морскіе бобры, моржи, тюлени, киты и другіе морскіе звѣри.

Жители сихъ острововъ не на всѣхъ называютъ себя одинакимъ именемъ, и при томъ нарочито между собою разнятся нѣкоторыя какъ въ видѣ, такъ и языкѣ. Больше называются они *Кушанми*, отъ чего можетъ быть произошло и названіе *Курильцы*; ближайшіе же къ Югу островскіе жители называются обыкновенно *Киккурильцами*. Нѣкоторые островяне походятъ языкомъ, видомъ и нравами на Японцовъ, иные же на Камчадалъ; но есть и шакіе острова, коихъ жители произошли отъ обоихъ сихъ коренныхъ народовъ. Сѣвернѣйшіе острова повинуются Россійской, а Южнѣйшіе Японской власти; многіе независимы, да и подвасные отъ часши шокмо наблюдаютъ долгъ подданныхъ. Они не всегда даютъ аманашовъ или заложниковъ; равно и подашь плашашъ не

всякой годъ, да и не за одинакое число душъ: по чему и не можно знать сущаго ихъ количества. Въ 1766 году записано въ подушной окладъ изъ всѣхъ Россіи подашь плавающихъ островерскихъ жителей шолько 262 души.

Наспоящие *Курильцы*, которые сходны нѣсколько съ Японцами, *росту малаго*, лицомъ круглы и нѣсколько плоски, однакожъ не дурны; волосы у нихъ черные, бороды большія, и шѣло нарочито обросло волосами. Въ поведеніи своемъ человекѣлюбивы, честны, поспоянны, вѣжливы и привѣшливы, но въ нещасіяхъ малодушны и къ самоубійству склонны. *Языкѣ* ихъ, которымъ говоряшъ просяжно, слуху приапенъ.

Мужины удражляются въ ловлѣ морскихъ звѣрей, пшицъ, кировъ и проч. также въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Лодки* спрояшъ изъ дерева своихъ лѣсовъ, или и изъ выбрасываемаго моремъ на берегъ, и гребущъ однимъ весломъ, которое съ обѣихъ споронъ имѣетъ по одной лапѣ. *Женщины стараются* о пригошвленіи пици, одѣянія и проч. а на Сѣверныхъ островахъ прядущъ шакъ же кропиву и шкушъ. Южные островерскіе жители, которые превосходяшъ Сѣверныхъ разумомъ и лучшими нравами, производяшъ въ Японію небольшіе шорги кировымъ жиромъ, мягкою рухлядю, орлиными перьями для оперенія стрѣлъ, и другими шоварами; получающъ же въ оборотъ Японскую крушцовую и лакированную посуду, кошды, сабли, разныя маперіи, наряды, щепешные шовары и шабакъ.

Живутъ они въ землянкахъ, обшитыхъ въ нупри песомъ и подобныхъ Камчадалскимъ: но оныя поопряшнѣе и украшены отъ части Японскимъ домашнимъ скарбомъ. *Ваятъ* же морскихъ звѣрей, всякую дичь, пшицъ, рыбъ, дикія коренья и плоды, отъ части и морской капусташникъ; а на южнѣйшихъ островахъ и Японскія сахарныя закуски, и проч.

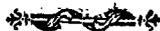
Одѣяніе сѣверныхъ островерскихъ жителей нарочито походишъ съ виду на Тунгузское, и дѣлаешся изъ лебязьихъ, гагарьихъ и другихъ водяныхъ пшицъ шкуръ, также изъ шюленьихъ и иныхъ морскихъ и дикихъ звѣрей кожъ. Волосы подрѣзываютъ до самаго зашылка. Шляпы ихъ сплешены изъ камышу. Южнѣйшіе острова не почиашущъ большія бороды, волосъ на головѣ не подрѣзываютъ, а губы черняшъ до половины. *Одѣяніе* ихъ по Китайскому вкусу долгое, и дѣлаешся изъ подбрюшинъ водяныхъ пшицъ, также изъ мягкой рухляди, кшайки или и изъ шелковыхъ маперій; подпоясываются же Японскими саблями. *Женское одѣяніе* подобно

нужному. Женщины подрѣзываютъ волосы только на лбу, дабы свободнѣе было смотрѣть, и чернятъ губы всплошь. Оба пола вышиваютъ по Тунгусскому обыкновенію на лицѣ и на рукахъ у себя фигуры. Они сполько любятъ чужіе образцы въ разсужденіи нарядовъ, что иногда и странно одѣваются. Употребляемые ими Японскіе наряды состоятъ имѣ наилучшихъ морскихъ бобровъ и лицивъ. По елику они любятъ пестроту и при томъ не бережны, по чему плашь скоро марается; но ни когда не видно, чтобы они къ спашу или по крайней мѣрѣ чисто были одѣты.

Успарѣлымъ людемъ оказываютъ преимущественное почтеніе, всякаго человѣка почитаютъ, и обходясь особливо со своими приятно. Гостей другихъ острововъ принимаютъ, наряжась и вооружившись, дружески, здоровкаются преклоненіемъ колѣнъ и обниманьемъ, и при томъ дѣлаются; у иныхъ же и слезы съ глазъ капаются. Старшій изъ гостей повѣствуетъ въ рѣчи бывшія какъ съ самимъ имѣ, такъ и съ родственниками его происшествія; что все слушаютъ стоя. Хозяинъ рассказываетъ и съ своей стороны то же, и по томъ увѣряютъ себя взаимно о дружественномъ соучастствованіи. Въ угощеніяхъ, одѣяніяхъ, и жилищахъ ихъ мало видно чистоты. Для забавы они поютъ, пляшутъ и говорятъ баяны. Когда говорятъ, то наблюдаютъ при томъ кротость, вѣжливость, скромность и правду. По елику они сами не лгутъ и не обманываютъ, то не ходятъ шерпѣть, чтобы и ихъ проводили.

Женитбы ихъ нарочито походятъ на Камчадалскія. Съ невѣстами сживаются они тайно, и по томъ ихъ увозятъ. Рогатой мужъ вызываетъ своего помощника на поединокъ, который долженъ съ нимъ или перевѣдаться или побиться; въ последнемъ случаѣ даютъ они попеременно другъ другу по три удара. Родимашимъ *женамъ*, какъ слышно, тяжелы. *Дѣтямъ* даютъ имена повивальныя бабки безъ всякихъ обрядовъ. *Покойниковъ* своихъ хоронятъ; сѣверные же островскіе жители зарываютъ ихъ зякою шолько въ снѣгъ.

Законы содержатъ *языгской* по *Шаманскому толкованію*. *Идолы* своихъ (Югутъ) дѣлаютъ изъ составленныхъ красиво шейокъ, и спавятъ ихъ въ хижинахъ.

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВСКІЕ ЖИТЕЛИ.

Морской проливъ между матерюю землею Азіи на Сибирскомъ берегу, и Америкою, такъ какъ и находящееся отъ Камчатки въ Юго-восточной споронѣ море, превполнены островами разной величины. Ближайшіе изъ сихъ острововъ со времени вступленія Россіею въ свое владѣніе отдаленнѣйшей Восточной Сибири не неизвѣстны; но обрѣшеніе большаго ихъ количества началось во время Государя Императора *Петра Великаго*. Первое на то поступленіе возпослѣдовало чрезъ славную *Камчатскую морскую* экспедицію; по томъ развѣжали по сему морю отважные купцы, козаки и промышленники, и умножали открытія съ году на годъ: однакожь не прежде, какъ съ 1760 году начали подробнѣе и поимянно освѣдомляться о сихъ островахъ. Въ послѣдніе 20 лѣтъ на основаніи благошвореній, какія въ нынѣшнее славное царствованіе **ЕКАТЕРИНЫ II** оказаны въ шаковомъ намѣреніи шорговымъ людямъ и мореходцамъ, сдѣлано гораздо больше новыхъ открытій, нежели во всѣхъ прежнія времена а особливо съ 1780 года по мореходной экспедиціи Капшиана Биллинга.

При всемъ томъ можно думать съ вѣроятностію, что въ водахъ сихъ есть не меньше и неизвѣстныхъ еще по нынѣ острововъ; о найденныхъ же, по елику они, выключая нѣкоторыя токмо осмолренныя во время помянутой морской экспедиціи, не виданы никогда испытателями природы, извѣстія наши весьма недоспашочны. Нечислоша моря, суровое состояніе острововъ, трудность въ доставаніи нужныхъ съѣстныхъ припасовъ, звѣроловный и шорговыи промыслы нашихъ мореходцовъ и многія другія обстоятельство долго еще и въ будущія времена будутъ противупологать затрудненія Астрономическимъ опредѣленіямъ ихъ положенія, также натуральной исторіи и точнѣйшему познанію тамошнихъ жителей. Однакожь я во удовольствіе читателей сообщу здѣсь въ шакомъ же порядкѣ, какой наблюдалъ я по сіе время при описаніи другихъ народовъ, наивѣрнѣйшія и главнѣйшія обстоятельство, почерпнутыя мною изъ полученныхъ по сіе время отъ части другими людьми, а отъ части и самимъ мною занятыхъ отъ мореходцовъ извѣстнѣй: при чемъ однакожь и отъ краткости не отступлю.

Часть III.

К

Изъ сихъ острововъ ближайшіе къ Сѣверу, которые г. *дѣйствительный Статскій Советникъ Штеллиъ*, въ краткомъ извѣстіи объ оныхъ, называетъ вообще *Сѣвернымъ Архипелагомъ*, по причинѣ суровости своей и положенія меньше всѣхъ извѣсны въ разсужденіи обширности ихъ и состоянія. Нѣкоторые изъ нихъ шакъ близки къ Сѣверовосточному углу Сибири, что *Сукси* могущъ туда ѣздить на малыхъ своихъ ладьяхъ. Южнѣйшіе къ Камчаткѣ, на широтѣ отъ 56 до 61 степени, посѣщаемы бывающъ отъ части нашими промышленниками: по чему и имѣемъ мы извѣстія о ихъ состояніи и жителяхъ.

Нѣкоторое количество сихъ острововъ простирается съ Западою запада на Воспokoсѣверовоспокъ рядомъ отъ Камчатки къ матерой землѣ *Америки*. Острова сіи называются вообще *Лисьи*, по тому, что много на нихъ водится черныхъ и красныхъ лисицъ. Ошмѣнно же достойны примѣчанія острова: *Беринговъ* или шакъ называемый *Коммандерскій*, лежащій въ 250 верстахъ отъ устья рѣки Камчатки на Воспокъ длиною верстъ на 80; *Мѣдный островъ*, къ берегамъ котораго прибываетъ изъ моря мѣдная частица; *Умнакъ*, обширностию верстъ на 250; *Уналашка*, еще пространнѣе, со многими другими не много меньшими, и великимъ числомъ малыхъ. Изъ значнѣйшихъ острововъ *Кадыкъ* близокъ къ матерой землѣ *Америки*.

Другой рядъ острововъ простирается съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ, и какъ будто перестѣкаетъ крестообразно Лисіе острова. Сихъ острововъ не много, и при томъ они не велики, но изрядно населены и подобны Лисьимъ. Они называются *Алеутскими островами*: но за просто разумѣются подъ симъ названіемъ иногда и всѣ тѣ острова, къ коимъ суда наши пристающъ. Значнѣйшіе называются: *Аттакъ*, *Селиси* и *Шелія*.

Нѣкоторое число ближнихъ острововъ, простирающихся отъ Алеутскихъ въ Сѣверовосточную сторону, называются *Адреновскими*. Нѣкоторые изъ нихъ и значны, какъ н. п. *Алкъ*, *Тагалокъ* и другіе: но по положенію своему много имѣютъ общаго съ Сѣверными островами. О многихъ же далѣе къ Сѣверу и къ Югу разсѣянно лежащихъ островахъ, на коихъ по большой части никшо еще не бывалъ, и которые частію и обширны, умалчиваю.

Всѣ въ разсужденіи *вѣшняго состоянія* между собою подобны. Они каменисты, гористы, болотны, и крайне суровы; есть на нихъ шакъ же и огнедышущія горы. Въ отношеніи же къ *произведеніямъ*

ихъ весьма они между собою разнятся по опитѣнности ихъ положенія. На Сѣвернѣйшихъ есть лѣса и въ нихъ водятся звѣри; Южнѣйшіе же безлѣсны и имѣютъ степныхъ звѣрей, какъ шо лисицъ и другихъ. Около береговъ всѣхъ сихъ острововъ показывающся, однакожь не у всѣхъ въ равномъ множествѣ, морскіе бобры, сивучи, морскіе кошы, тюлени и другіе морскіе звѣри. На берегъ выбрасываетъ море Американской лѣсь, морской капустникъ, раковины, и сему подобное.

Нѣкоторыя острова, изъ коихъ иные и немалы, совсемъ не населены, или имѣютъ временныхъ только жителей; иные также худо, а другіе нарочито изрядно заселены. Но ни на какомъ еще нѣтъ по нынѣ Россійскаго селенія. Есть острова обширностію въ 50 и больше верстъ: но на нихъ живутъ только семьи двѣ, четыре, либо и шесть; и сіе самое обстоятельство весьма полезно для промысла морскихъ звѣрей, по тому, что ни кто ихъ не пугаетъ и они спокойно выходятъ на берегъ. На другихъ равной величины островахъ живетъ семей по сту и больше. Поголовное численіе народа у сихъ людей не въ обыкновеніи; они сами себя не счищаютъ, да и Козакамъ дѣлать того не дозволяютъ, которые не только управившся съ ними не въ состояніи, но ищутъ еще и саміи дружества таковыхъ островскихъ жителей для собственной своей безопасности, для удобности въ звѣриномъ промыслѣ, и для большей выгоды въ производимыхъ ими вымѣнахъ товаровъ. Нарочитъ великое число Козаковъ погибло уже въ разныя времена отъ свирѣпости или отъ одного только подозрѣнія сихъ островскихъ жителей. Въ 1766 году записано ихъ въ подушной окладъ только 367 человекъ; хотя въ прочемъ легко можно изчислить, что и на нѣсколькихъ шокмо ближнихъ островахъ было тогда больше 1000 взрослыхъ мужчинъ.

Острова, посѣщаемыя нашими кораблями, кои ежегодно по два, а иногда и по три, но въ случаѣ великихъ затрудненій противоборствующихъ шаковому снаряду, и ни одинъ изъ Охотка не отправляется, даютъ больше добровольно нѣкоторую *лодоть*, а именно по черной лисицѣ, или по морскому бобру, либо на столько же по цѣнѣ другой мягкой рухляди, съ души, и берутъ при ошдачѣ свидѣтельства въ полученіи. Но на иные острова можно ѣздить года черезъ три, черезъ четыре, либо и черезъ пять лѣтъ; и тогда даютъ они правда наддачу, однакожь не большую. Подать ихъ походитъ больше на даръ, приносимый ими въ знакъ

преданности своей, нежели на сущую дань. Самую главную выгодою можно почесть обогащеніе Россійскихъ подданныхъ, копорые крайне скоро разживающся, если шокмо посланные къ шаковымъ островамъ суда совершатъ путь свой благополучно. Самое большое количество острововъ по нынѣ еще въ совершенной пребываетъ независимости и пользуется естественною вольноштію. Но они чрезъ звѣриной промыселъ и промѣнные шорги могутъ быть шолько же полезны, какъ и покоренные.

Между разуйными островскими жителями есть конечно въ разсужденіи породы, вида, душевныхъ качествъ, нравовъ, языка и проч. не меньше ошмѣны, какъ и между народами, обитающими на матерой Сибирской землѣ: но полученныя по нынѣ извѣстія шолько недоспащочны, что не можно по нимъ положить разности на основаніи сихъ и другихъ признаковъ и между извѣстными островами, ниже раздѣлишь ихъ по единоплеменнымъ колѣнамъ и однимъ отъ другихъ ошличить. Жители Алеушскихъ, Лисьихъ и Андреновскихъ острововъ, видомъ, житіемъ и прочимъ шакъ между собою сходны, и при шомъ какъ Корякамъ, шакъ и Сѣвернымъ Американцамъ, шoliko подобны, что предки ихъ, какъ кажешся, были единоплеменцы ихъ и другихъ. Да и въ языкѣ ихъ шолько мало разности, что приученный къ шолмаченью Алеушскій мальчикъ можеть исправлять сіе на многихъ отъчаспи и ошдаленныхъ островахъ. Напрощій шого на другихъ, иногда и не очень дальнихъ островахъ, видно въ языкѣ, нравахъ и въ видѣ жителей гораздо больше ошмѣннаго. Они сами даютъ себѣ разныя имена, копорыя бывають совокупно и названіями ихъ острововъ. Жители острова *Кадыли* называються *Канагистами*; и сіе наименованіе сходшуетъ нѣсколько съ названіемъ Гренландцовъ и Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуються *Каралитами*.

Острова сіи по большой части *малорослы*, кошью крѣпки, однакожъ шонки; лицо у нихъ нарочито плоское, кожа бѣлая, волосъ черной и прямой, борода жидкая, глаза, уши, носъ и ротъ обыкновенной величины, да и вообще они спашны, крѣпки, и совершенно сообразны своему климашу и суровости обитаемыхъ ими острововъ. Они *одарены изряднымъ природнымъ разумомъ*, но оный нѣсколько коснишеленъ. Оказывають же они его природными понятіями о правдѣ и кривдѣ, удовлетвореніемъ своихъ нуждъ и при многихъ недоспапкахъ своихъ острововъ, понятншью дѣшей въ изученіи чужихъ языковъ, и многими другими обшодшельшвами,

довольно явственно. Они чрезвычайно скромны и безприсрастны: но ежели шихосимъ ихъ нарушишь подозрѣніемъ, обидами или инымъ чемъ, то бывають необузданны, дики, мстящѣиъ најжесточайшимъ образомъ, не уважая ни оскорбленія, ни удовольствованія, и прекращають часно жизнь свою и по причинѣ небольшихъ мученій, либо опасаясь какого ни естъ нещастія, самоубійствомъ, при комъ бывають толмко же безчувственны, какъ и Восточные Сибирскіе народы. Они правда дерзки, однакожъ не вѣроломны, не воровашы, и не любящѣиъ грабежей не убійствъ. Хотя они и погубляють шакого иноспранца, кошорой приневоливашь женъ ихъ къ прелюбодѣянтію: однако спокойному чужому же человѣку вручають ихъ напрошивъ шого изъ одной учтивости. Къ нимъ можно вкрадываться въ любовь шакъ, что ошкроушь совершенно и умысла своей брашвы.

Сии суровые, и необузданные проспаки, живущѣиъ между собою въ совершенномъ равенствѣ, безъ предводителей и начальниковъ, безъ законовъ и наказаній, безъ уваженія прошедшаго и будущаго. Хитрой и удалой человѣкъ руководствувешъ однакожъ нерѣдко цѣлыми аршелями, а особливо когда доидешъ дѣло до удовольствованія или мщенія. При томъ и старѣйшина въ малой или большой хижинѣ, хотя и не видитъ къ себѣ почтенія, однакожъ и другимъ не уступаетъ. Вожда шакъ, какъ и родоначальника, называють они *Toionomъ* и *Tuyquomъ*. Между собою хранящѣиъ они союзъ по семействамъ и по родамъ, и споящѣиъ за себя какъ при защищеніяхъ, шакъ и въ случаѣ нападеній. Жители одного острова почишають себя всегда единокровными и думаящѣиъ, что островъ общее рода ихъ имѣніе. Небольшія аршели чужихъ людей принимаютъ хорошо; иноглюднымъ же толпамъ сопротивляются, пока или ихъ не истребятъ или сами не погибнуть. Всякъ пользуется свободою шѣмъ, въ чемъ имѣешъ нужду; равно почишаешъ себя и хозяиномъ всего, что бы по ни было; а отъ сего производящѣиъ споры, хотя они въ прочемъ и миролюбивы.

У нихъ нѣтъ ни какого ученія, ни грамати, ни заручительныхъ знаковъ, ни лѣтосчисленія, ни свѣденія о прежнихъ ихъ бышійхъ; словомъ сказащѣиъ, они не знаютъ ни чего другаго, кромѣ шого, что до житія ихъ касается. Они считають, какъ и мы, до десяти, и по томъ удваивають. На Алеутскихъ островахъ считають шакъ: *Тагатъ*, одинъ; *алагъ*, два; *канкысъ*, три; *сетя*, чешыре; *та*, пять; *ату*, шесть; *оулу*, семь; *калсе*, восемь; *шнсетъ*,

девяшь; асокѣ, десяшь; и шакѣ далѣе. Солнце называется *Азийя*, луна *Тугилагѣ*, вода *Тана*, вѣтрѣ *Катикѣ*, огонь *Кигенагѣ*, человекѣ *Тайяха*, баба *Алгѣтѣ*, дерево *Ага*, и проч.

Промыслы и дѣла свои производяшъ единственно во удовлетвореніе естественныхъ нуждъ для сохраненія жизни, безъ всякаго при томъ помышленія о удобности, чести, богатствѣ, будущемъ и проч. по чему они и не ошшаюшъ ошъ оныхъ ни по какии обстоятельствамъ. По елику одни острова не имѣюшъ съ другими сообщенія, то жители каждаго живущъ про себя; а ошъ сего производяшъ различіе въ житіи и въ разныхъ изобрѣшеніяхъ къ облегченію ихъ нуждъ, или въ заимствованіе пользы ошъ того, что уже есть, и въ приведеніи онаго еще въ лучшее состояніе. У нихъ *нѣтъ* ни какого *скота*, ниже собакъ: по чему и спрѣляюшъ козачьихъ собакъ шакѣ, какъ и другую дичь. Звѣриный промыселъ, шакже ловлю птицѣ и рыбѣ, производяшъ только по нуждѣ, и во всемъ, не выключая ниже спроченія хижинъ и дѣланія домашнихъ надобностей, берутъ женъ на помощу. Дикихъ звѣрей убиваюшъ спрѣлами или ловашъ. Рыбу запружаюшъ въ ручьяхъ наноснымъ валежникомъ и ловашъ ее небольшими коробами или косяными вилами, либо и голыми руками; употребляюшъ шакѣ же и косяныя уды на веревочкахъ изъ кочерыгъ морскаго капусшника, кои бываюшъ длиною сажень по осьмидесяти и вытягиваюшся. На морскихъ звѣрей нападаюшъ обыкновенно, когда они спяшъ, или убиваюшъ ихъ и спрѣлами въ водѣ, разбѣжая на своихъ ладьяхъ. Женщины сушатъ мясо и рыбу, выдѣлываюшъ пшичьи подбрюшны по большой части черезъ выминанье, рыбы шкуры, мягкую рухлядь и кожи, подобныя замшѣ, шьюшъ одѣяніе, и проч. Въ выдѣлкѣ сей не столько они знающы, какъ всѣ почти Сибирячки; въ шиньѣ же и спроченѣ вичуровъ весьма искусны. Ежели островъ избыточествуетъ какою нибудь надобностью, а другую недоспаоченъ; то островяне мѣняюшся ведъми безъ дальныхъ рашешовъ. Иногда покушаюшся они выживать благополучнейшихъ островянъ; и дѣло сіе производяшъ по большой части не иначе, какъ черезъ истребленіе оныхъ. Съ того времени, какъ спшали прѣбашать къ нимъ Рускіе люди, дѣна иныхъ вещей во всемъ у нихъ перемѣнилась. Сами носяшъ они худшую мягкую рухлядь, лучшую же, а особливо морскихъ бобровъ и черныхъ лисицѣ, продаиваюшъ на лоскушя шаперій, шакже на шпки, иголки, и другія мѣлочи, а больше на бисеръ. Кто имѣетъ изрядную жи-

жину, много бабъ, хорошую лодку и пригожее по ихъ вкусу одѣяніе, шомъ считаеиъ себя не меньше Князька.

Оружіе ихъ и домашній скарбъ со всеиъ по мысли старинныхъ людей: сюда принадлежашъ лукъ, стрѣлы, дропки, копыя, пращи, щипы и дубины, все безъ желъза, коего не велѣно къ нимъ возишь, дабы не сдѣлать чрезъ шо сихъ людей опаснѣйшими: но они все сии орудія дѣлаюиъ смертоносными посредствомъ заостренныхъ костей или камней. Изрядно оперенные, фуша въ три длину, *дротки* могуиъ они, какъ и Гренландцы, мешашъ сажень за шрицашъ. Когда попадаешъ имъ въ руки желъзо, шо куюиъ холодное каменьеиъ и дѣлаюиъ копейца, отъ которыхъ раны по причинѣ шероховатой и нечиспой отдѣлки, бываюиъ крайне опасны. Байдары ихъ бываюиъ длиной сажень по шести, и могуиъ подниашъ иныя человекъ до сорока; хоия въ прочеиъ дѣлаюиъ шолько изъ наноснаго дерева или и изъ киповыхъ ребръ; работу производяиъ заостренными каменьями сѣ великимъ трудомъ и не гладко; обшиваюиъ же моржовыми и шюленьими кожами. Обыкновенные Каномы или лодки располагаюиъ шолько для одного или двухъ человекъ, и бываюиъ въсемъ фуншовъ въ шрицашъ.

Жилища ихъ подобны Камчатскимъ, но по большой части обширнѣе. *Жилня землянка* (Уллаа), которая походишъ шакже и на Гренландскую, гдѣ она называется *Иглолв*, длиной бываешъ отъ 10 до 50 сажень, шириною отъ 3 до 5 сажень, а глубиною въ землю сажени на полторы; въ нушри раздѣлена жердями, въ верху решешчатая, и покрыта шравою, сверхъ которой навалена земля. Решешки же шакковыя дѣлаюиъ изъ жердей, а сии изъ наноснаго лѣсу. Въ шакомъ пошолокъ для лазенья по лѣсницамъ, для проходу дыму, и для свѣшу бываешъ отъ чешырехъ до шести отвершій, а иногда и больше; въ нушри же по самой срединѣ видно одно либо и больше огнивищъ промежъ шолобовъ, которыхъ у всѣхъ въ упошребленіи: однакожъ сколько можно въ меньшемъ количествѣ; по чему въ землянкахъ ихъ рѣдко водишъ огонь. *Нослеги* покрышы шравяными рогожами или и шеплыми кожами. Для *освѣщенія* сей длинной могилы находяиъся у раздѣлишельныхъ шолобовъ свѣшильники изъ выдолбленныхъ каменныхъ опломковъ, въ коихъ огонь содержишъся рыбьимъ жиромъ. Въ шаковой хижинѣ живешъ малая или большая аршель, состоящая изъ родшвенныхъ семей, въ коихъ бываешъ вообще душъ 50, 100, 200, а иногда и 300. Она нарочишо походишъ на преисподнюю; всею шущъ доволь-

но: шеплоша, дымъ, иногда несносный жаръ, пусклой отъ свѣ-
 шильника свѣтъ, нагія необузданныя человѣческія ошродія, гади-
 ны, пребѣдная и негодная пища, шумъ, несносныя мерзости, смрадъ
 несноснѣйшій еще того, какой бываетъ отъ смолы и сѣры;
 вотъ все то, что сыскашь шумъ можно. На нѣкоторыхъ остро-
 вахъ ведущая отъ части по старинному обыкновенію, а отъ ча-
 сти и по причинѣ каменистой отъ земли обнаженной подошвы,
 малыя фуша въ три глубиною *земляки* же, въ коихъ живутъ по
 одной только семьѣ. Большая половина островянъ имѣетъ и
лѣтнія хижины (Барабара), подобныя такъ же Камчадалскимъ. Они
 огромнѣе, стоятъ поверхъ земли и преисполнены людей. Нѣко-
 торые островскіе жищели укрѣпляютъ нѣсколько свои землянки
 наноснымъ лѣсомъ.

Домашній ихъ скарбъ соотвѣтствуетъ жилищамъ. Оный со-
 стоитъ наипаче въ деревянныхъ корыщахъ, дѣлаемыхъ изъ нано-
 снаго или собственнаго лѣсу, въ раковинныхъ чашкахъ, въ вы-
 долбленныхъ ошломкахъ камней, въ плешеныхъ кузовахъ, въ сосу-
 дахъ изъ коры и кожи, въ шравяныхъ рогожахъ, въ заостренныхъ
 камняхъ, кои служатъ имъ вмѣсто топоровъ и ножей, въ косяной
 ремесленной снасти, а куда Рускіе люди привозаютъ, тамъ во-
 дятся у нихъ сверъхъ того и кошлы или чугунные горшки. Лег-
 ко можно разсудить, сколь великаго труда шаковымъ людямъ
 стоить, ухитить такое жилище, дѣлать домашнія подобности,
 лодки и проч. безъ долотъ, топоровъ, ножей и сему подобнаго,
 одною каменною и косяною снастью: по чему они и живутъ въ
 вышеописанной тѣсношѣ, а иногда и въ каменныхъ пещерахъ,
 которыя ухитиваютъ для жищя наноснымъ валежникомъ, кожами,
 рогожами и проч. и шумъ весь свой вѣкъ препровождаютъ.

Они не чаютъ бытъ успроенными отъ природы такъ чтобы
 надлежало имъ спыдиться: по чему не только дѣти, но и взрос-
 лые обоихъ половъ ходятъ въ жаркихъ юртахъ, или когда одѣя-
 ніе мѣшаетъ имъ въ исправленіи своихъ дѣлъ, совсемъ нагіе. Мно-
 гіе, занавѣшивающъ сравной удъ маленькіиъ запономъ кожаныиъ, или
 шубнымъ доскушомъ, либо и лисшкомъ; мужчины же особливо но-
 сятъ въпереди мощну, которой не оставляютъ пустой, не столько
 для прикрытія уда, сколько для сбереженія онаго. На мно-
 гихъ, особливо Сѣверныхъ островахъ, выводятъ оба пола, для мни-
 мой прикраesy, на рукахъ и на лицѣ изображенія звѣрей, пшицъ,
 цвѣшомъ, либо и изъ своей головы вичуры, не нишками, какъ по

Aleut.
 Ein Aleute.
 Aleutien.

дѣлають Восточные Сибиряки, но кровавымъ накалываніемъ посредствомъ рыбьихъ костей; наколотыя же такимъ образомъ мѣста напираютъ черною или другою какою земляною краскою, и дѣлають чрезъ то выводы свои незагладимыми. Въ *ушныхъ жюкахъ* дѣлають иные по краямъ множесво дырочекъ, въ которыя продѣваютъ пучки изъ мѣлкаго красиваго перья составленные, также корольки и другія мѣлочи: наибольше дѣлають сіе женщины. Мужчинамъ кажется дурно, когда волосы скоро и густо растутъ: по чему и вышербливаютъ у себя бороды иные и до чиста. Женщины обнажаютъ у себя отъ волосъ лобъ; а остальныя заплешаютъ на запылкѣ въ одну косу. На нѣкоторыхъ островахъ очищаютъ мужчины отъ волосъ всю голову воспрыми каменьями, на другихъ же дѣлають только лысину съ окольшемъ, которой коротко подрѣзываютъ. Многіе совсемъ не умываются и по тому смуглы и дурны; иные же моются сперва своею мочою, а по томъ водою; и съ лица чисты, румяны, и здоровы кажутся. Наисстраннѣйшимъ ихъ обыновеніемъ можно безъ сомнѣнія почестъ то, что на всѣхъ почти островахъ многіе какъ мужчины, такъ и женщины въ ребячествѣ своемъ дѣлають на нижней губѣ два глубокіе прорѣза, а въ носовомъ хрящѣ провершываютъ скважину. Въ губные оные прорѣзы вставляють они, когда вздумаютъ щеголять, а сіе случается и часто, моржовые, до двухъ дюймовъ длиною, изкривленные и выглаженные зубы стоймя, такъ что держатся на челюсти, сквозь скважину же въ носовомъ хрящѣ продѣваютъ подобную перекладинѣ небольшую пшичью кость, такъ что моздри приподнимаетъ къ верху. Которые любятъ щеголять, тѣ дѣлають по срединѣ нижней губы еще третій прорѣзъ, въ которой вставляютъ выкрашенной камышекъ.

Одѣліе ихъ теплое и щегольское состоить въ сорочкѣ (Парка) длиною по колѣна, подобной во всемъ Корякской. Мужскія Парки дѣлаются изъ подбрюшинъ гагаръ и разныхъ морскихъ пшицъ, а особливо изъ гагаръ; женскія же изъ морскихъ бобровъ, лисицъ и иной мягкой рухляди. Они всегда надѣваютъ ихъ на голое шѣло, и обращаютъ на ружу то пушистою, то гладкою спороною; а сію послѣднюю красятъ обыкновенно красною землею. Они носятъ въ дождливое время еще и другія сорочки (Камлаи), подолѣе первыхъ изъ сивучьихъ кишекъ или рыбьихъ шкурокъ сдѣланныя, и надѣваютъ ихъ сверхъ теплыхъ сорочекъ, а иногда и на голое шѣло. Холщевыя шаперти совсемъ имъ незнакомы, а штаны, рука-

Часть III.

Л

виды и чулки не въ употребленіи: однакожъ нѣкоторыя запасаютъ на зиму кожаными шепальми чулками. Ногамъ ихъ не бываетъ ни какого вреда отъ того, что ходящъ по снѣгу босикомъ. Лѣтомъ или ни чемъ головы не покрываютъ, или носятъ лѣтнія шляпы изъ дерева вырѣзанныя, кои походятъ съ виду на ушиной носъ, и кошорыхъ узкій или передній конецъ выдался надъ лбомъ въ передъ фуша на полтора, какъ навѣсная крышка. Они красящъ шаковыя шляпы земляными красками своихъ острововъ, и огораживаютъ ихъ по краямъ перьями, а въ верху и около разставляющихъ пучки, сдѣланные изъ крѣпкихъ, длиною въ пядень и больше, сивучьихъ и морскихъ кошовъ усоевъ, да поверхъ того украшаютъ пригожими пронизками и перяными пучками: по чему они на Римскіе шишаки не меньше походятъ, какъ и на лѣтнія шляпы, а особливо, когда они переднюю часть носа больше приподнимающъ въ верхъ. Надъ самую же головою они полы; и на шаковомъ верхнемъ краю укрѣпляютъ они по большой части маленькаго, длиною въ дюймъ, идола костянаго, въ человѣческомъ подобіи сѣдящаго, и при томъ красивѣе вырѣзаннаго, нежели бы можно было ожидать отъ людей не имѣющихъ ни ножей, ни иныхъ какихъ для такой работы надобныхъ орудій. Мужчины носятъ также и кегелю подобныя кожаныя шапки, вышиною съ лишкомъ на пядень, кошорыхъ края и два супротивныя шва вичурами, а сіи и опорочки ихъ волосяною бахрамою шириною въ ладонь, вершина же снурками и прицепленными къ нимъ улишками, украшены. На нѣкоторыхъ островахъ носятъ шапки и поплосчаѣ, нарочито похожія на наши скороходскія. Верхній шовъ у сихъ шапокъ выкладываютъ они шакъ же долгою волосяною бахрамою; края же и бока украшаютъ вичурами и перьями. Женщины шьютъ себѣ лѣтнія шапки изъ кожи, рыбьихъ шкурокъ или изъ разпоросыхъ звѣриныхъ кишокъ. У шапокъ сихъ края праймы, шириною въ ладонь; при томъ они повсюду вышиною равны, и они имѣютъ плоскую или мѣлкую шулю. Края и шулю украшаютъ весьма пригожимъ шитьемъ, кошорое выводятъ жилами, волосами, а иногда и бисеромъ, когда могутъ оной достать; шулю же обводятъ по краямъ во кругъ волосяною бахрамою, длиною въ палецъ. Зимю носятъ шапки изъ шкурокъ пѣганокъ, кошорыя здирающъ и высушиваютъ шакъ, что голова проходитъ въ брюхо пшцы; при чемъ ея тея, крылья и хвостъ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ. Найвеликолѣннѣйшія ихъ перяныя шапки дѣлаются изъ пѣганокъ. Въ мѣсто шеи придѣлываютъ состоящую

Курилецъ.
Ein Kurill.
Kourilien.

изъ сложенной вдвое кожи, шириною пальца въ два, упругую полосу, которая въ низу и въ верху разпещрена мѣлкимъ шитьемъ, а по краямъ выложена волосною бахромою, длиною въ персть. Въ мѣсто пшичьей головы прикрѣпляютъ они къ шаковой кривулинѣ нижнюю песцовую челюсть. Полоса сія простирается черезъ всю спинку пшицы, и придаетъ шакъ упругость. Она и на спинкѣ вышша и бахромою обложена. Нарядное ихъ одѣяніе дѣлается изъ пшичьихъ подбрюшинъ и разной мягкой рухляди, на подобіе сорочекъ, просторное, длиною по самыя пяты, съ чрезвычайно красиво вышшыми перспа на два шириною закраинами, увѣшены повсюду полосками длиною въ пядень, изъ хорошей мягкой рухляди, а въ низу съ подзоромъ, длиною въ пядень, изъ однихъ кожаныхъ полосокъ. Одѣяніе свое шьютъ изъ того, чей сами они или ближайшіе островскіе жшела избыточествуютъ. Многіе дѣлаютъ всегда оное изъ тюленьихъ, Сѣвернѣйшіе же изъ оленьихъ кожъ, а ближайшіе къ Воспоку отъ части изъ шакой токмо мягкой рухляди, которую могутъ получать съ машерой Американской земли. Оба пола носятъ платье одинакое съ шюю только разностию, что мужское шьется больше изъ пшичьихъ шкуркъ, женское же изъ хорошей мягкой рухляди, а лѣпшее изъ подобной замшъ выдѣланной кожи. Кожевенная ихъ выдѣлка посредственная; напрощивъ того въ шитьѣ одѣянія и въ выводѣ на ономъ вичуровъ, при чемъ въ мѣсто иглокъ и нитокъ употребляютъ рыбы кости и щипанья жилы, крайне искусны.

Въ разсужденіи *лицъ* соображаются совершенно природѣ своей и качеству своихъ острововъ. Они *ѣдятъ* кишовъ, морскихъ бобровъ и кошовъ, сивучей, хищныхъ звѣрей и другую дичь, шакже всякихъ хищныхъ и другихъ пшиць, всякую рыбу, а особливо палтусовъ, изъ коихъ нѣкоторые бывають въсомъ и свыше 8 пудъ, разные роды кунжи, раковины, и всѣ вообще, выключая людей и насѣкомыхъ, водяныя, земныя и воздушныя жившныя употребляютъ въ пищу, однако улишокъ только по нуждѣ; сверхъ того ѣдятъ разные дикораспуція ягоды, сродныя островамъ ихъ обще съ другими ближайшими къ Сѣверу шранами, какъ то, черницу, голубицу, клюкву, брусницу, рябину, водяницу, шолокнянку, морошку, сарану, макаршино коренье, Камчашскую сладкую шраву, морской капустникъ и другія не горькія коренья и шравы. Охотно ѣдятъ шакже и издохшихъ морскихъ и полевыхъ звѣрей, да и сонную рыбу, хошя уже и съ душкомъ. *Соль* совсемъ имъ незнакома.

Больше *ѣдятъ* они все *сырое*, такъ что кровь шечетъ при томъ изъ роту по губнымъ прорѣзамъ: и по тому пища ихъ не перебу-етъ дальнихъ пригошвленій. Зимю держатъ они мясо и рыбу на деревянныхъ рожнахъ надъ своими свѣшильниками, не для того, чтобы поджарить, но въ томъ единственно намѣреніи, дабы разогрѣшь. Если же зашѣютъ что варить, то парятъ промежъ двухъ выдолбленныхъ и мискавъ подобныхъ камней, коихъ скважины замазаны глиною; а по томъ ѣдятъ холодное.

При такой своей неразборчивости рѣдко прешерпѣваютъ они недосташокъ на островахъ по большой части мало населенныхъ; однакожъ на иныхъ и бываеъшъ оной въ зимніе мѣсяцы. Для предупрежденія же шаковаго недосташка, сушатъ оспальное мясо и рыбу на солнцѣ, или копшатъ въ дыму: и по тому сушеная рыба (Юкола), кошорую они такъ, какъ и сушеное мясо, ѣдятъ безъ дальняго пригошвленія, бываеъшъ обыкновенною ихъ зимнею пищею. Мясо и рыбу, кошорую скоро думаютъ сѣѣсть, или что ошанется излишнее въ началѣ зимы, сохраняютъ они чрезъ опущеніе въ воду или зарыванье въ снѣгъ. Но они стольже безпечны, какъ и прожорливы: по чему рѣдко у кого бываюъшъ шакіе ошашки, кошорые бы можно было сохранить въ прокъ.

Питье ихъ вода; они часто упошребляюъшъ и соленую морскую, когда въ близи нѣтъ прѣсной. Въ праздничное время пьюъшъ кишовой или иной какой рыбій жиръ, и шянуъшъ оной изрядно. Для *лалюю*, собшвеннаго не имѣюъшъ ни чего; да и не находятъ ни какой приаъшности ни въ мухоморахъ, ни въ шабакѣ, ни въ хлѣбномъ или Камчашскомъ шравномъ винѣ: что все было къ нимъ привозимо: однакожъ нѣкошорые, подражая козакамъ, привыкли къ нюхальному шабаку.

Поелику морской берегъ въ разсужденіи выбрасываемыхъ на оной мершвыхъ живошныхъ, раковинъ, улишокъ и морскаго капушника, что все можно шамъ собирашь во время оплива, бываеъшъ въ случаѣ недосташка надежнѣйшимъ прибѣжищемъ; шо всякая хижина или усадьба бережетъ свое на берегу мѣсто. Чужіе нуждающіеся люди не смѣюъшъ поднять на берегу ниже мершвой рыбы, но должны сперва просить оной какъ милоспъныни; въ прошивномъ же случаѣ съ цѣлыми головами не уплешутся.

Сколь ни сообразно жишье ихъ проситъ природы, однакожъ оно не въ честь ей служить, когда люди бываюъшъ чрезъ шо шолико подобны звѣрямъ. Въ *обшожденіи* они важны, въ разговорахъ весьма

ошрѣзисшы, между собою веселы, ошъ часши и болшавы, по безпечности гостепрїимчивы и щедры, но грубы и неприсупны. Не почипая родителей и начальниковъ, не заобыкши къ повиновенїю, и не зная что ешъ благочинїе и благоприсойность, слѣдуешъ всякъ своей прихощи. Они ѣдятъ, когда ешъ за что приняшся, и когда проголодаются; при чемъ иногда и выпоражниваются. Въ случаѣ недосшатка пошяшся безъ ропшанїа и нѣсколько дней съ ряду. Жилы ихъ ямины дѣшскими, а кровли, взрослыхъ людей кладами всплошь усажены: по чему несочно смердитъ въ близи и въ нушри ихъ жилищъ. Они ходя часто нагїе, шворяшъ и соиптїе въ нушри и виѣ юршъ безъ всякаго зазору, и при шомъ, по великой горячности обоихъ половъ, нарочито часпо. Да и родятъ женщины безъ всякаго же закрышїа или ушайки. Спятъ они на камышевыхъ рогожахъ а покрываются плашьемъ. Всякій родъ или поколѣнїе держитъ правда одного ошрова: но они ѣдятъ временемъ и на другїе ошрова, и живущъ шамъ иногда долго. Необишаемые ошрова принадлежатъ всѣмъ равно; на населенныхъ же бывающъ или какъ гости, или какъ непрїятели. Когда они приѣзжаютъ и на короткое время, шо дѣлающъ немедленно для себя ямины. Огонь добываютъ по примѣру Камчадалъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ чрезъ шренїе одного дерева обѣ другое. Грѣются шправою, кошорую поджегши, шпановяшся надъ оною разшопыря ноги шакъ, чшобъ дымъ и шепло /проходили подъ шубу (Парка). Войны ихъ сосшояшъ больше въ нападєніяхъ; когда же идушъ присшупомъ, шо несущъ передъ собою деревянные щипы, кошорыми могутъ нѣсколько человекъ заслоняшся, и выходяшъ, когда надобно, изъ за оныхъ съ своимъ оружіемъ.

Женишбы ихъ, въ сравненїи съ упошребительными у насъ, едва и названїа сего достшойны. Мужина, кошорый можешъ исправляшъ звѣриной промыселъ и рыбную ловлю, принимаетъ къ себѣ одну или нѣсколько женщинъ, достшашъ при помощи ихъ себѣ и имъ надобное, и живешъ съ ними въ своей яминѣ или въ своемъ ошдѣленїи по женшому; чему не предслѣдующъ никогда ни купля, ни договоръ, ни празднештва. Первыхъ бабъ выбираешъ мужъ обыкновенно самъ; если же онъ удалъ, и при шомъ заводной промышленникъ и рыболловъ, шо спекаешся къ нему и больше дѣвокъ, вдовъ, ошпущєнныхъ или бѣглыхъ женъ и дѣшей малыхъ, кошорыхъ всѣхъ принимаетъ онъ и содержитъ добычами на звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Сколь поспѣшно при щастїи семейшво

возрастаетъ, столь скоро и разсѣвается оно при тщетныхъ стараніяхъ о снисканіи пропитанія; бѣглецы переходятъ къ другимъ, да и бабы разходясь и ищутъ себѣ другаго кормильца, къ которому приводятъ иногда съ собою и дѣшей, если они сами не пожелаютъ остаться у отца. Все сіе происходитъ безъ ссоръ, дракъ и шому подобнаго; по елику оба пола равную имѣютъ вольность. На нѣкоторыхъ островахъ больше союзы мужа съ женами, и родители съ дѣшами, по шому, что мужа больше имѣютъ власти: но шутъ и промѣниваютъ они женъ и дѣшей своихъ на нужныя для пропитанія и на одѣяніе вещи. Бѣжавшія или промѣненныя жены возвращаются иногда и по нѣскольку разъ къ прежнимъ своимъ мужьямъ. Въ естественномъ состояніи не могутъ быть слѣдствія отъ шаковой необузданности шoliko опасны, какъ при гражданскомъ устройеніи общества. Островскіе жители ставятъ ии вочшо какъ попеременное владѣніе женами, шакъ и союзы родства, и женятся единшвенно для пропитанія и удовлетворенія похоти: при чемъ они не обрѣшаютъ препятствій, а по шому и неистовствъ не дѣлаютъ. Они всякому желаютъ добра и забавъ; и по елику шамъ, какъ въ Камчаткѣ, предпочитаютъ бабъ дѣвкамъ, шо сіи послѣднія возрастаютъ и при всемъ своемъ безуприсквѣ безъ всякаго стыда. Ни кака я мать не покидаетъ дѣшей своихъ до шѣхъ поръ, пока они не спанутъ помнишь ея имени; и шаковыхъ дѣшей, при всеобщемъ чадолюбіи островскихъ жителей, принимаетъ охотно не шолько новоизбранный матерью ихъ мужъ, но и всякій посторонній человекъ.

Бабы, какъ слышно, родятъ очень легко. Малыхъ дѣтей купаютъ весьма часто въ холодной морской водѣ, и когда разкричатся, окунываютъ ихъ въ оную, не взирая и на зимнюю спужу, до шѣхъ поръ, пока не успокоятся. Грудью кормятъ ихъ не долго, но приваживаютъ ихъ вскорѣ къ суровой, по большой части сырой пищѣ. Дабы приучишь ихъ сидѣть на цыпкахъ, связываютъ имъ ноги вмѣстѣ. Воспитанныхъ столь сурово дѣшей отпускаютъ родители на свою волю какъ можно скорѣе; послѣ чего мальчики и дѣвочки безъ дальней отъ родителей своихъ помощи живутъ безъ нужды и становятся напослѣдокъ столь же добрыми людьми, какъ и родители ихъ, коимъ они ни чего отпѣннаго не оказываютъ, и которыхъ иногда вовсе не знаютъ. Употребительныя шутъ имена суть слѣдующія: *Инаншѣ*, *Бакутчѣ*, *Алауткѣ*, *Тумила* и проч.

Они не столь суровы и безчувствительны, чтобы не спарались *забавами* сдѣлать себѣ жизнь приятною. Женишьябы, рожденія, да и самая вѣра не подаютъ правда имъ поводу къ празднествамъ: но они почти весь Декабрь мѣсяцъ препровождаютъ въ посѣщеніяхъ сосѣдей или и другихъ островскихъ жителей. Къ случайнымъ же увеселеніямъ подаютъ имъ поводъ, найденные на берегу киты, щасливыя звѣриныя промыслы, и нечаянныя дружескія посѣщенія. Когда китъ осядетъ на мѣли, или море выбросятъ на берегъ издохшаго, то принадлежитъ оный не набережнымъ, но всѣмъ вообще островскимъ жителямъ. Всѣ спекаются съ великою радостію къ сей громадѣ, совершаютъ идолослужбные и волшебные обряды, радѣваются до нага, а по томъ свѣжуютъ и дѣлятъ мясо, жиръ, кожу и кости. По томъ наряжаются въ самое лучшее платье, вставливаютъ кости въ щеки и носъ, и убираютъ все, что есть можно, съ чрезвычайною радостію. Подобныя но не столь общія, празднества бывають и по случаю частныхъ щасливыхъ звѣриныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель.

Увеселенія ихъ состоятъ, кромѣ неумѣреннаго употребленія мяса и жиру, въ бѣеніи въ бубны, въ пѣсняхъ, пляскахъ, сказкахъ и удовольствованіи похоти. Кромѣ бубенъ не имѣютъ они ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ. Съ оными выходятъ они на встрѣчу приѣзжимъ своимъ гостямъ цѣлыми артелями; да и въ пляскѣ соображаются бѣенію въ бубны и пѣснямъ, коихъ содержаніе есть мечшаемое ими щастіе и разныя басни. Они пляшутъ не кругомъ, но стѣна противъ стѣны, которыя то сближаются, то паки раздаются: при чемъ и прыгаютъ довольно. Иногда накладываютъ они на лица свои и деревянные хари, уподобляющія ихъ звѣрямъ, и при томъ крайне дурныя. Въ такомъ случаѣ мужчины радѣваются, и оставляютъ только передъ удомъ передникъ или мошну; женщины же остаются въ платьѣ. По окончаніи пляски разбиваютъ они бубны и хари въ щепы, и дѣлаютъ послѣ новыя. Тамъ есть волшебники, шамъ присовокупляютъ и они къ тому свои обмороки и предсказанія. На послѣдокъ удаляются прѣѣзжіе гости въ свои спаны, а хозяева, имѣющіе женъ съ залишкомъ, надѣляютъ ими приѣхавшихъ безъ женъ гостей. При отъѣздѣ не бываетъ ни чего опмѣннаго, ни провожанья, ни благодарности.

Они такъ, какъ и народы, обитающіе на восточномъ берегу Сибири, содержатъ *Шаманской* языческой законъ; прилѣплены столько же или еще и больше, къ чувственному, а невидимое и непоняш-

ное ни мало ихъ не прогаешъ. Они не имѣютъ ни какихъ почныхъ понятій о богахъ, ниже о ихъ соучастствованіи въ судьбахъ, и о будущей участи; нѣтъ у нихъ шахъ же ни праздниковъ, ни моленій: однакожъ естъ у нихъ *волшебники* или Шаманы, подобные Камчадалскимъ, похваляющіеся знакомствомъ своимъ съ богами и свѣденіемъ прошедшаго и будущаго, и состоящіе у народа въ почтеніи, но никакихъ подаваній отъ него не получающіе. Во время празднованій своихъ у выброшенныхъ на берегъ китовъ, благодарятъ они въ пѣсняхъ своихъ боговъ за шаковую благодать: но соплешаютъ благодарность свою съ разными кощунствами. При яденіи шаковыхъ благодатей бросаютъ нѣсколько кусковъ мяса въ огонь, яко жершву. Покойникамъ даютъ, какъ и всѣ язычники Шаманскаго толку, разную ушварь для употребленія на томъ свѣтѣ. У нихъ естъ небольшіе деревянные *домашніе идолы*, которыхъ они мажутъ кровью и жиромъ, и думаютъ, что ихъ чрезъ шо питаютъ. Огнедышущія или дымящіяся горы и нѣкошорыя значныя пещеры, почитаютъ они жилищами боговъ и духовъ; къ нимъ обращаютъ и Шаманы или волшебники свои молишвы. Будущей же участи и боговъ, также милосщи ихъ и гнѣва не ожидаютъ они и не бояшся ни мало.

Здоровель они *крѣпки*, и до старыхъ лѣтъ бывають бодры. Цынга, короста, лихорадка и другія обыкновенныя болѣзни случаются у нихъ очень рѣдко. Оспа ни когда еще у нихъ не бывала. И у самыхъ старыхъ людей зубы пригожіе, чистые и крѣпкіе. Кто нездоровъ, тотъ по произволенію своему воздерживаешся нѣсколько дней отъ пищи. Когда болитъ голова, шо пускають изъ одной головной жилы кровь воспримъ кремешкомъ. На раны кладутъ нѣкошорой корешокъ, признанной ими врачевнымъ, и шахъ далѣе. Въ прочемъ они столь мало нѣжатся, что когда понадобится имъ кровь на склеиваніе чего ни будь, шо разбивають себѣ носъ кулакомъ до крови.

Они бояшся посѣщенія покойниковъ, и не охотно живутъ въ такихъ хижинахъ, гдѣ люди уже умирали: по чему они больныхъ изъ большихъ хижинъ выносятъ вонъ, въ маленькихъ же оставляють покойниковъ и замешываютъ ихъ землею. Скудныхъ покойниковъ завершываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ ушварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предають погребенію; зажиточнѣйшихъ же кладутъ шахъ же въ плашь и съ домашними надобностями въ небольшую лодку, и въ-

шаюшъ оную на висѣлицу, состоящую изъ двухъ утвержденныхъ въ землю вилъ, и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, превращались въ шлѣнъ.

Россійскимъ Козакамъ, промышленникамъ купцамъ крайне трудно жить на сихъ островахъ. Моремъ надобно шуда бѣжать изъ Камчатки съ лишкомъ годъ. Между шѣмъ забѣгаютъ они и на другіе острова, собираюшъ добровольную подать, промѣниваюшъ щепешные товары, а особливо пронизки, на мягкую рухлядь, да и сами ходятъ на звѣриные промыслы. Ежели бы можно было отважиться, возить къ нимъ ножи и шопоры, то обмѣнные шорги великое бы получили чрезъ то приращеніе: но какъ шѣмъ уготовляемы бы были себѣ опасности, то надобно пособляшъ сему неудобству собственнымъ звѣринымъ промысломъ, кошорой производить какъ на берегахъ, такъ и въ дали отъ оныхъ, островскіе жители не только не прешашьваюшъ Рускимъ людямъ, но и придаютъ имъ мальчиковъ, кошорые скоро привыкаюшъ говорить по Руски, и бываюшъ по шомъ шолмачами и почти залогамъ. Пока ведутся привезенные съ собою сѣбшные припасы, питаюшя оными промышленники: при недоставкѣ же бѣдятъ какъ и коренные островскіе жители мясо и рыбу безъ хлѣба и соли, и бываюшъ при шомъ здоровы. Островяне поступаютъ правда съ чужими людьми грубо, однакожъ шихо; если же возимѣюшъ подозрѣніе, то стараюшя всѣхъ безъ всякаго изслѣдованія перебить: по чему промышленники должны всегда остерегашься, шѣмъ наипаче, что на островахъ не можно такъ, какъ въ Камчаткѣ, заводить шѣснаго знакомства съ женьщинами, чрезъ кошорыхъ всѣ злые умыслы шамъ открываюшя. Козаки остерегаюшя жить порознь или долго быть въ ихъ жилыхъ яминахъ; да и у собственныхъ своихъ хижинъ содержатъ по ночамъ карауль. Ежели пушешествіе удачное, то корабль, смотря по состоянію острововъ, у кошорыхъ былъ, и по изобилію шамошнихъ звѣрей, привозитъ до 2000 морскихъ бобровъ, столько же и больше морскихъ кошовъ, до 1000 кослоковъ, до 2000 черныхъ лисицъ, шоликое же число голубыхъ песцовъ, вдвое противъ шого или и больше бѣлыхъ песцовъ; однакожъ всегда одной кошорой нибудь рухляди больше, другой же мало или вовсе ничего: иногда же и ни кошорой не бываешъ въ вывозѣ вышепоказаннаго количества.

О ШАМАНСКОМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ.

Многочисленные языческіе народы Россійскаго государства держатся отъ части *Шаманскаго*, отъ части *Ламайскаго*, Индійцы же, коихъ вообще не много, *Браминскаго толку*. *Шаманской* имѣтъ наибольше послѣдователей; къ оному принадлежитъ суевѣріе поклоняющихся идоламъ *Финновъ*, *Татаръ*, *Семляди*, *Отяковъ*, *Красноярскихъ*, *Манчжурскихъ* и *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ*, *островскихъ жителей Восточнаго моря* шакъ, какъ и *Бурятъ* или *Брацкихъ Татаръ*. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своемъ мѣстѣ; при описаніи же прочихъ народовъ переходилъ я сей предметъ молчаніемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и мнѣніяхъ не наскучить чинашелямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описаніе въ шакомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежитъ въ число древнѣйшихъ вѣрѣ. Онъ всѣхъ старѣе на Востоцѣ, и почитается корнемъ Ламайскаго, Браминскаго и другихъ языческихъ шолковъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чему и не было ему въ союзѣ недостатка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недостаткомъ грамаши и школъ, шакже по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переименныхъ преданій и переворотовъ глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, прешворился онъ по большей части въ противное идолослуженіе и слѣпое суевѣріе. По сему надлежало бы въ разсужденіи шоль различныхъ народовъ, языковъ, справъ и житія, ожидать и наивеличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожь главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды остались въ достопамятномъ единообразіи, и кажется, что чрезъ то больше шокмо забышо, нежели прибавлено. Здѣсь сыщутъ чинашеля отъ части дополненіе и къ тому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣрїи.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается *женской полъ* гораздо хуже мужскаго, и существующимъ единственно для удовольстворенія похоти, для рожденія дѣшей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чему они женъ презирають жестоко. Они присвояють женскому полу весьма мало правъ челоувѣчества, и почитаютъ

его опринушымъ отъ боговъ, вообще нечистымъ, во время же мѣсячнаго очищенія или родовъ мерзкимъ и какъ людямъ, такъ и скопу опаснымъ. Онъ къ богослуженію не допускается, и не сѣетъ въ юрсахъ ходить около общаго огня, поелику оной почищается священнымъ. Понеже жены шѣломъ своимъ все оскверняютъ, шо имѣютъ особыхъ верховыхъ лошадей, сѣдла, мѣспа для сидѣнія, да обыкновенно и особливую посуду, изъ которой ѣдятъ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ шаковыя вещи, прежде нежели сшанетъ ихъ употреблять мужчина, окурить и отъ нечистоты уразднить. Они почищаются такимъ товаромъ, который вышѣнивается на скошъ, одѣяніе и проч. и въ шакомъ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлъ или похоти; кошорый почти продается, и такъ далѣе. Когда баба родитъ двойни или безобразныхъ дѣшей, шо обвиняютъ ее соишѣемъ съ діаволомъ, и проч. Родители никогда дочерей не любяшъ; да они и сами, если бы знали свое сосояніе, ошреклись бы отъ воспріятія бытія.

При всемъ шомъ есть у Шаманцовъ и священнослужительницы, кошорыя не меньше въ чести или сполько же шальными почищаются, какъ и священнослужители. Они вѣрятъ, что люди сего сосоянія избраны самими богами, и почишаютъ судорги, родимцы и другіе дѣшскіе припадки знаками шаковаго вышшаго избранія.

У *Тучузъ*, *Бурятъ* и нѣкошорыхъ другихъ народовъ называющаго священнослужители *Шаманами*; слово же сіе значить воядыхающаго пустытника и обладашеля всѣхъ спрасшей; у *Телеутовъ* и проч. *Камали* или *Хамали* ш. е. владыками или пророками; у *Якутовъ* и проч. *Аюнами* и *Абысами*: оба сіи слова суть шиплы Ташарскихъ священнослужителей; у *Семояди* *Тадьбами*, и такъ далѣе.

Шаманы и *Шаманки* люди простые, и не разнятся отъ прочихъ ни одинакимъ сосояніемъ, ниже особенными правилами или житіемъ: но ошмѣнны шокмо по плашью и лучшему знанію ученія и обрядовъ своей вѣры. Они содержатъ себя подаяніями и жертвами: однакожъ сверхъ шого употребляютъ обыкновенно себѣ въ помощь и главный народа промыселъ, сирѣчь, ловяшъ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди учатъ молодыхъ всему до вѣры и обмана касающемуся. Поелику священнослужители одни владѣютъ, такъ сказашъ, ученіемъ, шо ихъ, яко *посредствениковъ* между народомъ и богами, коиъ они умиласшивляшъ имѣютъ, бояшя и почишатъ, но при шомъ не рѣдко и ненавидяшъ, когда кто изъ нихъ

приличится въ злоупотребленіи своей должности. Опѣ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаются зрѣнія: но сіе почитается шѣмъ большимъ знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. Поелику всшупленіе въ ихъ должность зависитъ опѣ случайнаго въ оную позова; по Шамановъ и Шаманокъ иногда бываетъ много, а иногда и мало. Иные исправляющъ должность свою по смерть, другіе же здающъ оную при жизни своей другимъ. Они опѣ часши обморачивающъ, а опѣ часши обманывающъ, а больше по и другое дѣлающъ вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки *разлещрляютъ одѣяніе* свое въ шомъ намѣреніи, чшобы богамъ бышь угодными, а народу спрашными; для приобрѣшенія же въ шомъ успѣха разныя упошребляющъ средства. Тунгускіе, да и всѣ почти Шаманы, носящъ долгое Восточное, больше кожаное *латге* и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будшо усыпано жестяными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, орлиными кохшиями, змѣиными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. *Шалки*, кошорыя иногда клобукамъ, а иногда шишакамъ бывающъ подобны, обвѣшены змѣиными и другими чучалами, и украшены совиными перьями. Нарядъ шаковаго челоуѣка и происходящее опѣ онаго бренчанье, приводитъ людеи въ юршахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасѣ. Хитрые Шаманы на дѣвающъ шаковое плашье у жершвеннаго огня съ содроганіемъ и проч. какъ будшо бы вселяешся въ нихъ при шомъ другой духъ. У нѣкошорыхъ народовъ Шаманское служебное плашье покороче, у другихъ же обвѣшивающъ они простое свое плашье кожными лоскушьями, шряпицами, идолами и проч. и ушверждающъ на шапкѣ перяную шишку.

Главнѣйшее *Шаманское орудіе* ешь *барабанъ* или *бубенъ*. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до шрехъ фушовъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракишника, съ одной шолько стороны обшянутъ кожею, а съ другой мѣсто полое, съ поперечною перекладинкою, кошорая служить рукояшкою. Кожа какъ будшо усыпана изображеніями идоловъ, звѣрей и заручительныхъ знаковъ, въ нушри же висятъ идолы и брякушки. Для ударенія въ сей барабанъ упошребляешся одна шолько колошушка, нѣскольکو изогнушая и для глухаго звуку обшянушая заячею или иною какою невыдѣланною кожею, а иногда при дѣлывающъ къ ней еще и два рожка, дабы спрашнѣ казалась. Дѣйшвіе и сила волшеб-

наго барабана по ихъ удословленію весьма велики; нѣкоторыя удары призываютъ, а другіе прогоняютъ духовъ. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и священнослужители ходили въ старыя времена въ походъ, вошли можеть быть онѣ ихъ въ употребленіе и у салдавъ барабаны. Шаманы не имѣющіе барабановъ употребляютъ въ мѣсто оныхъ по двѣ *палцы*, длиною въ три фута, обвѣшенные идолами. Бурятскіе Шаманы при моленіи своимъ повертываютъ небольшой *знаекъ*, состоящій изъ листовичной вѣтви и шряпки. Якушы употребляютъ въ мѣсто онаго *конской хвостъ*.

Сибирскіе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ, ни въ керемешахъ. Они отправляютъ служеніе свое у нѣкоторыхъ народовъ на чистомъ мѣстѣ, на холмахъ или возлѣ рѣкъ, у другихъ въ юртахъ, у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры, у прочихъ же больше ночью при огнѣ.

Касающіяся *до вѣры лоятія* нашихъ язычниковъ всѣ вообще неопредѣленны, темны, онѣ части перемѣшаны и прекословны; въ разсужденіи же главныхъ предметовъ почти все клонится къ одному.

Всѣ вѣруютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей, который называется на Тунгузскомъ языкѣ *Боа*, на Бурятскомъ *Тингири Бурхачъ*, ш. е. Богъ небесный, на Телеушскомъ *Кудай*, на Камчадальскомъ *Кутка*, на Ошякскомъ и Вогульскомъ *Троронъ*, ш. е. свѣтъ, на Семейскомъ *Ицмъ* и *Номъ*, и такъ далѣе. Они думаютъ, что Богъ шварь свою любитъ, всевѣдушъ и всемогущъ: но не уважаетъ частныхъ дѣлъ человѣческихъ. Бога, по ихъ разсудку, не можно ни оскорбить, ни къ себѣ умилоштивить. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ, и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы ошличаютъ предосудительными своими о Высочайшемъ Существѣ понятіями. Все, что въ свѣтѣ не по ихъ мысли, такъ какъ и бѣдствія въ жизни, почитаютъ они доказательствомъ недоспающаго могущества и свѣденія Промысла, и налѣ онымъ издѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ, обитающимъ на небѣ или въ солнцѣ, и имѣющимъ образъ человѣческой; иные же почитаютъ и солнце за самаго Бога. Телеушы и Алтайскіе Татара думаютъ, что явленія и откровенія Всевышняго бывающъ въ сновидѣніяхъ; и что съ виду онъ походитъ на пресвѣтлаго бороною обросшаго человѣка, а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣйшаго одѣ-

янiя не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечтають, что онѣ имѣють великолѣпной придворной шпашѣ и множество лошадей; когда онѣ ѣздить верхомъ, то производить громъ отъ конскаго топоту, а молнiя отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенiя объ камни на небѣ находящiеся, и шакъ далѣе.

Правленiе мiра и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Существа между многими *божками*, которые правда ему подвластны, однакожъ по большей части поступають своевольно: по чему благоволенiе ихъ необходимо людямъ нужно. Воображенiя ихъ о божкахъ перепутаны, прекословны, а отъ части и безшолковы. Разные народы чшуть и разные божества, и приписываютъ имъ шакъ же различныя соучастствованiя и упражненiя. Когда сообразить по возможности ихъ понятiя, то выходитъ слѣдующее. Божки вообще добрые и злые, то есть благодѣшествоють или противуборствуютъ людямъ. Понятiя о существенности и качествахъ сихъ божковъ грубы, шѣлесны, и нерѣдко совсемъ нелѣпы. Они перемѣшиваютъ шакъ же многократно имена и дѣйствiя добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣеть по одному или по нѣскольку дѣлъ въ правленiи мiра. Они охотно благодѣшествоють, частно бывають приспρασны, будучи оскорблены наказываютъ, поспунають по своевольству своему жестоко, и при шомъ мстительны. Всѣ *качества божiи* прешворяють они въ лица, причисляють ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думаютъ, какъ Финскiе язычники, чтобъ они вступали между собою въ бракъ. Всѣ небесныя и спрашныя или знатныя земныя шѣла и естественныя явленiя, отъ коихъ производить имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поимянно чшуть: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знатныя горы и рѣки. Иные почитаютъ горы и воду шокмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащiе законъ свой и отправляющiе по оному идолослуженiе съ великою ревностiю, имѣють обще съ нѣкоторыми другими народами и бога здравiя, звѣринаго промыслу, шущешествiй, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣшей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ *нелриазнечныхъ божковъ* или *бѣсовъ* не меньше великъ. Они вѣрують въ одного *верховнаго Сатану* и обладателя прочихъ, и называютъ его по большей части *Шайтаномъ*, Тунгузы *Буномъ*, Буряшы *Окодиломъ*, Камчадалы *Канною*, и проч. По все-

общемъ божествѣ онѣ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волосъ нѣтъ ни чего добраго: однакожъ онѣ можетъ быть укрощаемъ и удостоиваетъ Шамановъ своего благоволенія. *Сатаны нижшаго стелени* или злые духи раздѣляются на чиненіе зла и споспѣшествованіе всякимъ нещастіямъ. Подъ Сатанами разумѣютъ они отъ части обращенныя въ лица наказанія Божіи, а отъ части и самое нещастіе и зло въ свѣтѣ приключающееся, которое воображаютъ они себѣ самосуществующимъ, и называютъ оное великимъ множествомъ именъ: но все при томъ перемѣшиваютъ и запутываютъ. *Сатаны живутъ* по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ огнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чему и есть у нихъ *русалки, земные обсы, горные духи, лѣшіе, богъ насѣкомыхъ*, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ *тутѣ* они покойныхъ *родоначальниковъ, богатырей* и всѣхъ *Шамановъ* и *Шаманокъ*, яко *полубожковъ* или священныхъ, коихъ боги при правленіи міра употребляютъ какъ совѣтниковъ или помощниковъ, которые имѣютъ свѣденіе о преисподней, умѣютъ призывать духовъ, и могутъ подавать помощь и надѣлять щастіемъ. Безчисленное же множество сихъ священныхъ причиною тому, что они ихъ смѣшиваютъ съ божками и сатанами, и моленія свои возсылаютъ совсемъ не къ шибъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близости Россіянъ, приписываютъ благосостояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковью, и по тому молятъ его и о своемъ благополучіи. Божки и священные, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, шокмо великолѣпнѣе и удовлетворяютъ нуждамъ своимъ по одной волею, по трудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняютъ, то или пѣшкомъ идутъ или ѣдутъ верхомъ либо въ повозкахъ. Камчадалы думаютъ, что богъ ихъ *Туй* ѣздитъ на шестернѣхъ презрядныхъ собакъ, которыя, ессли встрепенушя, причиняютъ землетрясеніе; когда во время грозы идетъ дождь, то громовой ихъ богъ *Белута* выпускаетъ свою мочу. Шалаши, которые богатые скотомъ Буряты строятъ въ степяхъ для покрова божкамъ, и выгонъ лошадей на пашву у многихъ скотоводствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, относятся къ симъ понятіямъ. Нѣкоторые вѣрятъ такъ же, что божки ихъ, въ уполеніе голода, производятъ звѣриной промыселъ, ловятъ рыбу, вырываютъ коренья, и такъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божи являютя Шаманамъ, по ихъ мнѣнію, больше въ видѣ медвѣдей, змѣй и собъ: по чему они и воздають животнымъ симъ честь. *Пихта*, нѣкоторый родъ *лолыно*, который у Камчанцевъ и другихъ народовъ называется Ирвенемъ, особая права на Камчашкѣ, и иныя расшѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитаются любимымъ ихъ куревомъ: по чему идолы и жертвы оными украшаются, поганяя вещи окуриваются, и проч. Нечистыми и въ жершву негодными почитаются свиньи, лягушки, наскомые и черви.

Воображеніе ихъ о мірѣ пресѣкается по большей части на ихъ пустыняхъ. Сложеніе міра почитаютъ они безконечнымъ, а о состояніи людей и звѣрей думаютъ, что они по смерти будутъ жить такъ же, какъ и нынѣ: по чему говорятъ съ медвѣжьими, китовыми и другими спервами такъ, какъ съ живыми людьми.

Живой человекъ состоитъ изъ тѣла и жизненности или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависятъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чему иныя гнѣва боговъ боится, а другіе ни чего не уважаютъ. Боги любятъ и награждаютъ оказываемое имъ почтеніе, также честность и человеколюбіе; ненавидятъ же и наказуютъ нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствахъ не скоро человекъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшитъ можетъ. Боги не заботятся о томъ, лѣнны ли человекъ или прилѣженъ, съ своею ли или съ чужою спитъ женою, много или мало ѣстъ и пьетъ, украденною или самимъ имъ убитою дичиною питается, и такъ далѣе. Шаманы вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чему и должно ихъ отвращать отъ себя посредствомъ Шамановъ, жершвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. *Благополучіе* состоитъ въ здоровьѣ, изобиліи скопа и дѣшей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѣ, рыбной ловлѣ и плошугодіи: *нещастіе* же въ прошивномъ вышеписанному, а особливо въ смерти.

Всѣ Шаманскіе язычники крѣпко увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти будутъ жить: но жизнь сію воображаютъ они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажется имъ по большой части мерзостнѣе и страшнѣе всего, и они ее больше всего опасаются и убѣгаютъ. И самые покойники ихъ ужасаютъ. Они боятся ихъ возвращенія и явленій; по чему многіе идучи обратно съ похоронъ, стараются разными суевѣрными кривленіями лица отвратить смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они

скачутъ черезъ огонь, лазаютъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаетъ смерти жезломъ, дабы се шѣмъ воздержать; по томъ окуриваютъ себя и хижины, либо покидаютъ оня, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называютъ; родственники же покойниковъ, дабы не назывались шѣмъ именемъ, перемѣняютъ свое наименованіе къ немалому ущербу бытійшвенныхъ свѣденій. Кончину почитаютъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную въ прочемъ нынѣшней: но больше счишаютъ ее горестною и ни мало желанія недоспойною. Тамъ живутъ одни только духи да души, которыя присвоятъ они и погребеннымъ вышѣ съ покойниками животнымъ и вещамъ, и по тому почитаютъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они шакъ же, какъ и покойники, исплѣваютъ. Въ преисподней владычествуютъ земные духи, старающіеся причинить умершимъ много зла: по чему Телеушскіе и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ заклинаятъ и секирными размахами удержатъ старающа; многіе же, а особливо въ отдаленнѣйшихъ пущинахъ обитающіе спавяютъ покойниковъ своихъ на дерева или оставляютъ ихъ для исплѣнія поверьхъ земли, либо и сжигаютъ, единственно для избѣжанія отъ земныхъ духовъ. Спада ихъ остаются на семь свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ плашья, домашняго скарбу, оружія, и убиныхъ звѣрей, то служитъ имъ только на разводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. Всякая скопина по окончаніи ея жизни явившаяся въ преисподней точно шакъ, какъ и ея хозяева: но она умираетъ исподоволь и дославшись другимъ хозяевамъ. Будущъ ли шамъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли шакія угоды, какія есть поверьхъ земли, весьма еще сомнительно; за мужьями послѣдуютъ шуда устарѣлыя жены, и шакъ далѣе. Обитающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и ошровскіе жители почитаютъ *будущую жизнь исправленымъ продолженіемъ нынѣшней*, и ожидаютъ шамъ сугубаго удовлетворенія своихъ прихотей, спадъ, пригожихъ цуговъ собакъ, удачныхъ звѣриныхъ промысловъ, проворныхъ бабъ или мужей, и всего того, что бываетъ здѣсь предметами ихъ желаній, хотя и никогда не исполняющихся. И по тому они смерти не страшатся, но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодностію духа оной предають, поднимая сами на себя руки. Поселку Христіана чають себѣ послѣ смерти царствія небеснаго безъ всѣхъ шаковыхъ благостей, то сожалѣютъ они объ нихъ и ра-

дуются своему блаженству. *Шаманы* умираютъ по большой части великодушно. По елику они при жизни упражняются въ умилоствленіи боговъ и злыхъ духовъ, почитаютъ свои волшебства за нужныя, и причисляются по смерти къ святымъ, имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ; то ожидаютъ себя впредь благой участи. Для избѣжанія искушеній земныхъ духовъ и для собственнаго своего очищенія, приказываютъ по большой части шѣла свои по смерти сжигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискавъ себѣ благоволеніе боговъ и ихъ умилоствивить идолами, моленіями и жертвами: большая ихъ половина считаштъ дѣло сіе шоль важнымъ, что нынѣшнее свое уничтоженіе, а ошѣ части и бѣдностъ, приписываютъ нераченію своихъ прародителей о ихъ служеніи.

Идолы, которые по понятіямъ разумнѣйшихъ суть подобія божковъ, а по мнѣніямъ глупыхъ самые божки, дѣлаются по большой части Шаманами изъ спранныхъ ошросковъ деревъ и изъ каменныхъ ошломковъ, которые покажутся подобными нѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлыя каменные горы, ради необыкновеннаго ихъ вида, почитаются идолами, какъ н. п. Шаманская гора въ Восточной споронѣ ошѣ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бываютъ и большіе и малые, рѣзные, набивные или спранныя куклы. *Деревянные куклыные идолы*, которые у Тунгузъ *Шовокали*, у Камчадалъ *Камцзали*, у Бурятъ *Онгонали* называются, длиною бываютъ въ пядень и больше, и одѣваются по примѣру Шамановъ. У нѣкоторыхъ покрываютъ лицо красною листовою мѣдью. Бурятской *божкѣ борзбы* (Имегильшинъ) шаквая же кукла, окруженная кольцомъ, шириною въ два пальца, изъ ракишнику, на подобіе бубеннаго обода. Курильцы составляютъ идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. *Сукельные* или *набивные идолы* употребляются у Якушъ, Чулымцовъ, Телеушъ, Алтайскихъ Ташаръ и у другихъ. Чулымцы называютъ ихъ *Шайтани*; Телеушы же дѣлаютъ и поменѣе, длиною дюймовъ въ 8, шириною въ половину шюфячекъ, съ одного конца разписанный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлены бисеры или дробинки; въ прочемъ они украшаютъ ихъ совиными перьями и называютъ *Салцали*. Бурятской *барашковой идолѣ* есть не иное что, какъ шкурка съ барашка съ ногами и хвостомъ; а лицо рѣзное человѣческое. *Жестяные идолы* въ употребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣшиваютъ

ея больше къ Шаманскому плащю, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жести и кое какъ изображаютъ людей, медвѣдей, оленей, пщицъ, рыбъ, змѣй, звѣздъ и спихи. Человѣческое лицо значитъ солнце, полукругъ луну, суденышко воду, шреугольникъ огонь, решетка землю и шакъ дааѣе. *Войлошныя идола*, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ упошребленіи у Бурятъ и Якутъ. Бурятской *Иргекки* есть не иное что, какъ подобная гребню, часто надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея представляютъ цѣлой соборъ божковъ. *Малеважныя идола*, называемые у Бурятъ *Ногатами*, и упошребляемые многими народами, суть начертанія нагихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жертву швари, или и краснымъ карандашомъ; длиною они въ пядень; въ мѣсто глазъ вставлены дробинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы ставящъ въ пустыняхъ своихъ небольшіе столбы, которые обвиваютъ особою шравою и почиаютъ ихъ божественными. Они дѣлаютъ также изъ разныхъ шравъ чучелы подобныя волкамъ, и ставящъ ихъ въ хижинахъ своихъ какъ будто идола; чучелы сіи называются у нихъ *Хайту*. *Тиллилкав* лѣсныхъ Тунгузъ не другое что, какъ небольшія ворошы изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенныя въ жертву пщицы. *Дой* ихъ есть стоячій крестъ съ ряспашою пщицею. Сдѣланное по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называютъ они *Богг*. *Тисв* Качинской есть подобная вилкѣ шычина, промежъ зубцовъ копорой вѣшаютъ лисью голову или двухъ рѣзныхъ пщицъ. Легко можно разсудить, что всѣ сіи свяшости при недосшаткѣ вкуса, искусства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, отъ часни не примѣшны, и не годятся ниже дѣшамъ нашимъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почши жертвоприношеніи получаютъ новаго идола, то въ иной юртѣ великое ихъ множество. Телеушы ставящъ всѣхъ идола въ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Бурятъ виситъ въ юртѣ на лѣвой сторонѣ, а въ лѣпнее время передъ юртою на столбѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгузы вѣшаютъ ихъ на распорѣ, состоящемъ изъ трехъ колышковъ (Шонанъ); Качинской *Тисв* ставящся на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Бурятскихъ смадъ или шабуновъ шроятся хижины (Обо) на горахъ; нѣкоторыхъ идола кладущъ они въ ящички, и проч.

У идоловъ висятъ всегда шкурки съ ласточекъ, горностасевъ, и другихъ звѣрковъ, также кости принесенныхъ въ жершву животноныхъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жершвы. Почти всѣ язычники воздають идоламъ своимъ почтеніе, поклоняюща имъ, шворя при томъ молитву, берущъ ихъ съ собою, когда идущъ на звѣриной промыслъ, пишающъ или мажущъ ихъ кровью и жиромъ, окуривающъ ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, ирвенеи и проч. Другіе, когда имъ что не пощасливится, ругающъ ихъ, попрекающъ почестями, какія имъ воздаются, бросающъ ихъ объ землю или въ воду, а иногда и колошатъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносятся обще и шоржественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молящся съ пустыми руками, то не надѣются много себѣ добра получить: и по тому шоржественныя молебны приносятъ съ жершвами. Всѣ Шаманскіе язычники празднуютъ въ году три праздника, а именно: *веснній*, *лѣтній* и *осенній*. Веснній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жершвуютъ въ сіе время первую шраву и первенцовъ отъ скоша, а особливо молоко, и просятъ при томъ о низпосланіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осенній праздникъ не вездѣ празднуется ежегодно: однакожъ разполагается всегда шакъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣть въ ономъ участіе.

Въ *жертву* или пищу божкамъ годятся, выключая свиней, всякіе звѣри, рыба, пшеницы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, шварогъ и сыръ, подоженной хлѣбъ (Курмачъ), пиво, вино, машерти, деньги и почши все вообще. Восточные Сибиряки приносятъ въ жершву и собакъ. *Пихтовья* вѣшви жершвуютъ особливо горамъ и водамъ.

Обряды торжественнаго богослуженія не шолько у разныхъ народовъ, но отъ части и у частныхъ Шамановъ, нѣсколько оштинны. Но у всѣхъ главная важность состоитъ въ сущихъ моленіяхъ къ добрымъ богамъ возсылаемыхъ, въ жершвахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкошорые Шаманы дѣлаютъ сіе особенно, другіе всѣ вмѣстѣ, и приносятъ жершвы свои совокупно какъ для умилосшвленія боговъ, шакъ и для укращенія бѣсовъ.

Когда *Телеуты* празднуютъ *веснній* свой праздникъ, то шіряне обоихъ половъ, прибравшись чисшенько, собираются въ полѣ око-

ло Кама, который бьетъ въ бубенъ, по томъ молился, и въ продолженіе молишвы брызгаетъ молоко и пиво, и посыпаетъ Курмачъ; послѣ чего ѣстъ самъ нѣсколько ошъ онаго и надѣляетъ по немногу мірянъ, которые ѣдятъ даръ его съ благоговѣніемъ. Напоследокъ бросаетъ онъ молошную чашу прочь, и по паденію ея судитъ, какова показалась богамъ жершва: ежели чаша упадетъ стоймя, то почитаетъ жершву угодною, а ежели опрокинется, негодною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ распиваньемъ остальнаго пива и молока. У *Катницовъ* разводитъ *Камне* для вешняго праздника (*Урысь*) на рѣчномъ берегу или на казисомъ высокомъ мѣстѣ огонь, приноситъ моленіе повертывая небольшою значекъ, и брызжетъ по немногу кислого молока къ солнцу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ области, а на конецъ по же самое дѣлаетъ и на долю Сашаны. Ошашкомъ освященнаго молока кропитъ всякъ въ своей юршѣ все; а что за шѣмъ ошанется, выпиваютъ обще. У *Якутъ* приносятъ Аюнъ въ жершву перваго удою молоко во всякой юршѣ, швора при томъ молишву и повертывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ называетъ всѣхъ божковъ, бѣсовъ и свяшыхъ, выплескиваетъ при всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ томъ мѣнїи, чтобы ихъ онымъ попомчивать: сіе дѣлаетъ онъ шроекрашно. Изъ остальнаго въ чашѣ молока беретъ онъ одинъ глошокъ; всѣмъ же собравшимся мірянамъ, которые отъ части стоятъ на колѣняхъ, подноситъ онаго же молока мальчикъ. Паденіе брошенной ложки изъясняетъ имъ мѣнїя божковъ. *Тунгузы* и *Бурлаты* празднуютъ вешній свой праздникъ какъ и Телеушы, съ шюю шолько разностію, что оба сіи народы, свержъ молока, приносятъ еще въ жершву и свѣжую шраву. То же дѣлаютъ и прочіе народы съ небольшою шокмо ошмѣною.

Осенній праздникъ бываетъ у *Телеутъ* въ Октябрѣ. Жители деревни приносятъ всемъ міромъ на выборномъ жершвенномъ мѣстѣ (*Таушга*) молодую лошадь въ жершву. Міряне становятся кругомъ около мѣста, на которомъ сдѣланъ жершвенной срубъ или жершвенникъ (*Ташкашъ*) изъ столбовъ и хворосту. Камъ барабанитъ и молился; послѣ чего убиваютъ лошадь и сдираютъ съ нее шкуру шакъ, что копыша, голова и хвостъ ошаютъ при кожѣ, обрѣзываютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ съ нушренностію, и спавятъ богамъ на жершвенникъ, гдѣ оно и шпоитъ до шѣхъ поръ, пока продолжается возобновляемое моленіе. Напоследокъ сѣдаютъ

сами жертвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шесть головою къ Востоку; возлѣ же оной прицепляютъ на верёвочкѣ ваичьи шкурки и другія небольшія жертвы. Ближайшія деревни принимаютъ вѣшомъ участіе. *Бурлаты* приводятъ на жертвенное мѣсто для осенняго праздника (Санге Гаара т. е. бѣлый мѣсяцъ) лошадей, рогатой скотины, овецъ и козъ. Тутъ приносятся у нихъ, какъ и у Телеушъ, вѣ жертву всѣ оныя животныя по порядку, и по томъ сѣдаются. Они убиваютъ шаковыхъ животныхъ поражениемъ вѣ грудь и изжоржениемъ большой жилы. Молитвы свои обращаютъ они къ шряпичнымъ идоламъ (Нугитъ и Ногаитъ), кошорыхъ прикрѣпляютъ къ небольшой палашкѣ. Они спавятъ также березовые куски, и привѣшиваютъ къ нимъ шряпицы какъ будто значки, кошорыхъ движеніе почитаютъ они, по примѣру Ламайскихъ язычниковъ, молитвами. Нечистоту изъ нупренности и все, чего не ѣдятъ, сжигаютъ, дабы собакамъ ни что не досталось. Кожи жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ около ихъ костей, и разпаливаютъ ихъ на утвержденныхъ споймя шестахъ: послѣ чего, пока стоятъ, дѣлаютъ имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящаютъ они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и шелятъ: они привѣшиваютъ ихъ вѣ шаковомъ намѣреніи къ разянутому канату, къ коему прикрѣпляютъ свиныя перья и моливіенные значки. *Якутскіе* и другихъ народовъ праздники сямъ подобны.

Случайныя жертвоприношенія болѣе ошмѣнны. О питаніи и окуриваніи идоловъ сказано уже выше. *Курилцы* послѣ всякаго звѣринаго промысла приносятъ вѣ жертву шкуру съ первоубишаго звѣря и вѣшаютъ ее передъ юршою. *Камгадалы* при нещастіяхъ кидаютъ вѣ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. *Коряки* взоткнувъ собачью или оленью голову на колъ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и шворятъ у оной при стукѣ вѣ волшебные барабаны молитвы. *Телеуты* вѣ случаѣ домашнихъ нуждъ приносятъ вѣ жертву зайца, кошората шкуру съ головою и ногами вѣшаютъ передъ дверьми на березкѣ и часто оной поклоняются. Обыкновенныя домашнія жертвы состоятъ вообще вѣ шкурахъ съ ласточекъ и малыхъ животныхъ. При великихъ заботахъ приносятъ вѣ жертву и большихъ животныхъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпаливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ шочно такъ, какъ на живодерныхъ мѣстахъ. Вѣ пущешествіяхъ *приносятъ вѣ жертву горамъ и рѣкамъ*, черезъ

кошорыя переправляющіяся, больше ельникъ, нѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сыръ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жершву горѣ вѣшаются на вершинѣ на дерево, которое *Тунгузы* называютъ *Налахитомъ*. Огню при всякомъ случаѣ приносятъ шакія же малыя жершвы, равно сало или кровь, кошорую въ огонь бросають. У *локойниковъ* приносятъ въ жершву обыкновенно большую живешину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоваться духами жившныхъ; но же самое дѣлають они обыкновенно и на нѣкоторыхъ поминкахъ, при чемъ многіе кожи принесенныхъ въ жершву жившныхъ развѣшиваютъ.

Къ жертвамъ же принадлежатъ конечно и *посвященіе дворовой скотины*. Скотоводствующіе народы дѣлають сіе въ томъ намѣреніи, дабы предохранить стада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословеніе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящаютъ они богамъ нѣкоторыхъ жившныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все стадо на одинъ или на нѣсколько мѣсяцовъ. Они вѣрятъ, что боги звѣрей и жившныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ вѣдаютъ ночью верхомъ на посвященныхъ имъ скотинахъ; и при томъ утверждають, что часто видятъ ихъ во снѣгахъ въ пошу. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ намѣреніе, по тому что оныя въ необузданномъ своемъ состояніи защищаютъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ спановятся еще бодрѣе. На посвященную лошадь ошнудъ не должно класть подержаната сѣдла, не садиться на нее женьщинѣ, не продавать оной и не убивать. Хозяинъ посвященнаго богамъ стада можетъ свободно оныя пользоваться, но не долженъ шакъ же въ продолженіе того времени, на кошорое оно богамъ посвящено, ни чего ни убивать, ни продавать, ни же дарить.

Когда *Буряты* посвящаютъ лошадей, то не разбирають при томъ ни шерши, ни роду. Шаманъ приносятъ въ жершву у огня по немногу молока, сыру или шворогу, и молодое вино. Посвящаемую богамъ лошадь оканиваетъ онъ молокомъ. Онъ молился повершывая небольшимъ значкомъ, кошорой на огнь поджигаетъ и дымъ пускаетъ лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную спорону и привязываетъ къ гривѣ красной лоскутъ. Нанослѣдокъ спавивъ онъ лошади на спину молодую чашу и пускаетъ ее въ шепъ. По паденію чаши узнаетъ онъ,

угодна ли или прошивна богамъ сія живая жершва. *Стелные Тучгузы* пошумають съ своими божьими лошадыи (Ганганъ) совершенно сходно, а *Телеуты* со своими (Текъ) почти шакъ же. *Кавинцы* окуривають при семъ случаѣ живошныхъ ирвенемъ.

При праздничныхъ и другихъ *моленіяхъ* оказываютъ къ божкамъ спрахъ, а ошъ часпи и благоговѣніе. Всѣ ихъ *молитвы* ошривисшы, и у просшаго челоуѣка соспоаятъ единственне во вздохъ ошносящихъ къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молишвы спановаясь лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ пошавленнымъ жершвамъ. Моленія свои обращають они прямо къ извѣснымъ имъ именно божешвамъ, сашанамъ и святымъ совокупно, ошъ часпи черезъ перебивку ихъ именъ, а ошъ часпи и умышленно, или и всѣхъ выѣшъ призывають. На примѣръ: *Богъ*, имя рекъ, или *боги и святые! надѣлите меня* или моихъ домоводцовъ *здоровьемъ, размноженіемъ скота, удачнымъ звѣринымъ промысломъ*, и проч. Когда приносятъ жершву, шо просятъ о воздаяніи. *Боги!* и проч. *жертву сію приношу вамъ!* или пишаю васъ оною; *надѣлите и вы меня взаимно дѣтьми, скотомъ, долгоденствіемъ, отратите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня* и проч. Смершныхъ спраховъ сіи холонокровные просшаки ни какъ сносишь не могутъ, и для ошвращенія смерти гошовой все сдѣлашь. Боговъ укоряють, поламывая у себя руки, а иногда и безчинно: *гемъ я васъ огортилъ, боги! сатаны!* (Шайшаны) *святые! то вы меня съ земли лохищаете? въ гемъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, прятель* и проч. *то вы его умерщвляете, то предаете ихъ богамъ преисподней* и проч. Въ случаѣ же нещастій ропшуть шакъ: *въ гемъ я провинилъ, то скотницу мою терзають хищные звѣри, то стрѣлы мои не поражаютъ звѣрей*. Шаманы имѣють нѣкоторыя при жершвоприношеніи и въ праздники чимаемыя порядочныя молишвы, которыя они единственне по обстоятельствомъ переиѣняютъ. Они содержатъ въ себѣ призыванія боговъ и свяыхъ, шакъ же заклинанія, угрозы и обѣшы сашанамъ: при чемъ однакожъ перепушывають они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая н. п. Телеушская молишва гласитъ въ переводѣ шакъ: *Боже! Царю небу* (Кудай Кайра Камъ)! *воззри на нашу жертву! соблюди Императрицу! даруй намъ здравіе, долгоденствіе, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе*. Молишвы *Шаманскія* у *Тучгузъ*, *Бурятъ*, и проч. походятъ на наши екшенія. Молишвы свои они выпѣвають, называють поимянно одно божештво за другимъ, и просятъ у каждаго шото,

что отъ него зависить, какъ на примѣрѣ у солнца ведра, у бога женъ дѣтей, у бога звѣрей дичины, и шакъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предшательства. И они перетѣшиваютъ многократно боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ думаютъ они возбудить въ богахъ и проч. вниманіе и ихъ созвать виѣстѣ, поющъ у жертвеннаго огня слѣдующее: *Боже! даруй здравіе! не лолусти захрѣми меня разтерзати, предохрани меня отъ ладенія съ горы, отъ лотолленія въ водѣ! надѣли дѣтями, скотомъ, дичью, рыбами!* (и другими надобностями, которыя у всѣхъ въ разсужденіи простаго и единообразнаго житія почши одинаковы). *Мы приносимъ тебѣ въ жертву оленя, птицу, рыбу, лоставляемъ тебѣ идола* и проч. Міряне провооглашаютъ на всякомъ ошрывѣ рѣчи попеременно: *услыши!* (Го!) *услыши насъ!* (Гегеа!) *положи!* *умилосердись!* что они часто по два и по три раза восклицаютъ. Шаманы называютъ на послѣдокъ шолько боговъ и святыхъ поимянно, и не прерываютъ возглашенія народа: *услыши, умилосердись, пособи!*

Похожія на волшебство дѣла идолослужителей, которыя принимаютъ они собственно для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не меньше нужными, какъ и приносимыя богамъ и святымъ моленія непосредственно производятъ ихъ послѣ молитвъ, шполь безшолковы, а отъ часты и шоль явно на обманѣ основаны, что опниюдь не достойны шой пошоровки и сожалѣнія, какихъ могутъ шребовать сія язычники, при добромъ намѣреніи своего богослуженія руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужителей нелѣпыми преданіями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужителей съ бѣсами глупы, безшолковы, противны здравому разсудку, обаяшелмы, презрѣнія и сожалѣнія достойны.

Сколь ни мало связи между обаяніями Шамановъ и волшебниковъ: однакожъ при шочнѣшемъ разсмашриваніи оныхъ оказышается, что всѣ они одинакую имѣютъ цѣль. Шаманское суевѣріе присвоаетъ бѣсамъ великое могущество и власть въ естественныхъ явленіяхъ и судьбахъ человѣческихъ, разпускаетъ злыхъ духовъ по всему свѣшу, и присвоаетъ имъ способность, наблюдашь все и роду человѣческому вредить. Священнослужители и волшебники хвасшаютъ, будшо они имѣютъ знакомство съ духами, будшо обходяшся съ діаволами по дружески, будшо имѣютъ

надъ ними власшь и знающъ средство ихъ выпрашивашъ, усмиряшъ, а иногда и получать чрезъ нихъ добро. Они разговаривающъ съ ними посредствомъ бубна. Отъ вѣрныхъ имъ злыхъ духовъ узнающъ они причины благоволенія, гнѣва и ненависти боговъ, способы къ ихъ умилосердивленію, знаніе прошедшихъ и будущихъ судьбъ; получающъ также черезъ нихъ извѣстія изъ дальнихъ мѣстъ, могущество въ щасствіи и нещасствіи дѣлашъ великія перемѣны, дарованіе шолковашъ сны, предсказывашъ, и такъ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше почтеніе къ священнослужителямъ, утверждающа на семъ заблужденіи: и по тому сіи послѣдніе какъ исповные обаятели, а отъ части какъ обманушыя бродяги, почитающіе самое существо дѣла истиннымъ, ревностно его подкрѣпляютъ; отъ чего произходивъ въ обрядахъ волшебства нарочитая, однакожъ не весьма важная, разность.

Подробное описаніе равныхъ волшебныхъ и заклинательныхъ лихтостей по причинѣ очевиднаго дурачества и сходственности возбудило бы во многихъ негодованіе, и для того предложу здѣсь вкратцѣ шокмо то, что поважнѣе. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и иные священнослужители, хошашъ узнать о чемъ нибудь прошедшемъ или будущемъ отъ Шайшановъ, Бунисовъ, Окодилловъ и всего преисподняго собора духовъ, также освѣдомившись о своихъ и постороннихъ судьбахъ навѣдаются о причинахъ болѣзней и нещасствій, вступивъ въ переговоры съ огорченными богами, или укротишь и заклешъ бѣсовъ; то производяшъ, предпріявъ шакое дѣло, свойственныя сумасшедшимъ шалости, и кажуща отъ части свирѣпѣющими. Надѣвъ на себя Шаманское платье и разведши огонь, куряшъ обыкновенно съ ужасомъ шабакъ, часто вздрогивающъ, и напоследокъ встающъ для созыванія злыхъ духовъ посредствомъ бѣенія въ волшебной бубенъ. Они дѣлающъ при томъ крайне странные скачки около огня и черезъ оной, кривяшъ ротъ, размахивающъ руками, кричащъ и ревушъ безшолковщину, и зовушъ духовъ поимянно; видѣшъ и слушащъ все сіе въ темнотѣ при глухомъ шумѣ въ барабанъ и бренчанъ навѣшанныхъ на Шаманское платье вещей, страшно. Спусшя съ полчаса пришворяются они какъ будшо бы явились уже бѣсы, и какъ будшо бы они съ ними сражаются. Они спрашивающъ, грозяшъ, просяшъ, общающъ, наказывающъ имъ кое что, и такъ далѣе. Когда хошашъ узнать ихъ ошвѣшъ, то бросающъ въ верхъ барабанную колошущу, или иное что наъ вещей, ношенныхъ шѣмъ, до кого ошвѣщъ касашся бу-

дешъ, на примѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденіемъ шаковой вещи получаешься и ошвѣшь, и по шомъ всеовывающъ голову въ бубенъ, слушающъ со вниманіемъ, дрожащъ, вспренепывающъ и пошбютъ. Якускіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предъавляющъ, будто при шаковомъ волшебномъ дѣйствіи душа ихъ разлучается съ шѣломъ. Разказавъ предварительно нѣкошорыя безшолоковыя выдумки, падающъ замертво на земь, по шому, что будто душа ошъ шѣла ихъ ошлучается, посѣщаешъ преисподнихъ божковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропашяхъ и проч. и шамъ съ ними переговариваешъ. Души пушешествующъ туда на медвѣдяхъ, свиньяхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По шомъ утверждающъ всъ, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ, совъ, орловъ, лебедей, жуковъ, пауковъ, и проч. какъ будто бы свѣшь какой или шѣнь. *Отвѣты* даваемые ими, бывающъ, смотря по вопросамъ, прорицаніями, преисполненными въ прочемъ призраками и сомнѣніями; по чему дѣйствія всегда сбывающъ: часто болтающъ они много и о состояніи ошсуществующихъ или о будущей людей участи. Не лъзя бы и ожидашь ошъ шoliko неосвѣщенныхъ людей шполь замисловашыхъ шолкованій, какія они падающъ часто не думавши и не взявши хорошенько въ шолкъ вопроса.

Кромъ сего вышшаго волшебства есиль у всѣхъ язычниковъ еще и прошое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и прошолоудимыми, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ мѣсядословщикова, Цыганъ и нашихъ каршочныхъ и кофейныхъ предсказательницъ. *Красноярскіе волшебники* (Елачи) и многіе другіе бросающъ въ огонь овечью лопатку, и узнающъ по шрещинамъ и пяшнамъ, какія на ней окажущся, какъ будто бы на письмѣ, что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. *Тунгускии* и другимъ предсказателямъ изиваніе пущенной стрѣлы или прясеніе націанушой шешивы служишъ ошвѣшомъ на всѣ вопросы на удобопоняшномъ языкѣ. *Телеутскіе, Залыскіе и Абшицкіе* мудрецы все уразумѣвающъ по шѣмъ изображеніямъ волшебнаго барабана, на кошорыя лягушъ сорокъ брошенныхъ въ верхъ палочекъ. *Якутскіе* Аюны вручающъ шому, кто хочетъ знать будущую свою судьбу, монету или першень, и узнающъ по шомъ по рукъ върующаго все совершенно явственно. Для возбужденія *вѣтру*, привѣшивающъ они пузырной камень какого ни ешь животнаго виѣстъ съ палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говорящъ при шомъ съ несомнѣнною надеждою: *я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, дабы видѣть твою силу*; не упоминая о многихъ другихъ безуміяхъ.

При всей шемношѣ и несстройности Шаманскаго язычества, а особливо шолкованія о богахъ, не лзя не признашь въ немъ общихъ *лоятій естественной вѣры*, и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ *Моисеева* закона; жершвенные огни, жершвоприношенія и постановленія жершвъ, моленія, мнѣнія о оскверненіяхъ жень чрезъ естешвенныя перемѣны, и много другаго, взяшо конечно изъ Іудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ прошивуборшвуешъ во первыхъ шо, чо въ ихъ понятія относяся къ чувшвеннымъ предметамъ, а во вшорыхъ ихъ обшояшельства, и соошвѣшственное ихъ пущынямъ суровое, ошъ часни и бѣдное, жишіе, которое совсемъ препятшвуешъ обучашъ дѣшей и порядочно воспитывашъ. По разрушеніи же шакowychъ препятшшвій, можно бы сихъ, по большой часши добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудить удобопоняшными поученіями и добрыми примѣрами къ ошверженію своихъ суемыслій и къ приняшію основаннаго на благоразуміи Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

